

**ОГНИ
КУЗБАССА**

№ 4 · 1975

XP.XP

ОГНИ КУЗБАССА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ, ОРГАН КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

Выходит ежеквартально

Год издания 27-й

№ 4 (49)

В Н О М Е Р Е

НАШ СОВРЕМЕННИК

МИХАИЛ БЕРКОВИЧ. Логика открытий. 3

СТИХИ

МИХАИЛ НЕБОГАТОВ. «Еще в листве зеленой...», «Как ладонь с полосками морщин...», «Как в отступлении войска...», «Зима светло и без корысти...», «За строй берез и сосен...» 13

АЛЕКСЕЙ ТОМИЛОВ. «Пляшут «Ахи...», «Я мужиков степенных уважаю...», «На Руси испокон повелось...» . . 14

ИВАН ПОЛУНИН. «Отгарцевал над полем ливень...», «В тридцатый раз хлеба созрели...», «К тебе, земля, иду с поклоном...», «Небо хлопьями бьется в ставни...» . . . 82

ПРОЗА

АЛЕКСАНДР ВОЛОШИН. Зеленые Дворики. Повесть. . . 16

393580

ПРОБЛЕМА! ДА, ПРОБЛЕМА...

А. СОСИМОВИЧ. Не одна живем... 83

СЛОВО — КРИТИКЕ

ВЛАДИМИР КОПЫЛОВ. «Человек приходит к человеку»
(о новой книге стихов И. Киселева). 89

ВЕСЕЛАЯ МИНУТКА

БОРИС АНТОНОВ. Цепная реакция. Тонкие чувства. Юмористические рассказы. 93

Редактор **В. М. МАЗАЕВ**

Редакционная коллегия: **В. М. БАЯНОВ, А. Н. ВОЛОШИН, Г. А. ЕМЕЛЬЯНОВ, В. В. МАХАЛОВ, О. П. ПАВЛОВСКИЙ** (отв. секретарь), **З. А. ЧИГАРЕВА, Г. Е. ЮРОВ**

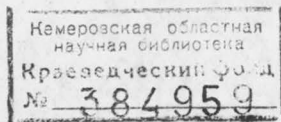
Адрес редакции: 650099, Кемерово-99, Советский проспект, 94
Тел. 6-85-14

Рукописи не возвращаются

На обложке — «Зима» — гравюра Д. Мурсалимова

Ведущий редактор Л. В. Гл е б о в а, художественный редактор Д. Мурсалимов, технический редактор Т. А. Парфеева, корректор Е. И. Тимошук

Сдано в набор 21/VIII-1975 г. Подписано к печати 3.XI-1975 г. Формат 70×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Усл. печ. л. 7,02. Уч.-изд. л. 7,78. Тираж 5000. ОП00052. Заказ № 8108. Цена 31 коп. Кемеровское книжное издательство, Кемерово, Ноградская, 5. Полиграфкомбинат, Кемерово, Ноградская, 5.

0732—46
145(03)—75 27—75

© Кемеровское книжное издательство, 1975

М. Беркович

ЛОГИКА ОТКРЫТИЙ

Да пребудут в целости,
Хмуры и усталы,
Делатели ценностей —
Профессионалы.

А. Межиров

Лет восемь назад на одном из совещаний начальник Северо-Алтайской экспедиции, жалуясь на трудности определения новых площадей для поиска бокситов, сказал:

— Спасибо Павлу Ефимовичу, а то бы мы до сих пор не знали, где бурить.

Приблизительно в то же время главный геолог Рудно-Алтайской экспедиции с надеждой говорил:

— Вот придет Павел Ефимович и поможет нам определиться с поисками на полиметаллы.

— Руда на Канyme будет. Если Мертвецов сказал, обязательно будет, — утверждал начальник Терсинской партии.

Все это я вспомнил во время беседы с начальником Западно-Сибирского геологического управления Георгием Александровичем Селятицким. Речь шла о геологии, о путях познания тайн земной коры, о знаменитых и великих геологах. И вот что сказал мой собеседник о своем подчиненном, начальнике геолого-производственного отдела управления Павле Ефимовиче Мертвецове:

— По-моему, второго такого разведчика в Сибири нет...

Весть о ликвидации Ташелгинской партии была громом среди ясного неба. Уезжал в отпуск, партия работала, а вернулся — ее и след простыл. Даже оборудование успели вывезти. Обычно такие дела свершаются неторопко, а тут — быстрота и натиск, будто нет в управлении более важной задачи, чем ликвидация Ташелги. Павел Ефимович понимал: никто не торопил события специально, они сами так складывались, но, тем не менее, эта поспешность огорчила его.

Был первый послеотпускной день. Павел Ефимович стоял в своем кабинете и задумчиво смотрел на стену за рабочим столом, где висела опромная тектоническая карта Сибири. Со стороны могло казаться, что

он внимательно изучает карту, на самом деле он не замечал ее. Его занимала мысль: как «спасти» месторождение, которое общим мнением признано бесперспективным. Чувство глубокой досады на коллег (и на себя тоже) не давало покоя.

Бывший в то время начальником управления Н. С. Мамлин радушно протянул руку:

— Ну, как отдохнул? Загорел, смотрю, будто в Африке побывал!

Мертвецов молча ответил на рукопожатие, сел на маленький столик, торцом приставленный к большому, и приготовился к бою. Тема загара сейчас мало его волновала, и Мамлин сразу уловил это.

— Случилось что-нибудь? — спросил, тревожась.

— Почему закрыли Ташелгу?

— То есть как «почему»? Есть коллегиальное решение, наконец, приказ министра...

— Неправильное решение и приказ неправильный.

— Да поймите же, не можем мы, не имеем права тратить государственные средства на разведку бесперспективного месторождения! Вы же знаете, за последние пять лет Ташелгинская партия не дала ни тонны прироста запасов, а те 28 миллионов тонн, что утверждены, промышленности не берет: маловато!

— Не 28, а больше, — не отступал Мертвецов.

— Ваше «больше» к отчету не приложишь, — резонно заметил начальник управления.

Эти слова буквально обезоружили Мертвецова. В пятидесятые годы, когда пришлось закрывать партию на Большом Каньме, вот так же, один против всех восстал ветеран управления старший геолог по железным рудам Алексей Степанович Мухин. На чем свет стоит он клял всех и вся за «верхоглядство» и «близорукость». Тогда Мертвецов сказал ему:

— Ну чего зря слова тратишь? Не согласен — докажи!

Он имел в виду доказательства — перспективные геологические документы.

И вот теперь, спустя много лет, Мамлин возвращает ему его же мысль, но в несколько иной «упаковке». Ведь и в самом деле, кроме убеждения, что кто-то неправильно понимает месторождение, у него нет ничего. Да, маловато!

От Мамлина он напрямик направился в фонды, где хранятся геологические документы управления за всю его историю, поднял все отчеты по Ташелгинскому месторождению и перенес их в свой кабинет. Тесно стало от бумаг в кабинете...

В тот день он вернулся домой поздно.

— Что это ты засиделся сегодня? — спросила мужа Анна Николаевна.

— Да так, есть тут одно дело, — уклонился он от ответа.

Анна Николаевна улыбнулась и, ни слова не сказав, ушла на кухню. До нее уже успел дойти спор о Ташелге. Пока он умывался, поставила на стол вареную картошку, масло, достала вяленых хариусов, оставшихся от его последней рыбалки, включила чайник. Ужинали мол-

ча. Он редко говорит о делах дома, хотя жена всю жизнь работает вместе с ним — сначала в поле, а теперь в управлении. Его геологическая судьба — это и ее судьба, потому что единое, как известно, неделимо. А судьба ее мужа сложна, в ней были и розы и тернии. Последних неизмеримо больше.

Летом 1938 года Павел Мертвецов закончил Иркутский геолого-разведочный институт и получил назначение в Якутию.

До самой Великой Отечественной войны все шло как обычно в таких случаях. Молодой спец топтал в поле сапоги, набивал себе шишки — набирался ума-разума. Здесь, в поле, он встретил выпускницу Алма-тинского геологоразведочного института и женился на ней. События же основные начались на второй год войны...

Олово — сырье стратегическое. И если в военное время обнаружено новое месторождение, то его нужно срочно разведать. Геолог Епифанцев нашел олово на Кестере, его коллега Копытин прошел там три канавы и подтвердил: металл есть. Но оба они были не разведчиками, а съемщиками, и потому проект на разведку Кестерского месторождения попросили сделать Мертвецова. Он и не предполагал, какую злую шутку сыграет с ним начальство. Проект-то составлял по чужим наблюдениям, сам же и ногой не ступал на месторождение. А когда закончил проект, ему сказали: «Ты проектировал, тебе и работать». Так, совершенно неожиданно, Павел стал начальником партии. Естественно, радости от такого повышения не испытал. Что собой представляла партия? Один инженер-геолог (он же начальник), два техника, бригада старателей — 50 человек, четыре дробильных установки. Задание: не только разведывать месторождение, но и попутно добывать олово из породы, которую крошили на дробильных установках. Олово отправляли в Якутск.

Все бы хорошо, да вот беда: неправильно было понято месторождение. Епифанцев с Копытиным утверждали, что оно представляет собой систему даек (небольшие линзы), а на самом деле никаких даек не оказалось. Шли месяцы, но кроме незначительных рудопроявлений ничего обнаружить не удавалось. Начальник смутно догадывался, что напутали его предшественники. Только от одной мысли об этом озноб прошибал: если так, то нет здесь никакого месторождения.

Ситуация... План есть, дробильные машины, люди, деньги на разведку и добычу — все это есть. Нет «пустяка» — самого месторождения. Проверить бы догадку, но пока над промерзлой землей лежал двухметровый слой снега, об этом и мечтать не приходилось.

Ранней весной, как только зачернели проталины, он взял молоток и подался в поле. Два месяца копал канавы, изучал обнажения, прослеживал направление залегания пород, пока не убедился, что даек действительно нет, а есть кольцевая полоса оруденений. Значит, все в партии делается не так, и олова ждать нечего. Но это нужно доказывать. Тогда он снял горняков со старых выработок и задал около сорока новых канав. Только так он мог подтвердить свои предположения.

Решение оказалось столь неожиданным, что «добрые» люди заподозрили его в злом умысле.

Павел Ефимович хорошо понимал: теперь действуют законы военного времени, а это значит, права на ошибку у него нет.

Дело кончилось благополучно: почти все выработки «сели» на руду. Но тут выявилась еще одна беда: порода оказалась не по «зубам» дробильным машинам. Производство остановилось.

А в управлении уже полгода ждали олова. Управление «долбило» начальника Кестерской партии прозными радиogramмами и телеграммами, требовало олова любой ценой. А олова не было... Оно еще не дошло до Якутска.

С тех пор, как начальник изменил направление геологоразведочных работ, дела в партии заметно улучшились. Руда шла ежедневно, а породу приспособились дробить на кострах: она трескалась от высокой температуры. Самоутвердился и начальник партии. С ним считались в коллективе, его слушали.

Вот в это самое время и появился в Кестере начальник Янского горнопромышленного управления генерал Халеев. Пожилой, но статный, перетянутый скрипучей португеей, генерал без особого труда разыскал Мертвецова и... вручил ему... приказ об освобождении от занимаемой должности. Тут же стоял прихваченный из Якутска претендент на эту должность.

Павел Ефимович молча принял из рук начальства серый листок машинописного текста — этот в высшей степени несправедливый приказ — и читал его стоя: «За развал работы...», «За необеспечение выполнения задания...»

Уже заскучал новый начальник партии, а он все читал приказ, будто в нем могло что-то измениться. Потом потыкал в бумажку пальцем, протянул ее Халееву и, глядя ему прямо в глаза, сказал: «Ложь!»

Генерал побавровел от негодования:

— Как вы смеете! Что ложь?!

— Все, что написано в вашем приказе, от первой до последней буквы — ложь, — сдерживая себя, ответил Мертвецов. И тут его провало, на одном дыхании он выпалил:

— У нас три годовых плана есть, а вы «развал», «разлад»! Идемте, я вам покажу и «развал» и «разлад».

Склада в партии не было, и рудный концентрат хранился прямо в конторе. Когда Павел Ефимович показал гостю, сколько его, тот быстро спрятал свой приказ в портфель, а ознакомившись с новыми геологическими документами, развел руками. Эта работа означала второе рождение Кестера с запасами руды, значительно превосходящими первоначальные.

— Молодец! Мо-ло-дец! — повторял оторопевший генерал.

Ему пришлось сменить гнев на милость. Спустя некоторое время он подписал приказ о выплате Павлу Ефимовичу Мертвецову первооткрывательской премии за Кестерское месторождение...

Теперь, оглядываясь на те далекие времена, Павел Ефимович не без основания полагает, что там, на Кестере, произошло его профес-

сиональное становление. Кестер воспитал в нем выдержку, настойчивость, способность переносить любые житейские невзгоды, научил мыслить смело, раскованно, не держаться за традиционные истины, научил рисковать. Все это как раз и есть те качества, без которых геолог не геолог...

Анну Николаевну охватило беспокойство. Как не кто другой, она понимала всю сложность проблемы Ташелги. Дело не столько в том, что Павлу Ефимовичу предстояло перевернуть горы отчетов, сколько в конфликте, который обязательно возникнет между ним и геологами, всю жизнь занимавшимися разведкой этого месторождения. Ведь что значит «перестроить» по-своему структуры месторождения. Это равносильно тому, что перечеркнуть всю их работу. И как бы он ни был прав, аплодисментов ждать не приходится. Кроме того, она знает характер мужа. Он просто нетерпим к своим противникам.

Наверное, нет более «неточной» науки, чем геология. Геологам приходится иметь дело с событиями, происходившими на земле и глубоко в ее недрах многие миллионы и даже миллиарды лет назад. Никто не может с точностью утверждать, что происходило в те доисторические времена на какой-нибудь конкретной территории. Об этом можно лишь догадываться на основании ископаемой флоры или фауны. Но и «читают» каменный материал специалисты всяк по-своему, в зависимости от того, к какой школе принадлежат, а потому делают разные, нередко взаимно исключающие выводы на одном и том же материале. Ни в одной другой науке нет такого количества относительных и временных выводов и формулировок. Но, пожалуй, нигде не соприкасаются так тесно наука и практика. Решая любой практический вопрос, геолог всегда выступает в роли исследователя. А его отчет о разведке месторождения разве не научный документ?

Сторонники каких-то определенных взглядов объединяются в группы. Между группами годами, десятилетиями идет научный спор. Кто из них прав, одни или другие, а может быть — и те и другие?

Группа геологов, работавших в бывшем тресте «Черметразведка», полагала, что железорудные месторождения Горной Шории имеют вертикальные структуры, то есть залегают в недрах вертикально. Их мнение было узаконено десятками геологических отчетов, диссертаций, сотнями публикаций. И вдруг появились два человека, которые взяли под сомнение устоявшуюся истину. Один из них — бывший начальник геолого-производственного отдела Александр Семенович Калугин, другой — его зам, Павел Ефимович Мертвцов. Калугин вскоре ушел из управления, и отстаивать новую точку зрения пришлось одному Павлу Ефимовичу.

Иногда ему удавалось днем выкроить время для Ташелги. А в основном работал вечерами, изредка прихватывал выходные. Как только в управлении раздавался звонок, извещающий об окончании рабочего

дня, он брал очередной отчет, раскладывал на столе старые чертежи рудных тел, сверял их с описанием, с данными геофизической съемки и отыскивал несоответствия. И так изо дня в день. Вот один из давних отчетов, автор которого утвердил 7 миллионов тонн руды. Позднее запасы удвоятся. А вот последний отчет — 28 миллионов. На этом поставлена точка. Только ни в одном отчете нет правильной оценки линейных магнитных аномалий, а значит и нет сколько-нибудь точной информации о характере залегания рудных тел.

Изучив буквально по спрочкам старые документы, он принялся отрисовывать рудные тела так, как они виделись ему.

Однажды в его кабинет зашел главный геолог управления, один из тех, кто многие годы занимался разведкой черных металлов в Горной Шории, известный специалист по железорудным месторождениям. На столе у Павла Ефимовича лежал только что законченный чертеж участка Мраморного. Главный геолог остановил на нем взгляд:

— Что это у вас? — спросил он.

— Структуры Мраморного, — ответил Павел Ефимович.

— Горизонтальные? Да это же бред! Никогда, поверьте мне, в Горной Шории не было горизонтального залегания рудных тел.

Мертвецов ничего не сказал. Перед ним стоял человек, который был уверен в каждом своем слове. А он не верил ни одному его слову.

Столкновение мнений, идейные споры. Их в жизни было очень много, но в тот момент почему-то вспомнился случай из далекого далека, когда он только начинал самостоятельную работу. Дело было на прииске...

Восемнадцатилетний Павел Мертвецов только закончил маркшейдерские курсы и сразу, что называется, с корабля на бал. Ему поручили сбить (соединить) горными выработками штольню в шахту. Предстояло так рассчитать направление, чтобы выработки сошлись точно в назначенном месте. По теории — дело знакомое, навыков же пока не было. Работа ответственная, ошибись чуть, и выброшены на ветер тысячи рублей. И все-таки он взялся за нее.

В тот день, когда должна была состояться сбойка, он не выходил из шахты. С кровли капала вода, под ногами чуть слышно журчал мутный ручей, в спину дул колючий ветер. Где-то в глубине подземного коридора монотонно гудел вентилятор. Павел стоял неподалеку от забоя и молча наблюдал за работой проходчиков, прислушивался к каждому удару, ожидая что вот-вот раздадутся звуки из встречной выработки. Уже близилась к концу смена, а никаких признаков сбойки и не наблюдалось. Павел начал нервничать. А тут еще (нелегкая принесла) прибежал старший смотритель прииска. Грузный, уже немолодой мужчина, он спешил, словно на пожар, и, поравнявшись с маркшейдером, преодолевая одышку, с трудом выговорил:

— Павел... плохо... дела плохи... ошибся ты. Выработка ушла в сторону.

— А вы-то почему знаете?

— Штрек прослушивал... Гудкий звук... Значит, где-то рядом выработка идет.

Павла сразу даже холодный пот прошиб. Потом одумался, ведь не должно быть ошибки, расчеты проверил несколько раз. Толстяк-смотритель вызывал раздражение, и он сказал ему:

— А я не верю вашему уху, верю математике.

Старший смотритель только плечами пожал, мол, ненормальный какой-то: ему дело говорят, а он «пузырится».

В этот момент из груди забоя показался бур встречной бригады. Веером разбрасывая породную пыль, он весело вращался в пробуровленном отверстии. Павел обнял оторопевшего смотрителя:

— Вот так-то!

...Спор с главным геологом был сложнее, но все же чем-то напоминал ту давнюю историю. Только тогда он опирался лишь на математику, а теперь на геофизику и на многолетний опыт. И если старший смотритель ни уха ни рыла не смыслил в интегральных исчислениях, то главный геолог в геофизике знает толк. Хотя в то время, когда он возглавлял трест «Черметразведка», геофизика только появлялась на горизонте геологии. Так что при разведке горношорских месторождений она не успела сыграть заметной роли. Да и отношение геологов к ней было не всегда таким, как требовало дело. Многие в нее совсем не верили.

Павел Ефимович сразу признал новую науку, изучил ее, научился «расшифровывать» магнитные аномалии, сверять по ним геометрическое положение рудных тел. Это умение стало его силой, тем самым ветром, который разгонял дымовую завесу ошибочных суждений, а иногда и длительных споров, обнажал истину. Но как часто эту истину встречали в штыки!

К тому времени, когда Павел Ефимович взялся за Ташелгинское месторождение, старое представление о горношорских структурах уже не казалось бесспорным. Устойчивый его фундамент нарушил все тот же Мертвецов, когда пересмотрел структуру Шерегеша. Отрисовав правильное положение рудных тел на этом месторождении, он добился увеличения запасов руды вдвое по сравнению с тем, что было раньше. Но Ташелга — не Шерегеш. Все надо было начинать сызнова. Начинать под откровенные насмешки ретивых оппонентов. Этот факт злил, заставлял работать с удвоенной энергией...

Через полтора года он поставил последнюю точку на восьмидесятом листе ватмана. Заканчивался рабочий день, и он аккуратно сложил все материалы Ташелги в папку, чтобы утром показать их Мамлину.

На сей раз разговор получился бурный. Павел Ефимович, как всегда, сел за маленький столик, немного выждал, как бы собираясь с мыслью, и начал без обиняков:

— Наум Самойлович, придется все-таки открывать Ташелгинскую партию заново.

Мамлин поднял недоуменный взгляд:

— То есть, как «открывать»? Мы же договорились с вами по этому поводу.

— На Ташелте 54 миллиона тонн руды. Так что никаких договоров быть не может.

С этими словами он положил на стол папку, в которой было семьдесят чертежей.

— Кто поручал вам эту работу? — повысил голос Мамлин.

— Никто, — отрезал Павел Ефимович.

А начальник управления уже осмысливал случившееся. Он не сердился за дерзость и потому, как бы размышляя вслух, обронил:

— Что же теперь говорить министерству?

Человек темпераментный, порывистый — он обычно вспыхивал спичкой, но и быстро приходил в себя. Он всегда уважал подчиненных, и они прощали его неуравновешенность. Вот и сейчас Мертвецов, переждав короткую вспышку, спокойно сказал:

— Все-таки ознакомьтесь с документами... Иначе вынужден буду обращаться в министерство...

Мамлин понял, что это не угроза — позиция — и потому выслушал слова Мертвецова без обиды.

После ознакомления с чертежами Мамлин согласился с мнением начальника геолого-производственного отдела. Но Павлу Ефимовичу пришлось выдержать не один бой, прежде чем возобновили разведку Ташелги. Его противники пожимали плечами, дескать, нарисовать можно что угодно, а ведь промышленности нужны не художества, а руда. Иными словами, где вещественные доказательства? И когда Мамлин после бурных дебатов потребовал этих самых доказательств, Мертвецов ногтем сделал несколько пометок на чертежах: точки заложения проверочных скважин.

Все они встретили руду, и Ташелгинскую партию пришлось все-таки открывать.

Каково же значение этой работы? Полтора года кропотливого труда одного человека и 26 миллионов тонн руды? Не только! Сейчас «перестроены» структуры Казского, Таштагольского месторождений. Только по Таштаголу получен такой прирост запасов, что и поверить трудно.

За «перестройку» структур горношорских месторождений Павел Ефимович был награжден орденом Ленина.

Однажды я услышал такой разговор двух геологов:

— Ну открыл, ну доказал, — полемизировал первый из них, — но ведь все это плод коллективного труда, а не феноменальных способностей одного человека.

— Согласитесь, — утверждал второй, — он увидел то, чего не заметили многие другие.

— Не спорьте, где бы взял материал для своих выводов Мертвецов, если бы не старые отчеты? Или вы хотите сказать, что он феномен!

— Феномен не феномен, а геолог талантливый.

Спор не нов, но он в наши дни стал модным. Суть такова: время одиночек миновало. Все, что лежало на поверхности Земли, уже откры-

то во времена Волковых, Шерегешевых. В эпоху же научно-технической революции открытия делают коллективы, а одиночки не могут рассчитывать на крупный успех. На первый взгляд, все правильно. И все-таки душа протестует против такой нивелировки, против философии исключительного коллективизма. Не девальвирует ли подобная точка зрения такое понятие, как «талант», и не возвращает ли человеку, личности роль маленького «винтика» в могучей машине коллектива, общества?

Геология. Одни убеждены: это искусство. Другие утверждают: «наука». Третьи, «поближе к земле», говорят: «работа, трудный труд!» Павел Ефимович среди последних. Мне думалось, что он относится к когорте тех людей, которые беспредельно влюблены в свое дело. Все оказалось значительно сложнее.

Я задал лобовой вопрос:

— Вы любите свою профессию?

Он насторожился. На меня смотрели синие задумчивые глаза. Над прорезанным морщинами лбом свисала зачесанная набок изрядно пордевшая прямая прядь волос. Глубокие складки обрамляли рот. Вопрос явно не понравился ему, казалось, он решал, нужно ли отвечать. И все же сказал:

— Я люблю медицину.

Честно говоря, ответ поразил меня. Я-то предполагал, что мой герой, словно из песни: «Если снова начать, я бы выбрал опять...», а он уверяет, что ни за какие пряники не пошел бы в геологию, «если снова начать». Но почему? Ведь в геологии он так многого добился, так много успел сделать.

— А в медицине я бы сделал больше, — сказал он.

И все-таки не верилось, что он не любит своей работы. Что — думал я — если не любовь к делу двигало им, когда он ходил с геологическим молотком по Кестеру и многим другим месторождениям Сибири, когда просиживал вечера и выходные дни над материалами Ташелги? А он ответил просто:

— Все зависит от воспитания. Родители с детства приучили к тому, что свою работу, какой бы она ни была, нужно делать добросовестно. Не важно, что я мечтаю о медицине. Дело моей жизни — геология, значит, я обязан его выполнять с полной отдачей...

Как бы я ни противился столь прозаическому толкованию взаимоотношений — человек — работа, мне ничего не оставалось, как признать сказанное им за истину. И вот о чем подумалось: не впадаем ли мы в ошибку, когда утверждаем, как нечто бесспорное, будто невозможно стать настоящим мастером без горячей любви к своей профессии, а уж о счастье в таком случае даже и говорить не приходится. Однако как часто люди выполняют не то, что им бы хотелось, о чем мечтали сизмальства, а то, что поручено, если хотите, доверено! Неужели

все они несчастливы, обижены судьбой и никчемны? Как же быть тогда с такими понятиями, как долг, обязанность перед обществом, чувство ответственности? Если мы признаем, что высшее счастье человека заключается в служении обществу, то эти качества должны компенсировать недостаток любви к профессии. Опыт Павла Ефимовича — убедительное тому подтверждение.

Его дело — прикладная геология. И он дьявольски удачлив в своем деле. Коллеги пытаются докопаться до корней этой удачливости. Одни полагают, что ему многое дается, потому, что он не только геолог, но и маркшейдер, отсюда обладание объемным мышлением, а это для геологии не так уж мало. Другие говорят, что весь секрет его успехов в том, что он все делает очень быстро и точно. Третьи утверждают, что он много читает о геологии и знает ее лучше других...

А еще те, кто близко знаком с Павлом Ефимовичем, удивляются разносторонности его интересов и увлечений. Он любит музыку, поэзию, живопись, кино, фотографию, играет на флейте, он — заядлый рыбак. Где же он берет на все это время? Приходится все делать быстро... Его память почти феноменальна. Он помнит более тысячи минералов. А много ли вы знаете людей, которые помнят «Евгения Онегина» от строчки до строчки? Павел Ефимович помнит.

Должность у него горячая, беспокойная. Ни одна площадь не может быть исследована без его участия, ни один отчет о поисках или разведке полезных ископаемых не будет принят без его предварительной проверки. И он тщательно изучает документы, исправляет ошибки, учит молодых геологов правильно оценивать исследуемый район.

Как-то он принимал отчет о разведке русла одной реки на россыпное золото. Отчет составлял молодой геолог и, естественно, допустил ошибки. Мертвецов откровенно ворчал:

— Что вы тут напутали? Почему при подсчете запасов эта скважина учтена, а эта нет?

Молодой специалист пытался что-то объяснить...

— Слушать не желаю, — сердился начальник отдела. — Вы не убедили меня в том, что на участке есть золото. И все из-за неряшливости. И не могу рекомендовать ваш отчет государственной комиссии запасов. Будьте любезны переделать.

г. Новокузнецк

Михаил Небогатов

Еще в листве зеленой нет просвета,
Еще она по-летнему густа,
Но, как закатом, золотом задета,
Чуть покраснела сверху гладь листа.
На этот лист другие смотрят листья
И с жалостью и с думою о том,
Что вот и их подкрасит скоро кистью
Осенний полдень в свете золотом.
Подкрасит он, а ветер сдует с веток,
И будут на земле пестреть они
Печальной грудой радужных расцветок
Среди ненастья, в облачной тени...
Ну, а пока не тронул листья иней,
Им радостно и весело глядеть
На небосвод, еще прозрачно-синий,
На солнышко, что вышло их согреть.

Как ладонь с полосками морщин —
Поле, а на нем пути-дороги.
День и ночь здесь ровный шорох шин
В радости, в заботах и тревоге.
— До дождей успеть бы!.. Нагружай! —
Голоса звучат в осеннем поле.
Уродился славный урожай
Для народа, для счастливой доли.
Солнца остывающий огонь.
День высок, прохладен и просторен...
Поле — как широкая ладонь
С полновесной горстью хлебных зерен.

Зима светло и без корысти
Нам дарит первый снегопад.
В саду рябиновые кисти
Уже не в лад с зимой горят.

Как будто осень с ветром шустрим,
Что любит листья ворошить,
Вот эти маленькие листы,
Уйдя, забыла потушить.

Как в отступлении войска,
От ветра сильного порыва
Бегут по небу облака
Вразброд, клочками, торопливо.
И очень страшен их испуг,
Влюбленных в солнце, в тишь
и просинь...
То гонит с севера на юг
Зима разгромленную осень.
Они уже в седой золе.
Бегут, смотря на мир смущенно.
А ветер треплет на земле
Деревьев жалкие знамена.

За строй берез и сосен
В сырой октябрьский час
Не просто скрылась осень,
А скрыла что-то в нас.
Не просто наступила
Зима, свежа, светла,
А что-то жизни сила
В нас новое внесла.
Горит ли позолота,
Блестит ли снег зимы —
В себе теряем что-то,
Находим что-то мы.
А дни легки и ходки.
И так уж суждено:
Потери и находки —
С природой заодно.

Алексей Томилов

Пляшут «Ахи».
Стонут плахи.
Эх!
Гуляют топоры!
Расползаются рубахи
На лопатках до поры.
Закипает стружка
Пеной.
Брызжет солнечно
Щепа.
Вырастает пятистенок,
Славный терем из себя.
Дайте скинуть
Рукавицы,
На ладони поплевать.
Дайте,
Дайте мне жар-птицу
За веселый хвост
Поймать.
Ходят плечи
Вкруговую
И замах дают
Рукам.
Топоры
Взахлеб пируют:
«Ах!» —
И плаха пополам,
«Ах!» —
И вспыхивает ярко
На венце

Веселый срез,
«Ах!» и «Ах!» —
Ликуют жарко
Топоры весь день
Окрест.
Дай задору!
Дай дрозда!
Дай наличник
Для гнезда!
Дай высокие стропила,
Солнцем крашенный
Карниз!
Пусть играет
Наша сила,
Чтоб рубахи взорвались.
А опилки,
Как поземка,
По доскам,
По самым кромкам
Из-под яростной пилы
С горьким запахом
Смолы.
Оближи
Сухие губы,
Чуб смахни
С крутого лба,
Улыбнись-ка белозубо.
Пусть у солнечного
Сруба
Будет светлую Судьба!

Я мужиков степенных уважаю,
Пред ними будто виноват,
Что не пашу и не сажаю,
А погостить в деревне рад.
Они не сталкивают горы,
И с неба звезд не достают,

А просто трудятся с задором
И, словно черти, устают.
Их широки в покос замахы.
Сухие губы солонны.
И ходят,
Ходят под рубахой

Их плечи, словно валуны.
Попросишь косу,
Станешь рядом,
И быть бы взмахам без конца,
Но метров шесть пройдешь —
И градом
Пот хлынет с твоего лица.
И скажут просто,
Не лукаво,
Мол, отдохни, перекури.
И будут падать,
Падать травы.
И улыбаться косари.

А за обедом на покосе
Мне шуткой приподнимут дух.
О городской о жизни спросят,
Мол, и у вас в руках не пух.
Но я замечу,
Что жалеют
Они, притихшего, меня.
И снова будет тяжелее
Дышать мне в этом царстве дня.
Как будто я хожу по краю
Своих непаханых полей,
И в рифмы, как дитя, играю,
И пух ловлю у тополей.

На Руси испокон повелось
Всей деревней встречать солдата.
В каждом доме желанный он гость.
Принимают его, как брата.
Усадив за широкий стол,
Оглядев ненароком медали,
Старики ему скажут, мол,
Слава богу, отвоевали.
«Да....», — ответит он им
И вдруг,
Не хвастун, не болтун, а все же,
Как там бились за Днепр и Буг,
Сгоряча и просто доложит.
Все поведает им, да так,
Что хлебнувшие малость деды
Боевые припомнят года,
Рукопашные и победы.
Пусть хитер иноземец и лют,
Но не та у него закваска...
И про ворона запоют
Деды в лысынах,
Словно в касках.

ЗЕЛЕННЫЕ ДВОРИКИ

П О В Е С Т Ь

Глава 1

Уже неделя, как они все идут, идут — и в день, и в ночь, то чуть на север, то немного на юг или прямо навстречу солнцу, и кажется, не будет конца-края этому непереносимому солдатскому походу. После последнего нечаянного боя их осталось семнадцать, при двух пулеметных расчетах и одном ПТР. Командовал шестнадцатью старшина Дмитрий Чугунов.

А бой тот случился при переправе через болотистую речушку с ласковым домашним названием Утица. Там их сводную роту накрыл свалившийся с погожего сентябрьского неба немецкий парашютный десант. Многих они не досчитались после того скоротечного боя. И командира роты Колю Трофимова, лейтенанта, потеряли, и голосистую веселую пересмешницу Олю — санинструктора. Многих, по ком неизбывна память будет до конца дней.

Но все равно, как потом ни прикидывал Чугунов, тот бой неистовый, на коротком дыхании, сквозь злые слезы, был необходим; он был нужен, он сделал оставшихся в живых настоящими солдатами. Это двадцатилетний старшина знал по себе, это знал о себе каждый из них. Главное, враг оказался глаза в глаза — это впервые за недели отступления, — врага можно было бить и пулей, и гранатой, и голыми руками можно было вынимать из него душу.

Но теперь вот снова целую неделю они, как в пустыне, — ни своих, ни врагов. Орудийный гул, то близкий, то еле слышный, раскатисто вспухал или по сторонам, а то и далеко впереди, по ночам багровые стальные зарева поднимались по всему окоему. Горела сама земля.

Дмитрия Чугунова и сон часто не мог сморить в короткие часы случайных привалов. Рядом по обыкновению с причмокиванием всхрапывал младший сержант Костя Спичев — незаменимый человек, когда позарез требовалось раздобыть хоть какие-то харчи, он же сметливый советчик по части всех остальных, может, и нехитрых, но всегда неотложных солдатских забот. Костя засыпал ненадолго, зато почти мгновенно, не успев опустить голову на вешмешок. А тут скулы ныли, до того хотелось скрипнуть зубами. От неотступной, покалывающей и бесильной злобы. Если привал приходился на ночь, на тебя будто наваливалось всей своей тяжестью само небо с редкими тусклыми звездами, и жесткая земля под тобой медленно и муторно раскачивалась.

Говорят, на войне солдат все больше о доме, о близких вспоминает, и оттого, мол, солдату легче воюется, — кто его знает, — на это сейчас и памяти никакой не было. Разве что изредка, как в сумерках, возникало лицо мамы, которую Дмитрий и знал-то лишь по небольшому настенному портрету в их маленькой двухкомнатной квартирке. Да глаза бати вдруг виделись, — хмуроватые, взыскующие, какими видел их четыре года назад, какими запомнил. В небытие канула их с отцом бобылья квартирка в деревянном двухэтажном доме на берегу далекой сибирской реки. И вся та жизнь, с первых ее сполохов, с первых слез и сказок, — вся она казалась теперь почти что неправдашной.

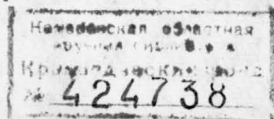
Правдашними были дорога под твоими ногами, постоянная ломота между крыльцами и последний бой, в котором, кажется, и началась твоя настоящая жизнь... В котором она могла и кончиться очень даже просто.

Рота только что изготовилась к преодолению той самой заболоченной Утицы, — кто на подручных плавсредствах, кто без всяких средств — по-лягушиному, а лейтенант Трофимов только успел приказывать, чтобы старшина Чугунов с одним пулеметным расчетом задержался на западном возвышенном бережочке; и только рота пошла враспынную, забулькала, загоготала, только Чугунов успел перекинуться несколькими словами с пулеметчиками, как в небе загудело, и с него, с бездонного, благословенного, посыпались фрицы. Может, по ошибке они в это в общем-то пустое место угодили, так про то кто мог знать в тот нечаянный час. Половина людей была уже на том, на восточном берегу, а половина как раз бежала по песчаному островку, через низкорослый, ободранный паводками кустарник. И опять кто его знает, что тогда вообразили немцы, но трофимовцы, кажется, сразу взяли в толк, что к чему: с восточного берега враз ударили винтовки, заговорило несколько автоматов; на островке которые задержались, еще притче кинулись в узкую протоку.

Чугунов суматошно вскинул руки к небу, запальчиво крикнул своим пулеметчикам:

— Крой! Крой в такую!.. — Сам отбежал в сторонку, припал за бугорок, чтобы ловчее просматривались и свои, и те, которые, раскорячившись, шлепались с неба. И вот ведь грех какой: ему бы не на речку, не в небо глаза пялить, а за своим тылом поглядывать, за безопасностью пулеметного расчета, но, правду говорят: соображение на войне приходит чаще после беды. Где только что короткими очередями бил «дегтярев», вдруг трескуче рвануло. Успел заметить бурый холм гранатного взрыва и сразу увидел двух парашютистов, вывалившихся с тыла, из прибрежного ивняка и, даже не успев ничего сообразить ладом, срезал их одной длинной очередью.

Умей он, по памяти бы нарисовал этих двух убитых им гитлеровцев — со всполошенной ухмылкой на рожах, азартных, упоенных победой над Иванами. Один, правда, плюгавенький, в годах, зато второй совсем молоденький, наверное, одногодок Чугунова, — рослый, широкогрудый, с распахнутым воротом комбинезона, с открытым белозубым ртом... Да в них ли, в мертвых, было тогда дело, пулеметчиков-то они,

гады пришлые, успели порешить, от самого пулемета ничего не осталось. А лес позади заговорил уже десятками автоматов, где-то справа басовитую строку вывел крупнокалиберный. Надо было уходить на остров, потом на левый берег, к своим. И он изловчился, ему просто повезло, он ушел, хотя, пока одолевал неглубокую протоку, путаясь непослушными ногами в водорослях, вода вокруг поминутно вскипала, ее словно длинными кнутами хлестали автоматные очереди. Но по-настоящему он испугался только на самом острове. На лейтенанта Колю Трофимова наткнулся и почти по-ребячьи вскрикнул — не было больше Коли Трофимова. Может, за какую-нибудь минуту перед тем лейтенанта настигла слепая пуля. Видно, на бегу он запрокинулся навзничь и лежал теперь на песчаном бугорке, неловко подвернув черноволосую кудрявую голову. Пузырилась рваная рана поперек его тонкого горла, а в мальчишески открытом лице — ни кровинки. И тут же, неподалеку, Дмитрий увидел Олю. Без пилотки, простоволосая, санинструктор, тяжело передвигая перед собой сумку и коротенький карабин, медленно ползла по сырой ложбине к лейтенанту. Вот она перекатилась через один песчаный нанос, через другой... Больше ей нельзя было ни шагу вперед. С правого берега уже в две глотки залаяли крупнокалиберные, и вокруг Оли, да и по всему островку, частыми фонтанчиками стал взрываться белесый речной песок. Чугунов крикнул: «Оля, погоди!.. Стой, Оля! Я вынесу его... К тебе вынесу!»

Девушка не услышала его или не хотела услышать, ползла, ее побелевшие от горестного изумления глаза, наверное, ничего не видели, кроме бугорка впереди, кроме Коли Трофимова. Дмитрий рывком проскочил через редкие кустики, упал рядом с лейтенантом, приподнял его легкое, безвольное тело и в двух-трех метрах от бугорка опустил. А Оля, вот она рядом, и даже мельком не посмотрела на Чугунова. Негнущимися пальцами отстегнула ремешок сумки, зубами, со злым треском, вскрыла пакет, и Дмитрий услышал ее осевший голос: «Сейчас... Сейчас, Коля».

Выглянув из-за бугорка, будто кто его подтолкнул, Дмитрий припал к автомату и, кажется, в одно дыхание израсходовал полный магазин по трем или четырем парашютистам, выбредавшим к острову, а когда, вогнав в пазы последний диск, вернулся, Оля успела забинтовать лейтенанту горло и теперь держала его обескровленные землистые щеки в своих ладонях и, прикусывая распухшие губы, что-то быстро-быстро приговаривала. Прислушался, Оля упрасивала:

— Погоди, Коля... Ты погоди. Это я, Коля... Ты не умирай. Сейчас... Сейчас вынесем тебя к ребятам. Ты только живи, Коля!..

Но тут же сама вдруг как-то странно выпрямилась, напряглась и медленно, толчками припала щекой к земному праху...

Никакими заклятьями не вернешь человека к жизни, если жизнь ушла из человека насовсем. Так это Дмитрий понял и осторожно прикоснулся к руке санинструктора. Она не обернулась, не отозвалась. Он снова, настойчивее потянул ее за руку, а сказать ничего не мог — ни слов, ни дыхания, губы запеклись, горло перехватило, словно и его прошила слепая пуля. Надо было выносить лейтенанта, вдвоем они спра-

вятся, и надо торопиться, стрельба с берегового обреза стала удаляться в глубь леса. Надо торопиться.

— Оля!

Тут девушка подняла голову, глянула на Дмитрия, помолчала, будто не узнавая, глаза у нее были незнакомо медленными, сухими, и голос у нее оборвался, когда она выговаривала отчужденно:

— Не оставляй нас... этим... Меня тоже задело... напрочь.

Грешно было оставлять их, лейтенанта и Олю, посреди сиротского, безымянного острова на веки-вечные, но что Дмитрий мог поделать в одиночку? Он отполз к восточной протоке, осмотрелся, в надежде увидеть хотя бы одного из своих. И тут, кажется, сама судьба смиловалась: в нескольких шагах, взбуровив воду, на песок выполз маленький верткий Костя Спичев. Хлебнул, видно, водицы второпях, отплевался, увидел старшину и быстро-быстро побежал к нему на четвереньках, упал рядом, выпалил скороговоркой:

— Мать их... Сердце екнуло, дай, думаю, вернусь, обожду тебя с пулеметчиками... Где вас, елки, носит... Лейтенант, видно, уже сигнал подал, надо отходить в лес... Ты пошто один, а ребята? — И только мельком глянув в лицо промолчавшего Дмитрия, он понимающе, горестно покривился, стукнул кулаком в безответный песок. — Нет, значит, ребят... И откуда сволочей на нашу голову? Я, старшина, был на левом, когда переправились, там мы с десятков прыгунов порешили, когда они сыпанули прямо в реку, бей — не хочу! А лейтенант, видно, на правом, вон у того мысочка, слышишь, какого они там жару поддают! Но по кому же, черти, из пэ-тэ-эр лупят?

Дмитрий жестом остановил младшего сержанта.

— Лейтенант на острове, Костя. Оля тоже...

— Здесь? — изумился Спичев. — Ранены? Мы их, елки, живой рукой вынесем. Только протока здесь глубоковата, солдаты... которые... пузыри пускали.

Некогда было объяснять, что Оле и лейтенанту Трофимову никакая высота и никакая глубина теперь не страшны.

От парашютистов семнадцать оторвались густыми смешанными перелесками. Остальные трофимовцы, должно, полегли у реки, а кто, может, и другими тропами ушел. А к которым прибились старшина с младшим сержантом или которые к ним прибились, вскоре выбрели к лесной деревеньке. Наладились обойти ее стороной, но кто-то приметил у огородного плетня, в мятом бурьяне льняную ребячью головенку. Оказалось, девушка лет десяти. Увидела солдат и замахала обеими руками: «Садитесь!» — так ее поняли.

— Ты что? — заинтересовался Спичев.

— Боюсь... — это она шепотом.

— Чего нас бояться?

— Не... гитлеров боюсь...

— Гитлеров? — Костя оглянулся на старшину. — Где гитлеры?

— В хате...

Да, пятеро из тех же парашютистов оказались в крайне хате. Троих вывели на неширокую улицу живьем. Молодец к молодцу. Но, ког-

да они увидели глаза в глаза всех семнадцать, в упор, а все семнадцать каждой своей жилкой, каждым прерывистым вздохом были еще в бою, измочаленные, страшные и неотвратимые, как выстрел, — даже эти сверхмолодцы невольно отвели глаза в сторону. Но умерли, как подобает, ни один даже не попятился.

А Дмитрий, засунув пистолет лейтенанта себе за пояс, пошел, не оглядываясь, через всю деревеньку. Потом уже, на извилистой лесной тропе, угадав рядом с собой младшего сержанта, спросил:

— Та девчонка этого не видела?

— Когда ей, — отмахнулся Спичев. — Сразу от огородов стреканула в лес. — Он вздохнул. — А ты, Дима, страшноватый... До того белый сделался, аж... синий сделался. Раз, раз и — точка. Именем военного закона. — Он помолчал и нерешительно добавил: — Можно было в какой-нибудь погребок запереть...

Дмитрий через силу ответил:

— Можно... Можно было. — И добавил, чувствуя во всем теле тошнотную слабость: — У меня в дисках ни одного патрона, бери меня теперь голыми руками и сажай в тот самый погребок...

— Есть патроны, — Спичев тряхнул вещмешком за плечами. — Привалимся где — ни то, начиню твои диски, воюй на доброе здоровице. Аж иссиня-белый сделался, подумать!

С тех пор все шли и шли. В небе круглыми сутками взывали то бомбовозы, то разведчики или истребители — чужие. Пушечный гром докатывался чаще справа, с юга, а на крестном пути семнадцати изредка попадались небольшие деревеньки — совсем безлюдные или полупустые. Кто остался в живых, по гроб не забудут, как уходил из таких полупустых деревень, как из сиротски молчаливых изб в спину тебе смотрели старый да малый. Хотелось иногда обернуться и крикнуть: «Чего ждете, почему не уходите?!» Но ведь стар или мал сами могли спросить старшину Дмитрия Чугунова, младшего сержанта Костю Спичева да любого из семнадцати: «А ты куда уходишь? Почему ты уходишь?»

Но кто из них знал, почему? Враг ломил на восток невиданными железными ордами, потому, видно. Но где же наша сила, которая при всех условиях не должна позволить никому, нигде совать свое свиное рыло в наш советский огород? Где? Там, где постоянно, бессонно раздается утробный пушечный гул, там, куда все летят и летят вражеские самолеты? Значит, нужно туда, хоть ползком, хоть на четвереньках. И где они сейчас сами находятся, далека ли еще эта муторная, неприкаянная дорога? Восточный правый обрез последнего листа карты, которую Дмитрий обнаружил в планшетке Коли Трофимова, кончался как раз у извилистой Утицы, где они приняли свой памятный бой. Шли, избегая особо торных дорог, с малыми отклонениями, прямо на восход. Менять направление — на то приказа не было и неоткуда было его ждать. Приказать, правда, мог, как старший по званию, и сам Дмитрий Чугунов, но он не видел в этом никакой надобности, может, еще и потому, что чувствовал себя наравне со всеми. Переломилось все после третьего или четвертого ночного привала, впритирку короткого. После

подъема недосчитались двух рядовых: Оноприенко и Дубинина. Потерять в дороге из семнадцати двух, а у двух на руках четыре из восьми дисков к «дегтяреву», да будь здесь кто ответственный за порядок, локти бы себе сгрыз. А кто тут ответственный?

— Ты,— строго сказал Костя Спичев.— Ты, старшина.

— Власть звание дала, тебе и отвечать перед властью,— еще определеннее высказался бронебойщик Осип Кучмин.

Дмитрий непонятно почему даже для себя вдруг рассердился — и на себя рассердился, и спросил с подковыркой:

— Выбирать будете открытым или тайным голосованием?

— Зачем сердчать, зачем всякие слова? — еще настойчивее, спокойнее отозвался Кучмин.— Уставы Красной Армии про всех писаны.

Сердиться было ни к чему, просто сорвалось с языка, а может, в чем-то и самому хотелось утвердиться. Но, когда уже на марше их догнали заметно припотевшие и заметно навеселе Оноприенко с Дубининым, с потяжелевшими вещмешками, им никто и слова на первых порах не сказал. Но Дмитрий краем уха слышал, как Дубинин излишне словоохотливо оповещал:

— Местность окружающую разведали, ноги поотсохли... Сведения имеются, да кому доложить в нашем таборе?

Ему не ответили, а на привале Дмитрий скомандовал построение, как в давнее время, еще на формировке.

— Как в сказке, язви ее...— слышался голос того же Дубинина.— Тут душа отерпла, а тут ать-два...

«Характер или так, баловство, слабинку почувствовали...— прикидывал Дмитрий, следя, как Оноприенко с Дубининым, подталкивая друг друга локтями, с лентой, вразвалочку пристраиваются на левом фланге.— Если характер, так откуда?»

— Смирно!..— скомандовал скорее для того, чтобы самому собраться с духом, хотя для себя решение он уже принял. И, глядя поверх разнокалиберной солдатской шеренги в мутноватое рассветное небо, он заговорил, как вытверженный урок:

— Приказ за номером один... по сводному... энскому.

Стоят солдаты не шелохнувшись, только двое на левом фланге переглянулись.

— Первое. Командование сводным принимаю на себя. Заместителем назначаю младшего сержанта Спичева Константина...— глянул на Спичева, тот понял, откликнулся: — Михайлович, товарищ старшина!

— Спичева Константина Михайловича. Второе. Цель движения: присоединиться к действующей против врага Красной Армии. Третье. Способ достижения цели: исполнение законов Советской власти, уставов и боевых наставлений Красной Армии. Четвертое. Порядок движения: уставной. Действия сводного, по обстановке, определяются командованием.

Закончил и услышал снова, как молчали поля, как солдаты молчали. Приказ он как по бумаге произнес. Легче от этого солдатам? А ему, старшине?

— Вольно...

Зашел, как положено, с правого фланга. Костя, самый щупленький в шеренге, картинно развернул плечики, приподнял подбородок и... тайно подмигнул. Холера! Осип Кучмин — бронебойщик, по контрасту с Костей казавшийся особенно рослым, крупный с лица, сталевар из Невьянска, он тут, наверное, самый старший, ему за тридцать. Дмитрий знал, в карманах у Кучмина весь боекомплект к бронебойке — восемь патронов, почти на каждом привале он их старательно перетирает и заворачивает в промасленные тряпицы. А это Александр Лукин, первый номер станкового, густорыжий, с девичьими смирными глазами. Рядом второй номер, Борис Тарасов, тонкий, сутуловатый, с круглым маленьким личиком. Этот из московских студентов. Словесник. Надо его почаще подменять на марше, гнется, как лоза, под пулеметной станиной. Уживчивый такой, бессловесный.

А этих трех стрелков даже по имени не запомнил. Барнаульцы. Один без обмоток, другой — без пилотки, винтовки подзапустили до того, что вчуже с души воротит... С «дегтяревым» Устин Поломошнов, из забайкальских казаков. В последнем бою воевал хорошо, даже отчаянно, стрелял прямо с руки, только какой-то он болезненный, с реденькой неопрятной щетиной на острых скулах.

Против левофланговых остановился. Дубинин на голову выше вяловатого Оноприенко и живее, напористее, языкатее, беспокойно крутил головой, искательно заглянул в лицо новоявленному начальству.

— Так что сальцом разжились, Дима... Товарищ старшина то есть... Во — сало! — и растопырил короткие пальцы. — На всех разжились, товарищ старшина!

— Товарищ младший сержант! — позвал Дмитрий. Тот четко вернулся из шеренги и топ-топ-топ — вытянулся рядом. — Примите оружие у красноармейцев Дубинина и Оноприенко.

— Че-его-о?! — Медленно бледнея, Дубинин сделал шаг назад и торопливо потянул через голову трофейный «шмайсер». — Я... Я его... в бою! Ты... давал мне это оружие? — сорвался он на крик. — Давал, спрашиваю?!

Будто не услышав этого вскрика, не увидев пляшущий перед ним ствол автомата, Дмитрий закончил:

— Дубинину и Оноприенко, до передачи их соответственным органам, или до очередного боя, приказываю следовать при расчетах противотанкового и станкового. Всем на осмотр оружия десять минут. О состоянии доложить лично. Разойдись!

Костя потом рассказывал. Дубинин и Оноприенко — шахтерская косточка, рядом росли, рядом работали, воевать пошли рядом. Куда с добром. А в тот раз заметили, глазастые, за березовым колком строеньице, решили, никого не предупредив, заглянуть, разжиться чем-нибудь на общий котел — брюхо у солдат за последние дни окончательно подвело. Строеньице оказалось бывшей «свинофермой». И ни живой души. Зато в подвале, наскоро замаскированном всяким хламом, к великому своему удовольствию, обнаружили с десятков пудовых ящиков со свежепосоленным салом. Наскоро набили этим несусветным добром вещмешки, а все остальное — вот слезная жалость — забросали хворо-

стом и запалили. Жареным салом в тех местах долго будет пахнуть. А невдалеке от свинофермы, тоже нечаянно, набрали на пасеку, а в омшанике — на остатки медовухи. Боялись, что отравленная, но ничего, выдержали, никаких осложнений не почувствовали. Дубинин даже рассудительно выговорил Косте:

— Нам по самой крайности медали за соображение полагаются, да со старшины какой спрос? Старшина и есть старшина — ать-два — и вся недолга.

* * *

Едва Дмитрий смежил веки под утро, его толкнул Спичев.

— Старшина, послушай...

Ближняя степь, невидимая перед рассветом, была по-осеннему немотной и по-солдатски сторожкой. Откуда-то из туманной хляби явственно доносился собачий брех. Деревня?

Что ж, деревни теперь не светились поздними вечерними огнями, потому и эту могли не приметить, когда попадали у проселка на привал. Тише... А это? Земля чуть дрогнула под ногами и раз, и другой, а мало погодя слуха коснулись два слитных тяжелых удара. Бомбы. Близо!! Но это где-то левее и выше предполагаемой деревни или хутора. Чьи бомбы? Если вражеские — по нашим, если... И вдруг в той стороне глаза различили призрачное голубоватое мерцание. Фонари! Где-то совсем рядом бой! Наши рядом.

— Спичев, подъем! — вполголоса крикнул Дмитрий, а когда солдаты зашевелились в придорожных кустиках и младший сержант снова был рядом, приказал: — Двух возьми, порезвее, двигай на деревню или что там... Догляди и — связного. Я следом. Жми!

Глава 2

Сколько с той поры минуло — пять-шесть часов? Солнце давно уже поднялось над землей, не по-осеннему доброе, теплое. Дмитрий Чугунов идет в тени густолиственных вязов, тополей по единственной широкой улице Зеленых Двориков. Под ногами восковые листья, глаза умывает прохладный воздушный ток, провожают его избы с немymi прихмуренными окнами. Деревня и вправду зеленая, чуть тронутая осенней прозрачной позолотой, вся в тополях, кражистых вязах, в яблоневых садах — торжественно благодатная, отрешенно остывающая. Уходила из Зеленых Двориков жизнь. Почти начисто ушла. На полсотни с небольшим дворов только над двумя-тремя поднимались несмелые дымки. Тишина, прохлада, терпкий покой. Дмитрий невольно замедляет шаг и чувствует, как кулаки сами собой сжимаются. С новой пронзительной ясностью он вдруг осознает: сюда, под эти вязы, в янтарное свечение яблоневых садов, придут чужие, гогочущие, по-хозяйски загонят во дворах, затопают по избам и назовут русские Зеленые Дворики — как? Грюндорф, Грюнхауз? Не поверить в это нельзя, но как поверишь, если у тебя в руках оружие, как поверишь, если тебе здесь

так вольно дышится, будто ты здесь родился и вырос... И непонятно, почему тебе и шестнадцати твоим солдатам выпал жребий остаться только в открывшихся на рассвете Зеленых Двориках, как же тогда все деревни, которые ты миновал, не оглядываясь? Если бы на это можно было ответить, как выстрелить. Ответ, наверное, придет, не может не прийти, а пока в тебе зреет, растет чувство твоей необходимости, это чувство заставит, приневолит в землю зарыться, чтобы оттуда встретить врага, оно поднимет тебя выше всякой высоты, очистит от всех побочных забот и помыслов. Твоя необходимость и делает тебя солдатом в последней инстанции.

О такой необходимости председатель здешнего колхоза Николай Прохорович Грачев и словом как будто не обмолвился. Просто так сложился их не очень складный на первых порах разговор.

* * *

Когда Дмитрий переступил высокий порог избы, над коньком которой в праздничном безветрии алел государственный флаг, а над входом свежей краской сияла вывеска «К-з «Зеленые Дворики».., человек с узкими пролысинами над широким коричневым лбом даже головы от конторского стола не поднял.

— Здравия желаю,— поздоровался Дмитрий.

— Взаимно...— выжидательно отозвался хозяин и неприметным движением немного выдвинул ящик стола.

«Оружие,— догадался Дмитрий.— Пуганый, а туда же — взаимно...» Официально представился:

— Старшина Чугунов. Отдельного... энского.

— Энского? Ага, энского, ну да...— Хозяин распрямился, сложил на столе руки крестом.— Мимоходом в наши края или...

Дмитрий только кивнул.

— Война. Разрешите сесть?

— И то...— спохватился человек за столом.— Давняя присказка: в ногах какая правда...

— Не знаю...— покривился Дмитрий, опускаясь на лавку у беленого протенка.— Для солдата она, может, вся в ногах — и правда и кривда...

— Солдату виднее,— нехотя согласился хозяин и с минуту, а то и больше без утайки, не очень приязненно разглядывал старшину «отдельного энского». Запоминал, должно быть, расценивал по-своему рослого широкоплечего парня, его ладно посаженную крупную голову, совсем юное, немного скуластое лицо, не оставил без внимания не единой стиранное опрятное обмундирование, кое-где заштопанное неумело, по-мужски. На отечественном автомате, потертом в походах, но без единой пылинки, задержал взгляд особо. Доволен, нет ли остался смотринами, однако раскрытую банку с самосадом пододвинул ближе к гостю, собрался с духом и тоже представился:

— Если ты, старшина, по мою душу, называй Николаем Прохоровичем Грачевым. Грачем — тоже кличут. Председатель местного хозяй-

ства. Значит, можешь напрямую говорить, какая нужда привела в наши богоспасаемые Дворики...

— Какая нужда...— Дмитрий засмеялся. Он сейчас и сам не знал определенно, какая из многочисленных необходимостей заставила его с солдатами остановиться в богоспасаемых Зеленых Двориках, что заставило заглянуть сейчас в правление артели. Разузнать какие ни есть новости, расспросить о дороге, определить и как-то заново утвердить себя на земле — это, пожалуй, в первую очередь... Но вот — флаг над правлением — это по какому случаю?

— А Зеленые Дворики что? Часть государства. По такому случаю и государственный флаг...— Председатель сердито откашлялся, спрятав серые широко поставленные глаза под густыми выгоревшими бровями.

— Немца не было, Николай Прохорович?

— Общую обстановку знаешь не хуже меня, товарищ старшина. Немца ждали. Потому и флаг над деревней — наш флаг, государственный, пусть знают, куда пришли, пусть им это запомнится навеки-вечные. Фашиста ждали — тебя нет. А если ты есть, значит, флаг тем более на месте. Понятно говорю?

Дмитрий коротко вздернул плечом. Вообще-то ему как будто понятно, что к чему, но ведь бои теперь, как он понимает, где-то дальше на востоке, так почему же Зеленые Дворики война обошла стороной?

— В стороне от больших дорог поставлены — потому, не имеют никакого тактического и стратегического значения — поэтому, — немного многословно уточнил Грачев, а потом, окая на какой-то поповский манер, добавил, благостно закатив глаза: — «И сказал бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так. И увидел бог, что это хорошо». Но бог, старшина, не подумал, что на месте воды могут появиться болота, а о них-то я и хочу сказать, чтобы просветить тебя в делах нашей особой географии. Карта есть? Как же ты, отдельный энский, воюешь? Ладно на своей земле, обойдемся подручными средствами...

Председатель достал из-за стола рыжую брезентовую сумку, выпростал ее от многочисленных бумаг.

По избе домовито слоился самосадный дымок и медленной сизой речкой уплывал в окно. Из палисадника до нитя под сердцем пахло ранней осенью, но не поэтому, вполуха прослушав библейскую цитату председателя, Дмитрий пододвинулся к окну. Подумалось вначале, что помстилось, но потом он уверился: то был женский хрипловатый крик — надорванный, тоскливый, на исходе последних сил и все на одной удушливой ноте: А-а-а-у-у-у... А-а-а-ы-ы... И снова—А-а-а-у-у-ы-ы...

— А теперь смотри, товарищ старшина, и слушай, — окликнул из-за стола председатель. — Чего ты там?

— Плачет кто-то, товарищ Грачев... Женщина...

— Слышу. Не первый час... — отозвался Грачев. — С ночи воет, а чем поможешь... По дитю воет. Бомбой убило. А чем поможешь — я, ты?

— Этой ночью, на рассвете деревню бомбили?

— Не деревню. Меня нужно было персонально, дурака... Но об этом еще узнаешь. А сейчас про географию.

На столе развернут лист синьки с бледными обозначениями скособоченных квадратов, усеченных треугольников, параллелепипедов. «Генеральный план землепользования с/х артели...» — разобрал Дмитрий надпись, но тут Грачев вдруг резким движением согнул синьку пополам и, придавив ее ладонями, вопросительно или как-то по-другому, глянул в лицо старшины. Сказал затрудненно, но решительно:

— Не подумай, не в какую-нибудь обиду... Не до этого нынче. Анкеты взаимно заполнять не будем, но сам же говоришь: война!

Дмитрий расстегнул нагрудный карман гимнастерки и положил на стол красноармейскую книжку, а поверх комсомольский билет. Сказал: «Командование принял по уставу, как старший по званию. Лейтенанта в бою потеряли».

Грачев раскрыл комсомольский билет и, показалось, сожалеюще причмокнул:

— Всего-навсего тебе, Дмитрий Егорович, двадцать первый... Хотя что ж говорить, самая солдатская пора, если нужда приспела. Не привык еще?— Он раздумчиво закрыл билет, сложил с красноармейской книжкой, подержал в закрытых ладонях, будто погрел.— О привычке я, видно, зря. Воевать трудно привыкнуть, если ты нормальный человек, а учиться воевать, сам знаешь, надо.

Он снова развернул на столе свой «Генеральный план».

Земли колхоза «Зеленые Дворики» когда-то в старину прозывались Теткиными гривами. Замкнутые с юго-востока и северо-запада почти непроходимыми болотами, они неширокой, в пять-шесть километров, грядой пролегли с юга на север и дальним своим концом упирались опять же в болота, за которыми уже начинались леса. Болота тоже Теткины, а Теткой здесь издавна кто-то окрестил лихоманку, малярию, которой маялись люди из поколения в поколение. Земли трех деревенок, примостившихся на Теткиных гривах, невесть как богатимы — супесчаные, на них без навоза да других прибавок и делать нечего. Не один десяток потов с тебя сойдет, прежде чем зерно прорастет, да колос вызреет. Но какая ни есть земля, а за хлебом, за картошкой, за овощью ты к ней идешь, не на сторону.

За последние пять-шесть лет, как только все три деревни объединились в одну артель, люди впервые принялись за осушение болот, и начали с тех, что граничили с дальними лесами. Но работы так и не успели закончить до нынешнего лихолетия. Районный городок, связь с которым прервалась с неделю назад, километрах в двадцати, по ту сторону болот—на востоке; два большака—с юга и запада—пролегают там же. Когда же бои придвинулись вплотную, разочка три наши подразделения наведывались в Зеленые Дворики, но тут же поспешно выбирались из этого болотного мешка, поворачивали на запад и кружным путем уходили на ближний большак. Старшина должен был заметить, что на подступах к деревне и без того немудрящая дорога идет по древесной да земляной гати, а ближе к околице — крутояры, ими и начинаются земли на Теткиных гривах.

— Разобрался, что к чему, Дмитрий Егорович? План вот только у меня немой...

— Почти разобрался, я техник-маркшейдер, — сообщил неожиданно для себя Дмитрий.

— Это как?

— Почти как землемер, только шахтерский, для подземных работ.

— Тогда чего тебе растолковывать про нашу болотную географию. Не в географии, может, дело, парень...

Дмитрий чувствовал, что председатель торопится с разговором, а после последних слов он и на самом деле, примяв окуроч в чугунной пепельнице, вытащил из-под стула костыль, сунул его под мышку и за один мах вышагнул на середину избы. Перехватив взгляд старшины, невесело кивнул.

— У меня по Маяковскому, только — «Левой, левой!» — Он простучал костылем до порога, вернулся. — Какого нечистого я, бывший командир танкового взвода, старший лейтенант, просиживал бы штаны в своих Зеленых Двориках? Какой-то сноровистый самурай расковал меня на одну ногу на Халхин-Голе, при горе Баин-Цаган, третьего июля тридцать девятого. — И еще он подумал вслух: — Тоже тогда пощупать нас хотели необъявленной... Какую, понимаешь, привычку взяли самурай, гитлеры эти — молчком тебе на хребет, молчком к твоему горлу!

Грачев устало сник, вернулся на свое место, кинул рядом костыль и заговорил уже о делах нынешних, о том, что гнетет до немоты в крыльцах.

Война под чистую призвала мужиков к оружию, по мобилизации с 1905 по 1918, а по обстановке — всех остальных, диво ли, что в трех деревнях остались только старее старого, да моложе молодого. К ним прибавь девчат, солдаток своих и которые успели прийти с запада. Тоже теперь свои. А как прервалась связь с районом и где-то на большаках прогремели скорые бои, люди собрались всем миром и спросили себя: как жить? И мир постановил: не сидеть сиднем по своим избам на потраву фашистам. Грех перед жизнью, перед теми, кто воюет, кто умирает на фронте.

Надо было побыть в тот вечер на собрании в одном из садов Зеленых Двориков, надо было оказаться там, и у тебя хоть на секунду, а перехватило бы твое живое дыхание. Когда трезво взвесили, обговорили решение и как один подняли четыре сотни рук, — голосовали даже ребятишки, их никто не подумал одернуть, — когда вскинулись эти четыре сотни рук, будто ветер качнул листья на смирных вечерних яблонях. Тихо вдруг стало и грозно, как бывает в крестьянских семьях в час неминуемой беды, когда ни слов, ни слез нет. Потом кто-то из баб все же запричитал в голос, подхватила малолетняя ребятня, а кто-то из стариков выкрикнул, вздев кулаки:

— Спалить все к чертовой матери! До бревнышка, до колоска!

Это случилось с неделю назад. Потом люди двух северных деревень первыми ушли с насиженных мест, забрали со дворов все, что можно было вывезти на коровенках, унести на себе — все дочиста, вплоть

до последнего куренка. А в какую сторону подались? Нет, не на восток, а как раз в те леса, перед которыми за последнее время осушали болота.

Настала пора трогаться народу и с центральной усадьбы, из Зеленых Двориков. Срок этому вышел вчера. Ему, председателю, хоть и безному, но военному человеку, надо бы погодить с отправкой до вечера, да, видно, характера не хватило: куда ни ткнешься по деревне, все глазами на тебя, а потом на запад, на дорогу за гатью — «Не припоздаем ли, дядя Грач?»

Не выдержал, животноводов с гуртом отправил с утра, а в полдник и людям скомандовал: «С богом!»

А в небе вчера было как-то по-особенному суматошливо. Кто знает, от чего так расхлopotались фрицы: то с юга на север, то с запада на восток — бомбардировщики, истребители, разведчики, карусель-каруселью, где-то им, видно, крепко доставалось. Наверное, кто-то из них между делом и доглядел километровый колхозный обоз. Ошибся, за войска принял? Едва ли, им какая разница, войско или просто живой народ по земле организованно движется, им главное, чтобы организованного народа не было.

К ночи колхозная колонна едва одолела половину пути, люди притомились, ребятишки оголодали. Остановились все же не на голых пашнях да сенокосах, а в реденьких березовых колках. Грачев догадался распорядиться, чтобы народ как можно просторнее рассредоточился, чтобы ночью ни единого огонька. Но крестьянский табор не войско, за всеми не углядишь, может, кто и запалил накоротке костерок, а может, и не было этого.

А за полночь уже под знакомыми звездами загудело — с подвыванием, с нудным постаныванием. Думал, пронесет, но тут вдруг со шлепанием вспыхнули медленные фонари со светом в самую душу, за ними взвыли невидимые бомбы, синими, красными молниями прорезали ночь пулеметные трассы. И люди на земле, вместо того чтобы затаиться, вжаться плотнее в эту землю, сграбастали ребятишек, какое ни на есть имущество и кинулись куда кто смог. А далеко ли убежишь от бомбы, если ты ее не видишь? Что оставалось делать одному председателю, как только стать посреди этой вселенской беды и бессильно грозить кулаками своему же небу и клясть его последними словами...

Уже на рассвете с трудом собрали разбежавшихся, матери — ребятишек, хозяева — живность. Семерых убитых подобрали, трех покалеченных. В убитых пятеро малолеток. Вон женщина через два дома криком исходит — Таисия Трусова, у нее семилетний сынишка сгиб. А муж Таисии Степан Трусов с месяц назад письмо с формирочки прислал: «Всеми мерами побереги сынка, в нем наша любовь, надежда...» Не захотела в поле сына похоронить, на деревенский погост принесла.

А теперь что же, люди все еще в полях, в перелесках, кто как сумел прикрывся в своих временных гнездовьях. Грачев распорядился трогаться только в ночь.

— Но если ни раньше, ни позже — эти нагрянут? Что они с народом сотворят? — Грачев выжидающе замолчал и раскрыл двери.

Послышались шаги на крыльце, скрипнули половицы в сенях. Широко, по-мужски ступая, в горницу вошла высокая женщина, вся в темном, в темном же платке, туго повязанном по самые брови. В годах, но смуглое лицо без единой морщинки, суровые карие глаза. Дмитрий незаметно для себя подтянулся, поправил оружие на коленях и даже построжал лицом.

Грачев встретил женщину долгим взглядом, спросил:

— От Таисии? И мне надо бы у нее побывать...

— Надо бы... — кивнула женщина.

— А где у меня слова, чтобы горе унять? Нет у меня слов.

— В словах ли дело, Прохорович...

— Тоже знаю. К нам, Софья, командир, Дмитрий Егорович.

Чугунов поднялся, руку к пилотке. Женщина оглядела его зорко, отчужденно, слегка наклонила голову. Грачев представил ее:

— Наш парторг, старшина, Софья Даниловна, она же кустовой агроном и мелиоратор. Также мой начальник штаба по эвакуации, также — супруга.

— Батюшки... — Софья Даниловна нетерпеливо повела плечами. — Чинов навывадал, да жалко, главное тебя здесь нет...

— Ты опять за свое...

— Опять да снова. На тебе сейчас все жизни, а ты прыгал на костыле чуть не на бомбы...

— А куда мне было деться? Прыгал туда, где нужнее был. И не о нас с тобой разговор...

Софья Даниловна нерешительно раскрыла ладони на коленях, сказала так же глуховато, сдержанно:

— Ладно. Что мы при посторонних-то? Не с этим я. Пригнал нерочный...

— Из леса?

— Слышали, что у нас ночью стряслось, обеспокоились: живы ли? Велела передать, чтобы, не задерживаясь, уходили до Лисьих оврагов, что мы к утру непременно будем. Правильно? Тут еще, рядом с горем... Женщины, которые с Таей вернулись, три воза набрали всякого добра по кладовым. Холсты отбеленные, которые при сборах позабыли... Зачем же добро псу под хвост, — там, где маяться будем, ой как пригодится.

— Там все пригодится! Сами деревни. Так ведь не унесешь их на себе...

— Не про деревни! — слегка повысила голос женщина и, мимоходом, в сторону Чугунова. — Если их не сумели защитить... Я про добро, Прохорович, — три воза добра, а впрягать кого будешь? Мы и подумали. — И опять Дмитрий приметил, как она, замешкавшись на слове, метнула в его «посторонний» адрес опасливый взгляд. — Мы подумали, если с тем парнем поговорить... Вытянул бы наш обоз до болота, а там на руках все перетаскаем. Поговори, а то и прикажи. Куда ему теперь в одиночку, хотя и с машиной... — Она, наверное, не сдержала неприязни и круто обернулась к Чугунову. — Из окруженцев?

— Из каких окруженцев? — досадливо поднял руки Грачев. — Во-

юет, где и как приказано, не нашего ума дело... кто, может, в одиночку, а кто полком, ротой,— это как воевать...

И, словно пробудившись при последних словах или оттягивая какой-то особый разговор с женой, торопливо собрал со стола бумаги, синьку с генеральным планом, засунул в сумку и суховато распорядился:

— С возами, Софья Даниловна, погоди, оставь на меня. Подумаю. А сейчас... из самого доброго приготовьте обед, человек на... тридцать. Скоренько.

Софья Даниловна тихонько всплеснула руками.

— Сказывали мне на погосте, не поверила... Тридцать! Коля, это же войско!

— А я о чем,— Грачев добродушно подмигнул Дмитрию.— Войско воюет, войско должно харчиться. Как управитесь, уходите к народу, до единой души. На тебя с правленцами надежда: как смеркнется, ни минуты не годите, поднимайтесь и, без остановок — к лесу, а лесом к Лисьим оврагам.

— Сам-то как?

— Сам никуда не денусь. Погожу.

— Ждешь? Все ждешь? — и в этих последних словах услышалась такая тоскливая, такая почти утерянная надежда, что Грачев невольно потянулся к жене, взял ее за руку.

— Ты верь, Соня, вернутся. Не такая у нас дочь, чтобы кому-то в руки далась. Вернется вместе с мальцами. Вернется.

Софья Даниловна задержала испытующий взгляд на лице мужа, сказала:

— Только бы... Ничего бы тогда не страшно. Пойду, Коля... — А от порога она глянула на Дмитрия, попросила: — Не обессудь на слове, сынок...

Проводив ее взглядом, Дмитрий спросил:

— Вы про обед... Почему на тридцать?

— Заказывать точно семнадцать порций борща, семнадцать каши с салом? А добавка потребуете?

— И про это известно...

Заново утрачивая бумаги в рыжей сумке, Николай Прохорович вздохнул, как после тяжелой работы, рассудительно развел руками. Какие же тут секреты? Люди в Зеленых Двориках, как теперь по всей земле, на военном положении. Удивительно ли, если и численность, и даже вооружение «отдельного энского» председателю стали известны еще до того, как воинство старшины приблизилось к околице. За ними и сейчас доглядывают в несколько пар глаз.

Дмитрий должен был подтвердить это, как рассвело, и он с бойцами заметил: наблюдают. Одна пара глаз даже биноклем вооружена и провожала старшину с пожарной вышки до самого правления. Стеклашки отсвечивают против солнца.

— Что ты хочешь,— огорчился Николай Прохорович.— На постах у меня мальцы, где им до солдатской смекалки. И до заправдашной войны.

Вот и у него, у Грачева, бывшего танкового командира, повязанного сейчас всеми мирскими заботами, одна мысль было мелькнула, когда узнал о солдатах у околицы. Потом несбыточной показалась эта мысль, он и сейчас не знает, как ее высказать...

— Постой, Николай... Прохорович! — Дмитрий поднял руку, наклонился к окну.

Глянули друг на друга, и теперь оба услышали низкий, знакомый подвывающий звук.

— Идут! — оборвал тишину Дмитрий.

Громыхая костылем по половицам, за ним кинулся через сени Грачев, на крылечке с хрипом жаркодохнул за плечом: если эта нечистая сила засекала табор на полях...

А земля, сады вокруг, широкая улица в позолоченной зелени тополей, вязов — все млело в безветрии, ясной покойной тиши, с неистраченной, почти летней силой пригревало солнце, и просторно вздымалось над миром, над всем сущим бездонное, яркое синее небо. И в этот мир, в эту тишину неотвратимо накатывался низкий, вибрирующий звук. Секунда, другая — без дыхания. По нарастающему гулу почти безошибочно определялось: самолет шел напрямиком на Зеленые Дворики.

— Разведчик? — нетерпеливо толкает под локоть председатель.

— Одномоторный....

— Мессер?

— Фоккер... Вот он! Битый!.. — Дмитрий рванул с головы пилотку, смахнул нечаянную испарину со лба. — Битый, язва!

Битый, нет ли, но как-то неуклюже переваливаясь с крыла на крыло, скребся истребитель-штурмовик по-над самой землей. Гробанется? В болота за деревней?! Вот бы!.. Но «фокке-вульф», чуть не задевая выпущенными шасси за деревенские крыши, хотя и по-пьяному, но все же проковылял над Зелеными Двориками, над ближними несжатыми хлебами, над болотами, — провалиться бы ему, — и, уменьшаясь, истаяв на глазах, ушел под низкое солнце на юго-западе. Грачев сплунул, пристукнул костылем. Живуч, бандюга!

Положил руку на плечо Дмитрия, сильно повернул лицом к себе и, глядя мимо, куда-то поверх дворов, заговорил, медленно поглаживая коротко стриженную седеющую голову.

Давеча он совсем было собрался высказать свою нечаянную, а может, и отчаянную мысль, теперь же видит, чувствует — нет другого выхода. Враг над душой. Днем вон свастика над твоей избой волочится, ночью зарева по всей округе, — ведь сердце заходится, задохнуться можно, как подумаешь о людях в неприкайных полях. А в Зеленые Дворики с запада всего одна дорога, одна-единственная, тайные тропы через болота — не в счет. Одна дорога и гать метров на двести, топь по сторонам. Крупными силами врагу здесь делать нечего, — там ведь тоже не круглые дураки воют, — заглянет кто, так из второго, третьего эшелона. А? Если бы задержать на несколько самых главных, самых необходимых часов, — пригвоздить к земле, если сунутся. Такое предположение... Но пусть товарищ Чугунов не подумает... У него, у солдата, могут быть свои соображения...

— Какие соображения? — удивился Дмитрий.

Присели на крашеную полинялую ступеньку в прохладной тени. Молчали деревья, молчали прозрачные яблоневые сады, зыбко серебрилась, плыла нитяная паутина в сквозном чистом воздухе.

— Только здесь, на войне, первый раз в жизни увидел, как яблоки растут. В кино — видел, а в жизни нет.

Грачев кивнул.

Дмитрий вернулся к замыслу председателя. И в минуты этих первых прикидок, пожалуй, впервые почувствовал себя снова по-настоящему зрячим, почувствовал себя по-прежнему в своем близком, движущемся мире. Не дороги — случайные — будут теперь сковывать его волю. Теперь заботы одногого председателя, Софьи Даниловны, осиротевшей Таисии, — их заботы, их горе — это и его солдатское горе. Хоть так кинь, хотя этак...

— На местность надо, Николай Прохорович, — предположил Дмитрий, поднимаясь. — А то мы совещаемся... и мало ли что...

— Решено?! — вскочил Грачев. — А как твоя армия?

— Что как? — не понял или не захотел понять Дмитрий. — Это же красноармейцы. Поймут с одного слова.

— Минуту, старшина! — и Грачева как не бывало на крыльце, закашлял, забегал где-то в горнице.

Дмитрий будто дожидался этой минуты, коротко свистнул. Из-за палисадника соседней избы оба-два: немного взъерошенный, резковатый в движениях Дубинин и рядом, как всегда медлительный, крупный Оноприенко. Оружие им вернули на подходе к деревне.

— Заждались знака, старшина, не знали что и подумать, — посетовал Дубинин. — Хотели уж сами припожаловать, непрошенно.

— Опаска взяла, — погудел Оноприенко. — Такая жизнь нынче...

— Одна женщина, понимаешь, криком кричит, другая скорым шагом в контору, на том же кругу рысью из конторы.. Тут фриц патлатый прямо по крышам таракхтит, — хочь до кого доведись...

Дмитрий мельком подумал: должны выправиться солдаты, а что разговорчивые — пройдет. Остановил их излишние. Оноприенко срочным шагом в подразделение, доложить младшему сержанту: будет обед. Обед принесут, после выйти к ветряку, — скрытно выйти. Ждать. Дубинин останется для связи.

Как раз рядом оказался председатель. На нем кепка с широченым, когда-то модным козырьком — залихватски набекрень, под выгоревшими бровями быстрые, вдруг ожившие глаза, карман штанов оттягивает оружие. С солдатами он поздоровался за руку и, поглядев, как Оноприенко подался вдоль порядка, загребая разбитыми ботинками пыль, позвал старшину:

— Завернем тут ненадолго...

С рекогносцировкой получилась отсрочка. Вместо того, чтобы скорым шагом следовать в западный конец деревни, а там, по склону, до поскотины, председатель поманил за собой в узкий переулочек, между старыми плетнями. Мимо молодых яблоневых посадок вышли к несжа-

той ржаной полосе. На противоположной меже обозначался невеликий стожок, даже на городской взгляд Чугунова не очень обихоженный.

Глянув со значением на старшину, Грачев сложил ладони раковой и внятно два раза гукнул в них. «Свой дозор кличет,— догадался Дмитрий,— ишь, замаскировались, несмышленье, ничего же отсюда не углядишь».

Однако он в ту же секунду насторожился. Ржаной стожок неожиданно ожил, солома бесшумно оползла, обнажив покатую камуфлированную стенку какой-то машины. Над стенкой показалась голова в ребрастом шлеме, плечи в темном комбинезоне. По всем статьям человек военный, по всем статьям — танкист. А тот, помедлив, разглядев Чугунова с Дубининым, председателя, нерешительно оперся о борт машины, но по-молодому резво, пружинисто соскочил в покорно склоненную рожь. Фокусник председатель. Сразу же справа и слева от танкиста,— или кем он там был, пока не известно,— из хлебов поднялись две белобрысые головенки с точками-глазками на вопросительных физиономиях.

— Вася, шагай резвее,— позвал Грачев.— Как видишь, тут добрые новости...— И к белобрысым мальчикам: — А вы рысью к Софье Даниловне, поможете по хозяйству.

Два бойца босоного стреканули по межевой тропке, а Вася, как пловец, разгребая перед собой колосья ладонями, чуть припадая на одну ногу, не торопясь приблизился, степенно приложил руку к шлему. Поясной ремень оттягивала кобура с парабеллумом, из кармана комбинезона торчала деревянная рукоятка гранаты, за плечами свой советский ППД. И еще Дмитрий приметил под расстегнутым воротом комбинезона петлицы, а на них по три треугольника. Этот старший сержант сказал председателю:

— Про новости услышал от мальцов... Не поверил, потом забота взяла, мало ли...

— Мы в тебя, Вася, тоже сначала не поверили,— заметил Грачев.— А пощупали — оказался всамделишный... Знакомьтесь, командиры.

Но танкист еще спросил нетерпеливо.

— Оттуда никаких вестей?

Грачев дернул плечом, как от укола, насупил. Оттуда никаких вестей, а ждали рано утром. Поэтому, может, все они здесь пока обретаются. Старший сержант пнул комок земли из-под ног, сплюнул и туманно высказался в том смысле, что затея председателя с самого начала ни в какие ворота не лезла. Не надо было отпускать и — точка. Кому не ясно?

— Мне не ясно, народу,— неприязненно возразил Грачев.— И я не отпустил, а приказал пойти, пойти, разузнать, что положено, потом чтобы не в потемках жить. Знакомьтесь, некогда.

Присели обочь тропки, позаимствовали у председателя по щепотке самосада. Для знакомства Дмитрий справился, кивнув на замаскированную машину:

— Чем командуешь, старший сержант?

— Бронетанковыми, — нехотя усмехнулся тот.

— Чужой механизм?

— Свой сожгли.

— Жалко.

— Свой-то?

— Жалко, что ты не лейтенант, не капитан...

Танкист немного обиделся:

— В насмешку?

— Как на присяге.

— А генерала не требуется? Могу. Только я строгий, не приведи господи.

— Рассказывай, строгий.

— Почему я?

— Очередь моя потом.

Танкист хмыкнул с сомнением, назвал себя старшим сержантом Василием Парамоновичем Агапкиным и, наверное, со многими недомолвками, явно неохотно поведал о своей войне-службе.

Механик-водитель средней машины, в составе одной из танковых бригад, всего двое суток с небольшим провоевал на днепровском левобережье. Когда машина загорелась, а командир со стрелком погибли, Василий, полуоглохший, с поврежденной ногой, все же сумел перекачаться до какой-то канавы и по шею в стоячей гнилой воде просидел до глубокой ночи. А потом...

Брел почти круглосуточно. Деревень опасался. Хотел пить, по случаю пил, жевал какую-то горькую траву, шелушил в ладонях хлебные колосья, в одном месте выдрал с корнем спелый подсолнух, семечки съел почти с шелухой. И здорово болела ушибленная нога. Так приспособился, что чуть ли не разговаривал сам с собой. За этими мысленными разговорами чуть не влип.

Тоже ранней вечерней зарей наладился перейти слабо накатанную полевую дорогу, не обратил внимания на следы гусениц, обогнул невысокий кустарник и тут замер, как перед пропастью. Медленно, как во сне опустился на землю и еще медленнее, сантиметр за сантиметром, стал отгребаться под спасительные кустики.

Всего-то метрах в сорока-пятидесяти, по ту сторону дороги, под сенью раскидистой одинокой березы, нелепый в этих местах, как дурная бредь, громоздился камуфлированный бронетранспортер с двухколесным минометным прицепом, с торчавшими над бортом стволами эрликона. Неподалеку уютно дымил небольшой костерок, над ним, на рогульках, парили два котелка, а рядом, на корточках — очкастый фриц, с мечтательно приподнятой ложкой. Двое других сидели в железном кузове, свесив босые ноги через борт. Один из них, запрокинув голову и двигая острым кадыком, пил из фляжки, отрывался, смачно крикал и снова прикладывался к горлышку.

Все мысли, трезвые соображения оборвала перехватившая горло, заслонившая ясный вечерний свет обида: едут, сволочи, закусывают, убивают, песенки насвистывают, а ты — бродяга-бродягой, у себя-то дома! Ни дна бы вам!..

Потом тоже не легче было: машину на ходу осваивай, за дорогой да по сторонам поглядывай, слышать за двигателем — ничего не слышишь. Остановишься на часок вздремнуть — дремли вполглаза, позаячи. Клял и молил судьбу-мачеху: послала бы любых, самых немудрящих попутчиков. Своих. Но и своих опасался: скрадут чужой транспортер, стрелнут из чего непопадая или гранатой жажнут и лети вверх траками ни за понюшку. Ищи тогда родного военного прокурора на том свете, жалься. Случай миновал, так же, как войско старшины, занесло в Зеленые Дворики. Вот уже трое суток раскидывают умом с Николаем Прохоровичем: как дальше? Главное, машину жалко бросать не использованной по принадлежности, а где ее используешь? Решение откладывали на самую последнюю минуту. Может, пришла та минута, а, старшина?

Дмитрий иногда мельком взглядывал в лицо танкиста, но не приметил в нем никакого волнения, — ни гнева, ни горести; словно рассказ был не о себе, а о ком-то далеком, постороннем. Перегорело, наверное, все в человеке, и не хотелось ему ворошить еще горячий пепел.

Дубинина оставили у машины, Грачев с танкистом пошли поторопить обед, пообещав догнать старшину у околицы.

Глава 3

...Несколько минут Дмитрий идет вдоль палисадников, мимо распахнутых настежь ворот. Благостной была бы деревня в своей после-полуденной тишине, не напоминай она сейчас потухший и брошенный за ненадобностью костер. Начисто ушла с обжитых дворов живая крестьянская жизнь, а когда вернется — кто может сказать? О ком это спрашивала Софья Даниловна мужа — о дочери? И разговор с танкистом о том же, наверное: кому-то приказано было пойти в какое-то место и что-то разузнать, чтобы потом не в потемках. Что-то трудное, надежное.

Хотелось есть, — со вчерашнего дня во рту ни крошки, а от самосада, которым щедро угощал Грачев, то и дело потащивало. Присмотрел во дворе колодец с воротом и деревянной бадьей. В глубоком срубе прохладно и таинственно свинцовым блеском отсвечивала вода. От первого глотка заняли зубы, но Дмитрий все пил — медленно, переводил дыхание и снова пил, как любил делать еще мальчишкой, погружая в воду подбородок, губы, нос. Пил с закрытыми глазами, а открыв их, увидел у себя за плечами отраженное в воде, волосатое, с сонными глазами лицо, живое и будто какое-то потустороннее, что ли...

Осторожно, как стеклянную, опустил бадью на край сруба, медленно обернулся, вытирая лицо платочком. Незнакомец оказался средних лет мужиком, высоким, сутулым, с длинными, чуть не до колен, руками, с лицом, густо заросшим сивым волосом. Он проследил маленькими бесцветными глазами, как старшина принял со сруба автомат, перекинул ремень через плечо, и все молчал, колебался, видно, с чего начать разговор, или пережидал, когда с ним заговорят. Одернул не-

свежую полосатую тельняшку с рукавами чуть не по локоть, переступил босыми ногами.

Вместо того, чтобы поздороваться, Дмитрий неприязненно осведомился:

— Кто такой?

Незнакомец подвигал кустиками сивых бровей и недоуменно приподнял их.

— А ты кто?

— Отвечайте...— ровнее потребовал Дмитрий.

— А что отвечать, товарищ... не ошибиться чином-званием, что тут отвечать, товарищ пехотный старшина...— Мужик огляделся, развел тяжелыми руками.— Я есть хозяин здешней усадьбы, здешней избы, колодезя... Все с деревни очертя голову убегли, один я удержался, не спаниковал. Тоскливые времена, товарищ пехотный старшина... Сказано задолго до нынешней родной Советской власти: «И дым отечества нам сладок...» Приятен и сладок. Хе... Во все времена вдали без покаяния, дым и есть — горький дым, особо если в отечестве полундра.

— Из моряков?

Волосатый махнул тяжелой круглой ладонью.

— Мужика-крестьянина куда хочешь поставь, он всегда при месте — на воле, в небе, на земле и под землей... А товарищ пехотный старшина воюет или, как все нынче, последние концы обрубает?

Дмитрий внимательно оглядел нечаянного собеседника.

— Кто все?..

— Я про нашу родную Красную Армию...

— Давно из армии?

— Не подлежу, сказано в документе. Физический недостаток.

— Воду на тебе возить, — при таких твоих недостатках, — что-то еще злее хотелось Дмитрию добавить, но закончил миролюбиво: — Водичка у тебя добрая, хозяин... — И тронув ладонью холодную, сырую бадью, не оглядываясь, зашагал к воротам. А следом неслось сипловатое, с хохотком:

— Водичка не первач — много ли надо... Найдется по стаканчику, а, товарищ пехотный? Помогает, ежли воюешь... ногами!

Что ж это председатель, жалуясь на безлюдье, не помянул и полсловом о таком выдающемся экземпляре в своих Зеленых Двориках?

* * *

Грачев с танкистом догнали его у крайней избы. Дмитрий выбрал из чистой холщовой тряпицы, развернутой Агапкиным, коричневую краюху ржаного хлеба, луковицу, кусок вареного, еще теплого мяса, на ладонь отсыпал щепотку крупной соли. Голова закружилась от сладкого запаха. И от второй порции по той же программе не отказался. Танкист работал челюстями не так споро, но со своей долей тоже уравнился быстро. Председатель есть не стал и разговорами не отвлекал солдат. Эти несколько минут сидели на пригорке, перед пологим спуском к болотам, к узкой, в дорожных колдобинах земляной дамбе. А

здесь, на возвышенности, слева и справа — хлеба низкорослые, но крепенькие, чистые.

— Не управились? — посочувствовал Дмитрий.

— С этими? Могли управиться, — возразил Грачев, — жалко, конечно, и на миру меня лаяли, а я оставил про всякий случай. Пусть любопытным с заболотной стороны покажется, что на деревне мир и в чело­ве­цах благоволение.

Скажи на милость, какой любитель церковных присказок. А лицом опять скучный, сосредоточенный на какой-то одной неотвязной мысли. Глазами вприщур все прицеливается к заболотным безлесным увалам. Что ему мерещится за этими увалами?

Словно угадав во взгляде старшины этот вопрос, Николай Прохорович сказал:

— За перевалом — большак, там сверток на деревню... Послать бы туда кого с доглядом, а кого?

— Морячок ваш не сообразит? — подсказал Дмитрий, вспомнив о нечаянной встрече у колодца.

— Какой морячок? — Грачев недоуменно огляделся.

— Хозяин вон той избы.

— Постой!.. Так это же... Это Тимоха Досаев, больше некому. Но он ушел в леса с гуртом, на него еще особо понадеялись: как-никак здоровый мужик. Выходит, вернулся, поганец, и глаз не кажет, а председатель ушами хлопает. Ах, морячок, провалиться бы ему, сколько лет барахтается и все пристать к берегу не может.

Был когда-то ладным парнем, умом похвастать не мог, но в животноводстве, в хлебопашестве кое-что кумекал. Завзятый гармонист, а где гармонь, там и девчата. Поизбаловался на этом. Приударил за одной курносой плясуньей. Тоже как будто ничего особенного, но девчонка была уже сговорена за двоюродного брата Тимохи, за тракториста из МТС Лешку Досаева. Тимохе от ворот — поворот. Тихо взвился гармонист и на зло всей деревне подкараулил девчонку, силком взял. К обидчику пожаловал сам Лешка Досаев с отцом. Пока объяснялись, Тимоха, в каком-то помрачении, скосил литовкой руку своему родному дяде, отцу Лешки. Судили по совокупности и с тридцать восьмого о сукином сыне никакого слуха: где отбывал, что поделывал. Отец с матерью померли, не от старости, надо полагать, с горя, а остальным на деревне — до того ли?

В Зеленые Дворики Тимофей Досаев вернулся в начале нынешнего апреля. По документам из исправительного лагеря освобожден досрочно, от призыва в армию — по плоскостопию. На деревне посудачили, порядили, с кем, дескать, не бывает греха, мало ли кто смолоду дуростью мается. Народ отходчив. Сам Тимофей на первых порах — тише воды. Пригляделись — работает исправно. Помогли наладить отцовскую избу, имуществом, живностью кое-какой обзавелся...

— Выходит, сбежал, вернулся паршивец, — закончил Грачев поднимаясь. — У Тимохи последние сведения из леса. У него вся дислокация. Надо докостылять, выпросить. А сейчас вводную, как по уставу. Сами тут прикиньте, вернусь, итоги подобьем.

Выслушали вводную. Когда остались одни, спустились до гати, перечеркнувшей болотистую горловину, осмотрели три шатких бревенчатых мостика через дренажные канавы — один со стороны деревни, другой — на западном конце, третий — почти посредине. Василий Агапкин один раз недоуменно хмыкнул: как он здесь переполез на своем благоприобретенном корыте? Глаза были на затылке — не иначе.

— Знатное дефиле, — заметил Дмитрий.

С противоположного западного склона Зеленые Дворики просматривались из конца в конец — это Дмитрий еще утром приметил, а от болотной горловины, с мостиков, видны только купы дерев, порушенная кое-где поскотина в три жерди, кромка хлебной полосы да верхний конус ветряка с четко вписанными в небо крылами. Правее дороги, если лицом к деревне, склон обрывается глинистым обнажением, и там угадывается устье оврага, заросшее густым ивняком. Это заинтересовало.

В ивняке тропка, рядом молчаливый ручеек в осоте. Дно оврага плоское, по бортам все тот же кустарник. Глухо. Если при необходимости можно было бы выдвинуться сюда не с дороги, а с вершины... Как думает старший сержант, куда выходит овраг вершиной?

— Выспросим, узнаем... — Агапкин опустил на колени, снял шлем, зачерпнул пригоршнями водицы из тихого ручья, попробовал, пощмокал. Пришлось, должно быть, по вкусу, прилег на грудь и жадно, с придыханием напился. Еще несколькими пригоршнями окропил русую путаную шевелюру, до кирпичного цвета обгоревшую шею. Бывают у солдата и такие святые минуты.

Между тем Дмитрий вернулся к устью оврага. Сквозь кусты гать с тремя мосточками и противоположная покатость до самого безлесного перевала, — как на блюдечке. Это в случае войны, а тут немотная тишь, никакого шевеления.

— Посмотри-ка, бронетанковый...

Агапкин стал рядом, покрутил головой, похмурился, рассудил: если воевать, лучше запасной позиции для транспортера днем с огнем не сыщешь. Всунуть сюда заранее машину и гать, подходы к ней фланговым можно под метелочку. Еще как! А теперь старшина пусть ведет к своим, — не терпится и не верится, что где-то совсем рядом шестнадцать живых солдатских душ. Своих! И еще миномет нужно к делу определить, сам он тоже не стреляет, хотя и немецкий. И вдруг танкист о другом, а, может, про основное, что день и ночь не дает покоя, душу из тебя выкручивает.

— Далеко теперь наши, а?

— Пушки ночами слышишь?

— Пушки... И пушек за последние дни не слышно. Из пушек могут колотить и такие, как мы с тобой... Я про основные силы, есть они?

— А мы какие?

Переглянулись. На самом деле, какие они? Что они могут? Неизвестно пока, что могут, известно только — это где-то в глубине, в самой крови, — что больше ни одного дня, ни одной сиротской ночи не стерпят, они не могут больше, как осенний лист по дорогам, а тут такой

завидный, такой странный случай. Есть же у них своя воля, свой характер, как вот у местного председателя...

— Завидный мужик, — согласился Василий Агапкин, — командовал на Халхин-Голе, должно, что надо. Родную дочь с двумя парнишками послал в райцентр, прямо в зубы гадам. Связь ему надо установить с кем-то, ну и устанавливай, зачем же ребятишек мытарить? «Дочка семь лет в районной школе, она там как дома, все ходы и выходы знает...» — это он так рассудил. Какие ходы и выходы, когда там все огнем занялось! — это я ему так.

— Ты про нее спрашивал у Николая Прохоровича?

— Про нее. Вера. Семнадцатый годок, да какая! Из миллионов одна. С таких, наверное, сама Россия повелась.

— Ишь ты...

В овраге глухо, как в заброшенном сарае. Где-то сонно настраивался одинокий сверчок. Пых-пых... — метнулась по кустам серенькая птаха. А вот хрустнула ветка, зашуршали камешки под уклон и — шаги... Шаги размеренные, сторожкие. Кто может быть? Председатель? Так того по костылю за версту узнаешь. Топ... топ... и — тихо. Кто-то останавливается и тоже слушает глухую овражную тишину. И снова — шаг, другой.

Дмитрий кивнул танкисту. Подались в сторонку, укрылись за кустиками у поворота тропы. Слышно уже чье-то частое дыхание.

И вот он, в кудрявой рамке кустарников, как нарисованный во весь рост — Тимофей Досаев, «морячок». На кудлатой голове картуз блином, за плечами на веревочных лямках сидор из ряднины. Увидел старшину, как о стенку ткнулся. Под взлетевшими кустиками бровей мгновенно обмелели белые, метнувшиеся по сторонам глаза. Но в ту же секунду он мотнул сивой бородой, откачнулся всем длинным телом, взмахнул увесистой палкой-дрыном — И-их!..

Не ударил, усмотрел за плечами старшины круглый ребрастый шлем танкиста, да еще услышал железный щелчок предохранителя. На глазах переменялся, как воздух из него выпустили. Запаленно просипел:

— Спужали, черти вас... Фрицы померещились.

Агапкин стал рядом с Дмитрием. Нарочито рассудительно перебрались замечаниями.

— Этот?

— Он.

— Тимоха... как его?

— Председатель рекомендовал... Досаевым.

— Смотри-ка, Тимофей Досаев, сухопутный морячок... Чего это он, старшина, такой нынче пугливый — по оврагам бродит, да с каким убийственным дрыном?

Дмитрий выдержал тон.

— Сам диву даюсь. И фрицы ему померещились. Это я похож на фрица, а час назад сам хотел попотчевать меня первачом. Настроение у Досаева переменялось: председатель к нему на двор, а он — в овраг... Эй! — Дмитрий на лету перехватил руку Тимохи, придержал ее в паль-

цах-капканах, пока Василий поднимал с тропы и взвешивал на ладони давно нечищенный пятизарядный «бульдог».

Закинув этот нелепый пугач в кусты, Агапкин миролюбиво посоветовал:

— Отпусти его, товарищ командир. Он даже не член осовиахима, давно выбыл за неуплату членских взносов. Таких надо в цирке показывать, потом морду бить.

— Чего причепились? — отдышался, быстро пришел в себя Досаев. — Говорю, сначала померещилось... А председатель был, обо всем договорено, не может он доверять всяким тут пришлым дезертирам... Приказано в райцентр, по делам, которые не вашего ума... За оружие ответите — казенное. Не знаю — слышите?! — знать не хочу, кто будете, мало вас нынче по дорогам гонит, как осеннюю ботву — пехотных да танковых!

По знаку Дмитрия танкист подтолкнул мужика в пестрый сидор.

— Шагай, казенный...

— Не шпыняй, мне приказано на ту сторону!

— Отменяется.

— Вы... так вашу... Ответите!

— Не лайся и не мечтай.

— Дезертиры!

В шутку или всерьез, но Агапкин взмолился:

— Товарищ старшина, я жалостливый даже до ползучих гадов, но слушать такое...

— С души воротит? — Дмитрий махнул. — Можешь по законам военного времени, как мы в полосе боевого участка...

— Была нужда... — вздохнул Василий. — Спужается еще разок-два — сам помрет. Таких земля не терпит. Иди, пужливый, а то рассержусь.

Черти не ко времени накачали этого сухопутного прохиндея. Пришли за делом и налегке, а вываливаются из оврага с такой незавидной прибылью. Пусть председатель сам разбирается с этим подозрительным путешественником — он власть.

Не шли, а, что называется, следовали от оврага к дороге, вверх — к поскотине, к несжатым хлебам, в желтоватых пятнах подсолнечников: Тимоха Досаев на длинных расслабленных ногах несет свое нескладное, наклоненное вперед тело, толчками, как сквозь дремучие заросли продирается, пестрый сидор колышется на тощем заду. За Тимохой — Василий с автоматом, ремень через шею, кабура пистолета расстегнута, играючи помахивает снятым шлемом. Теплынь. Разговаривать при задержанном не хочется, не о чем при нем, но Василий Агапкин отчего-то повеселел. Вообще он оказался разговорчивее, общительнее, чем подумалось в начале их знакомства. Лицо большееротое, глаза коричневые с искоркой, доверчивые. Только темная вертикальная складка между прямыми раскрытыми бровей делала парня почти неожиданно взрослым, пожившим.

Дмитрий замыкал шествие. От гати до хлебов насчитал двести

тридцать три шага. Шаг в гору короткий, и должно получиться меньше двухсот метров. Надо запомнить, а удастся — перепроверить.

И еще неотложная арифметика. По самому жесткому штатному расписанию подобрать двоих на миномет. Оружие чужестранное, но принцип-то один — убивает, если руками взяться. Неужели из всех семнадцати никто не нюхал миномета, а это ведь такой довесок при крутых обстоятельствах, от которого отказываться просто грешно. На станковом Санька Лукин да Ефим Седых; с ручником Борис Тарасов, на ПТР тоже одного Осипа Кучмина хватит — и маневрировать тут негде будет и боекомплект — с гулькин нос. Кого-то надо еще приспособить на машину Агапкина.

Что же выходит... Из восемнадцати — вместе с танкистом — восемь в обязательных расчетах, на десять остальных, с Чугуновым и Спичевым, шесть автоматов, правда, три своих, отечественных с ограниченным запасом патронов. Вообще-то не такая, черт побери, плохая арифметика.

Издалека видна по пояс во ржи коренастая фигура уральца Кучмина. А ведь наказывал: не маячить у ветряка! Но в остальном тут должен быть порядок, на Костю Спичева можно было положиться, да и остальные вон как подтянулись. Ага, бронебойщик высматривал его, старшину, и теперь резво зарысился навстречу. На уставной дистанции молодцевато вытянулся — это он скорее перед незнакомыми или незнакомым Василием Агапкиным — так и ощупывает парня взглядом с ног до головы, дескать, интересно, что ты за гусь. Он кинул ладонь к пилотке:

— Товарищ старшина...

— Погоди... — Дмитрий кивнул на расслабленно остановившегося Досаева. — Пригляди, товарищ Кучмин, за путешественником. Нервный. Посади где стоит.

Неподалеку от ветряка полянка, а посреди нее — длинная яма, знал бы, назвал ее силосной: по бортам ямы буйная трава. Густо пахнет полынью и щами. Совсем по-домашнему пахнет. Застегивая воротник гимнастерки, вскочил Костя Спичев, в глазах — чертенья, и тоже с рапортом:

— Товарищ старшина, личный состав подразделения...

Жестом унял и этого службиста: по запаху слышно, чем личный состав занимался или занимается. Спичеву не терпится, он договаривает:

— Нагрянул, понимаешь, как снег на голову, председатель и прямо, елки, за грудки: «Поднимай людей в ружье, на деревне ЧП!» А как поднимать, елки, без самого командира. Правильно?

Правильно. Но сам Грачев, оказывается, еще здесь и карабкается уже из ямы на полынную бровку. Отряхнул колено, хмуро подтвердил:

— Беда, старшина... Прохлопали идиота.

Дмитрий повел взглядом в сторону задержанного.

— Если про моего знакомого, тогда полбеда.

Грачев разглядел сидевшего во ржи Досаева, его полускрытое

картузом волосатое лицо, но не повеселел, а только пристукнул костылем, заговорил сквозь зубы.

— На месте таких надо, по всей справедливости! Без всякой жалости! Вот что надо сотворить с этим курвцем. Подумать только, что он, гад, умыслил...

Дмитрий обернулся к Спичеву, к танкисту, — они как раз сдержанно пожимали друг другу руки.

— Познакомились? Костя, представь старшего сержанта бойцам, он теперь с нами. А мы — на два слова.

* * *

Отошли под сень ветряка. Одно крыло — пестрое от выпавшей дранки, опущено к земле, два — распахнулись по горизонту, а верхнее воткнулось чуть не в самое небо — так кажется, если посмотреть снизу. Воздух сонный, недвижимый, но стоило взяться за сухой, шершавый торец крыла, сразу почувствовалось, как его сотрясает неслышная, нетерпеливая дрожь, словно перед полетом, — потайная, она как-то вдруг пронизала все тело до холодка под ребрами, до синеватой мглы в глазах. Или то была мгlistая дымка над пришибленно молчавшими землями.

— Что говорите, Николай Прохорович? — переспросил Дмитрий. — Какие пропуска?

— Вот... Доводилось видеть? — Грачев подал розовый квадратик бумаги.

Это-то доводилось. По дорогам, по деревням с самолетов кидают такую «литературу». Видишь как, и здесь про то же и теми же словами... «Настоящий пропуск является свидетельством благонадежности подателя сего, залогом его сотрудничества с командованием немецкой армии, в его борьбе с комиссарами и агентами НКВД».

Грачев кивнул в сторону задержанного земляка. Именно такие листки раздавал колхозникам, которые уже укрылись в лесу, агитировал вернуться по домам, чуть не силком хотел увести с собой Клавдию Досаеву, — ту, свою первую любовь.

А когда его для ответа поставили перед всеми, лицом к лицу, он взял да и стрелил из какой-то пукалки в старика-правленца и — был таков, скрылся, сгинул как тать в болотах. Я к нему на двор, а его и след простыл, а тут нарочный паренек из леса с таким известием... Да провалиться бы тебе... Принимай решение, товарищ командир.

Дмитрий решительно мотнул головой.

— Не прокурор я, Николай Прохорович, не судья и, сам знаешь, некогда мне с этим... кисели разводить.

— Кисели? С предателем?

— У тебя есть на селе Советская власть, Николай Прохорович? Забирайте и судите по законам военного времени.

— Ку-уда забирайте? — чуть не за голову схватился председатель. — А если опять изловчится, уйдет? И ты должен знать: власть в

районе боевых действий, — всю полноту власти осуществляет военное командование. Про то специальный Указ Верховного Совета.

Вся полнота власти. Дмитрий оглянулся на солдат. Там толпятся вокруг Василия Агапкина, слышен оживленный говор, восклицания Кости Спичева.

В заплочном сидоре Тимофея Досаева обнаружили смену белья, шевитовый костюм ненадеванный, а в одном из новехоньких скороходовских штиблетов аккуратно перевязанную пачку тех же самых розовых листовок-пропусков. Таким запасливым оказался этот неудачливый ухажер.

Пока рассматривали все это с председателем, при самом деятельном участии часто сплевывавшего Кости Спичева, вокруг стоял весь «отдельный энский». Молчали. И Досаев молчал чуть ли не безучастно, только все поворачивал волосатое лицо то к одному солдату, то к другому.

— Зачем запас-то? — показал Дмитрий пачку листовок. — Для тебя и одной хватило бы...

Досаев искося, со сдержанной яростью, глянул на юное недоумевающее лицо старшины, угадал что-то в его глазах и рванул с головы картуз, ударил оземь. Спросил шепотом, потом не сдержался, стал забирать голосом все выше, выше, — до припадочного крика.

— Ты кто? Ты что за спрос? Ты с каких ветров такой немазанный? — и уже ко всем: — Братцы! Товарищи, в этих грамотах вся истинная правда, в них наше спасение! Куда смотрите? Пораскиньте башкой: за что на погибель идете, за перевыполнение каторжных сталинских пятилеток?! Вяжите своего сопляка да нашего безногого мироеда. Все знаю, про все расскажу, только слушайте! Братцы, я же русский, потомственный крестьянин я!..

Не поднимая глаз, Дмитрий протянул руку к танкисту:

— Дай парабеллум, из своего не могу...

Тот расстегнул кобур, потом чуть помешкал, подбросил пистолет на ладони, сказал строптиво:

— Почему сам? Прикажи, и я могу привести в исполнение...

Они на секунду встретились взглядами. Бледноватый свет блеснул в коричневых с искоркой глазах Василия Агапкина. Чугунов нехотя кивнул. А тот — к Грачеву:

— Куда его, товарищ председатель? Чтоб не воняло...

— Вы што?! — взвился, закричал Досаев, не поверив тому, что уже тенью накрыло его. — Вы кого слушаете! Белены объелись!

Агапкин с силой развернул его к стечке, на которую костылем показал Грачев.

— Объелись. Плыви.

Пошел спотыкаясь, все еще не уверившись в своей судьбе, оглянулся, поднял руки над кудлатой непокрытой головой.

Дмитрий оглядел солдат. Тяжкая война была на усталых, замкнутых лицах, в глазах, таких знакомых, знающих, провидящих все, вплоть до самой смерти. Только война.

— Кто на ветряке? — спросил он Спичева.

— Дубинин. У машины теперь Оноприенко.

— Надо посоветоваться, товарищи.

Очень немногословно советовались. И не о том, быть ли, стать ли им у Зеленых Двориков намертво, а как быть, кому и где стать. Грачев присутствовал при разговоре, и один раз Дмитрий обратился к нему и назвал старшим лейтенантом. Солдаты значительно переглянулись.

— Я, старшина, займусь тылом, — сказал Грачев. — Сообщи, когда понадобится...

Бойцы быстро разошлись обживать, оборудовать каждый свою позицию. Костя Спичев развил неутомимую, кипучую деятельность: падал с кем-то рядом у кромки ржи, поднимался на колени, что-то втолковывал, разводил руками, вскакивал и бежал к другому, хлопотал по ту сторону дороги вокруг Саньки Лукина и Ефима Седых — размечали основное и запасное пулеметные гнезда.

Дмитрий записал в блокнотик лейтенанта Трофимова фамилии, имена всех восемнадцати, поколебался и, на всякий случай, добавил Грачева Николая Прохоровича. Пометил оружие, боезапас. Машину решил перегнать загодя в крайний к поскотине двор и придержать в резерве, козырным тузом.

Как раз вернулся танкист, — не по стежке, которой увел Досаева, а со стороны деревни. Присел рядом, выплюнул потухший окурок. Дмитрий на чистом листке блокнота набрасывал кроки видимой местности — крайние избы, дорогу, гать, расположение огневых точек. На Василия не посмотрел, но почему-то так захотелось положить руку на плечо парня и сказать какое-то особое слово... Какое слово? Сам Василий спросил будничным тоном:

— Бронебойку-то по какому случаю поволокли к дороге? Не лучше бы с фланга...

— Случая не будет, без нее обойдемся.

— А со мной как?

Сейчас Дмитрий увидел его лицо, какое-то новое, отчужденное, с синеватыми подглазьями, большой рот неприступно жестковат, на шершавых скулах перекатываются желваки. Сказал ему о резерве, надо только выдвинуться вон за тот крайний сарай, лучше в сарай, чтобы при нужде рвануть прямо сквозь торцевую дощатую стенку.

— Не пойдет! — перебил вдруг танкист. Расслабил ворот гимнастерки, диковато повел глазами. — Не пойдет!

— Кто, что не пойдет? Ты о чем?

— В сарае, сычом — я?! Не пойдет!

— Это не предложение! — оборвал неожиданный, канительный разговор Дмитрий. — Выдвинешься загодя. Сейчас. Миномет отцепи, с ним пока некому управляться. В помощь возьмешь вон того, — лопатой орудует. Владимир Чумак. Можешь идти.

И сам тронулся по боевому порядку. Лукину и Седых велел выдвигаться немного вперед, чтобы сектор обстрела стал пошире, чтобы хлеба не мешали. Об этом и сами могли догадаться вместе со Спичевым. Спустился метров на сто пятьдесят, почти к самой гати, окинул взглядом деревенское взгорье. Как будто все правильно. Когда бойцы укро-

ются, околица примет самое обыкновенное обличье, если, конечно, кто-нибудь не демаскируется.

Вернулся к ветряку и у траншеи застал младшего сержанта, тот старательно ширкал штыковой лопатой о старый расколотый жернов — точил. По своему обычаю доверительно подмигнул, осведомился, где лучше оборудовать укрытие для самого старшины. Рядом с пулеметчиками? А почему не обязательно? Будет сделано. Точка.

В это время за деревней на большом газу взвыл двигатель. Вскоре бронетранспортер показался на улице. Пофыркал у крайней избы, развернулся и, как пришпоренный, сокрушив ветхую изгородь, скрылся во дворе.

— Силен, бес полосатый! — восхитился Спичев.

Дмитрию подумалось: великое дело переломить человеку самого себя. Вслух об этом не сказал. Прислушался. Внутри мельницы гулко затопало, закрипело. На наружной лестничке показался белесый от мучного буса Дубинин. Согнулся, как от колик в животе, остервенело чихнул, да так, не разгибаясь, через одну ступеньку — вниз. Немного заполошно воззрился на командиров, подвигал беззвучно губами, выпалил одним духом:

— Идут, туды иху!.. До взвода, может, боле!

— Далеко? — это Спичев и почему-то шепотом.

— Не... — это Дубинин и тоже шепотом.

Шептуны. От железного наствольного кожуха будто током ударило. Вот оно!

— Костя! — Дмитрий сорвал бинокль с шеи Дубинина. — Ты... со мной! Дубинин, к бойцам, скрытно... Изготовиться, и никакого шевеления! Слышал? Все по местам!

— Старшина! — догоняет негромкий вскрик Дубинина. — Там ступенек не хватает... Загредишь!

Даже и не заметил, где нет этих ступенек. Под самой конусообразной крышей, под радиальными стропилами, упал на кучу пыльной мешковины, в нос ударило мышинным духом. Сначала невпопад, потом спокойнее покрутил окуляры старенького шестикратного. Прояснилось. Крестовина делений в оранжевой короне легла на болота, на гать. Дорога... Левее, еще левее, выше... Сетка мелко вздрагивает, это сердце в такую пляску ударилось — дышать нечем. У самого плеча с хрипотцой передыхает младший сержант. Вояки липовые! Дмитрий до боли в пальцах сжимает бинокль.

Вот... У самого перевала, на юго-западе, становится видна серая крыша какого-то строения, а левее... — ноль двадцать... ноль тридцать, где дорога не различается — движение. Снова спокойнее сфокусировал шестикратный. Теперь лучше. Две, нет, три парных подводы — это почти сразу определилось. Пехота. Жиденькая рассредоточенная колонна. Два, четыре... шесть. Нет, на таком расстоянии ни черта не сосчитаешь, — километра четыре не меньше. Передовой отряд, а из-за перевала ползут еще и еще? Тогда зачем в передовом эти пароконные подводы?

Костя шепотом ругается.

— Старшина, я простым глазом вижу... Что ж ты?

— Видишь и за перевалом? Ясновидец. Ты вот что. Только ужом, чтоб колосок не шелохнулся. Понял? Предупреди танкиста, потом — председателя... Председатель пусть затопит две-три печки на деревне — дымок чтобы, мир и спокойствие чтобы... И больше никакого движения. Свяznego — ко мне.

Мельком глянул через плечо. Спичев на четвереньках пятился в глубь чердака и сразу с ногами-руками унырнул в квадратный люк, зашумел, посыпался вниз по скрипучей лестнице. И опять вжал рубчатые ободки окуляров в глазницы. Медленно подвигаются, язвы бы их, опасаются, что ли? — тогда дело может принять плохой оборот... Но чего гитлеровцы могут опасаться: Зеленые Дворики для них уже свои, чуть ли не глубокие тылы, а про группу трофимовцев откуда они могут проведать... Но зачем же они тогда облюбовали этот остров посреди Теткиных болот и как развелили дорогу?

Как да зачем... Разуи глаза, старшина. Среди однообразно серых солдатских фигур, шагающих вразнобой вокруг пароконных подвод, двое, нет, даже трое в светлом. Гражданские, больше некому... Сразу трое проводников?

Минут через сорок-пятьдесят гитлеровцы будут уже по эту сторону гати, у пскотины, у хлебов. Минут через пятьдесят. Когда втянутся на гать, можно бы подпустить и еще ближе, — все равно огнем их не подметешь — впереди гражданские. А как бы лихо получилось!

— Товарищ старшина, — неслышно подобрался Оноприенко, — ты зря миномет не приказал, Ерофей здорово кумекает, как бы лупанули...

Дмитрий отрицательно трясет головой: некогда теперь с этим! Но Оноприенко еще оживленнее, свирепее:

— Вот бы из ихней трубы, да по ним же! Ошметки! Вдрызг!

Не ответил. Непонятное происходило на дороге, — теперь ближе, километрах в трех, и в бинокль совсем четко различалось. Движение вдруг застопорилось, а в открытое пустое поле метнулась фигурка в светлом, угадалась даже парусившая за спиной рубаха, а двое в сером — солдаты, следом. Зачем же он, с какого лиха?

Упал, как землю у него из-под ног выдернули. Через два-три томительных вдоха донеслась слитная автоматная скороговорка. И еще одна. Будто сухую щепу переломили.

— В кого они, товарищ старшина? — посунулся вперед Оноприенко. — В белый свет? Стращают? Пусть, теперь уже недолго — так вздрючим!..

Невидяще посмотрел в широкое конопатое лицо солдата.

— Гражданские у них. Одного застрелили. Мальчонку.

Так что ж там, в непонятном далеке? Двое шагом возвращаются из короткой погони, остальные сгрудились у подвод. Неужели и тех двух кончат? На такое смотреть — только смотреть издалека — дух займется и проклянешь себя самым последним проклятием. Нет, расступились, и тогда снова стали видны те, двое, на ногах, тесно прижавшиеся друг к другу. Реденькая колонна вновь трогается по пологому скату к Зеленым Дворикам.

— Держи!..— Дмитрий передает бинокль Оноприенко.— Смотри за этими, но больше за тем вот дальним перевалом, где строение. Появится еще кто, в ту же секунду ко мне. Я у пулемета.

Вольно, как после долгого бега, вдохнул на земле вкусный полынный да хлебный запах. У ямы — никого. Упал на землю и сразу потонул в безветрии, во ржи.

Первым, на кого наткнулся,— Владимир Чумак,— парень с маленьким девичьим лицом, живыми любопытными глазками. Успел только наскрести перед собой небольшую горюшку сухой пыльной земли, теперь охаживает ее, утрамбовывает. Прямо сказать — невелика крепость получилась. Наказал ему ползти к сараю, где машина. Старший сержант пусть ни под каким видом не двигается. Взять у него ракетницу, патроны к ней, вернуться к пулеметному гнезду. У дороги, голова к голове, встретились с Костей. Тот, на что жилистый да ходкий, а вон как употел. Рот кривится от нетерпения, слов не договаривает.

— Идут, ползут, елки... Простым глазом... пересчитаешь. Осип волосы на голове рвет... Не знает, бить ли из своего громобоя по лошадям...

Еще такой самодеятельности не хватало! Вернулись к пулеметному гнезду, тут уже ждал Чумак с ракетницей. Сообщил, что у машины председатель, что дым, который затребовал старшина, имеется, что Грачев обещал вскорости наведаться и сюда.

Пришлось послать к сараю Спичева с категорическим наказом: задержать председателя, а заодно подтвердить старшему сержанту: ни под каким видом не шевелиться, ждать сигнала — одна зеленая ракета. Самому Косте перебраться потом на левый фланг к Борису Тарасову, тот с «дегтяревым» один, и мало ли что.

Хотелось подняться, выпрямиться, еще раз как следует оглядеться вокруг, но было уже поздно.

* * *

Метров за пятьдесят до первого входного мостика на гать вражеский отряд останавливается. Слышна даже длинная команда поднимающего руку офицера. Чужая речь... Все это так теперь близко, что и без бинокля различишь отдельные лица, серо-зеленый цвет обмундирования, тусклый отблеск оружия. И очень хорошо видно двух гражданских. И тут последние сомнения исчезают. Паренек в длинном, не по росту, пиджаке с непокрытой, коротко стриженной головой и прислонившаяся к нему девушка в линиялом платице. Она повыше ростом, темноволосая. Связаны по рукам — вот почему и стоят так плотно друг к другу. Связали, наверное, еще на дальнем перевале, когда третий из них так отчаянно, на верную смерть кинулся в открытое поле. А сейчас этих двух для чего-то развязывают. Конечно, куда они могут деться на пороге своей деревни, на глазах у всего вражеского отряда. Вон, вытаскивают вперед, к гати. Тот же офицер, в фуражке с высокой тульей, подает короткую команду, и солдаты, как на учении, быстро рассредоточиваются, залегают по обеим сторонам дороги. С подводы принима-

ется и споро устанавливается пулемет на сошнике. Весь этот маневр скорее для очистки совести, едва ли вражеский командир собирается открывать огонь по безлюдной деревне.

Заложников — девушку и паренька — снова и решительнее подталкивают вперед, трое с автоматами за ними — след в след. Не торопясь подвигаются к первому мостику, вступают на земляную гать. Разведка, головной дозор под прикрытием пленников. Не велика стратегия, про такую наслышаны. Далеко ли они собираются таким манером продвинуться, может, только до первых дворов... А потом? Не поспешили бы только там Василий Агапкин с Грачевым, особо, если девушка и есть долгожданная дочь председателя. Должно же у них хватить солдатской выдержки.

Дмитрий косит глазами в сторону Саньки Лукина. Рыжая, круглая голова пулеметчика напряженно приподнята, спина изогнулась тетиной, немигающие глаза в прорези броневое щитка, побелевшие казанки пальцев на рукоятках затыльника. Всего одним движением пальцев он может разодрать, расхлестать томительную тишину и опрокинет все в тартарары... Нет, не может!

А вот те, и так неожиданно — смогли. На ходу, отступив на шаг с дороги, коротко полоснули по близкому житу, выше — по деревне, вправо — по ветряку. Позабавились патлатые, что-то выкрикнули и — вперед.

Давай быстрее, чтобы вы провалились со всей своей трусостью, и не жгите патронов, заденете ведь кого-нибудь сослепу...

Пройдут или все же заглянут по сторонам, на полосы? — Тогда все сразу осложнится. Проходят... Дмитрию показалось, крайний слева — чернявый, с усами щеточкой, из-под надвинутой на одну бровь каски, чуть не в упор посмотрел на него, на пулеметное гнездо. Ничего не увидел, ну и пусть подышит лишнюю минуту.

За всем этим не успел ладом всмотреться в лица паренька и девушки, но все же приметил, что лица эти почти мертвенно неподвижны, запрокинуты, будто этим несчастным невмочь было смотреть на родную деревню. Но важнее, что они были уже здесь, живые, и важно, что не было в эти секунды рядом с Дмитрием Николая Прохоровича Грачева.

А за гатью не сочли видно нужным ожидать от головного дозора какого-то особого знака. На подводу вновь громоздят пулемет, солдаты вразвалочку стягиваются к дороге. Офицер перед подводой поднимает руку.

На войне тоже всему свое время: когда жить, когда помирать.

* * *

Не успев, наверное, разглядеть вспыхнувшую над головой зеленую ракету, от автоматного удара с двадцатипяти-тридцати метров офицер надломился в пояснице, послушно завалился навзничь, на него так же послушно упали два солдата в распахнутых мятых мундирах — прикрыли своими мертвыми телами мертвого.

Для Дмитрия болью в затылке отдалась его длинная автоматная

очередь. Через секунду позади упавших первыми дымно, трескуче взорвалась дорога — гранаты! Порвав упряжь, вздыбились грузные лошади. Рядом заговорил станковый — у рукояток мелко вздрагивающие руки Лукина, его вдруг постаревшее ощеренное лицо — и все вместе, сразу утробным громом рухнуло на землю.

Ни секундами, ни минутами такое не меряется, только подкатывает к горлу что-то колючее, сухое и лихорадка оружия тупым гулом отдается во всем теле, в земле под тобой, в незнакомо накренившемся небе.

Выдернул опорожненный магазин, запасным никак не мог попасть в пазы казенника, и за это время как будто заново обрел дальний слух. Расчленились, обрели самостоятельные голоса расчетливые автоматные, как гвозди заколачивают пять-шесть винтовок, подчеркнуто ровно, коротко бьет «дегтярев». И покрывая все, будто заведенный до скончания века, работает в руках Лукина близкий станковый. Время, как с узды сорвалось, оно сейчас как раскаленная пуля — не догонишь, не остановишь. Бой. Это же бой!

Внезапно рядом пластом валится Костя, кричит что-то, непонятное, головой трясет, тянется к чугуновскому автомату. Вzbесился!

— Стой, Дима!.. Сто-ой, говорят! — и еще свирепее в сторону Лукина: — Э-эй, славяне, елки, тормози, твою-свою, телегу!

— Ты что? — озлился Дмитрий. — Чего мотаешься под огнем?

— Вы ж... пустопорожний свет! — как глухой кричит Костя. — Там же никого живого, елки, ни единой души, если она в ком была. Лупите не на милость божию, как на сельщине!

Какой глазастый. Дмитрий прислушался к редким, на своей стороне, одиночным выстрелам. Бой потухал, почти потух. Неужели кончилось все это несусветное громохание? Устало сплюнул вязкую полынную слюну и, еле сгибая занемевшую спину, привстал на колени. Его сразу же ударило в голову. Удивился только, что не больно и что угловатое, потное лицо Спичева так жалко морщится, так нелепо раздваивается. Сел, откинулся на руки, но руки подогнулись в локтях, как чужие.

Глава 4

За отворенным окошком смеркается. Широко отмахивая костылем, Грачев беспокойно ходит по знакомой и такой мирной горнице — четыре отмаха от стены к порогу, четыре — обратно. Стук костыля больно отдаётся в голове Дмитрия, и все острее ощущается вяжущий сернистый привкус во рту. Совсем как после отпалки в еще не проветренном тупиковом забое. Пришло такое на память издавека, и тут же не поверилось: неужели когда-то в удивительно прочной жизни была шахта, до нее — техникум и вокруг люди, много людей, для которых война была только лозунгами для неприятия ее. Люди и какие-то немного смешные заботы, чистые надежды, мимолетные радости...

— Двадцать три... Двадцать четыре... — Это рядом на лавке начинают патронами магазин Костя Спичев. — Оп-пять двадцать пять! То-

варищ старшина... Николай Прохорович, а этот последний, точно двадцать пятый, который задел, Дима, тебя, он мог живой остаться, имей человеческое понятие, а без понятия мог и меня порешить, когда я кинулся в вашу сторону...

Черт бессовестный, ведь это по его вине тот двадцать пятый гитлеровец задел Чугунова и пулеметчика Седых. Сидит как ни в чем не бывало, рассуждает. Стратег.

— Меняй наблюдателя на ветряке, дозор за гатью, — говорит Дмитрий. — Пусть старший сержант оставит за себя Кучмина. Возвращайтесь.

Около часа назад в далекие тылы, в колхозные становища отправили паренька Толю Озерова, что вернулся живым с дочкой Грачева, да раненного в обе ноги, — кости, правда, не задело, — Ефима Седых. Пригодился один из уцелевших, посреди скоротечного боя, куцехвостых першеронов.

На столе перед Дмитрием два черненьких солдатских медальона с именами, отчествами, фамилиями погибших и мятые треугольнички неотосланных писем с адресами в такое далеко, что даже и не верится: есть ли они, существуют ли такие адреса. А имена, фамилии, наверное, до конца своего века не позабудешь, и не нужна никакая жизнь, в которой бы они могли забыться — Николай Савельевич Чудинов — с Анжерского рудника, Сергей Сергеевич Пресняков — с маленькой станции Яя. Земляки, почти соседи, их и в походе можно было видеть почти всегда рядом, и умерли они рядом. В братской могиле с ними похоронили Славу Кожевникова — как солдата. Его маленькое остывшее тело Василий Агапкин доставил с дальнего придорожья на бронетранспортере, встретили у околицы, построившись в две коротенькие шеренги. И кто тут может сказать, когда, в какие сроки, в каком возрасте человеку дано сполна пожить, сполна повоевать...

На самом краю стола пухлая стопка орленых солдатских книжек. Здесь же офицерская полевая сумка, около нее пачка глянцевых фотографий с волнистым обрезом. На фотографиях чье-то семейное улыбочивое, сытое благополучие, походное офицерское застолье.

Вера Грачева. Дмитрий, по обстоятельствам, не мог присутствовать при ее встрече с отцом и узнал только с его слов, что она наотрез отказалась уйти в колхозный табор с матерью, Софьей Даниловной.

— Имеет право, вот и... — заметил по этому поводу Николай Прохорович.

По правде говоря, Дмитрий не очень внимательно вникал в это — столько на него всякого навалилось после боя. Да если бы еще не дурацкая контузия — только контузия, а ранение само по себе пустяковое, пульей, как бритвой, стесало здоровый кусок кожи над левым ухом.

А теперь совсем выпало из гудящей головы, поздоровались они, когда порознь вернулись в правление, после похорон на сельском кладбище, или только внимательно присмотрелись друг к другу. Никаких ведь слов не хотелось. Без всяких слов девушка принесла из боковушки чистый полотняный лоскут, кивнула Дмитрию и, тоже молча, сменила неуклюжую, похожую на чалму, повязку на его голове. Ему показа-

лось, что после она немного помедлила, придержала его голову в своих горячих, сухих ладонях, и, прихватив документ немецкого офицера со стола, вышла. Тогда Грачев и поведал о том, что произошло в поле, на подступах к деревне.

* * *

С увала Зеленые Дворики открылись ребятам в знакомой щемящей тихости — самые для них заглавные на всей земле. Могли рассмотреть уже каждый свое подворье. На подворьях те, для кого они втроем должны были сделать столько необходимого, обязательного, а вот не успели, не смогли. На деревне ждут беды, но не ведают, что она — беда неминуемая — подкатывается к самой поскотине. И нет способа, нет никаких сил, подать какой-нибудь знак — хоть криком истричься. Выпало на долю такое, что бывает один раз в человеческой жизни, — тринадцатилетнему Славке Кожевникову, самому резвому в школе на ногу. Он один принял, наверное, неожиданное для самого себя решение. Пригодился подходящий момент. Разморенные длинной, беззаботной дорогой, гитлеровцы при виде деревни оживились, заговорили в предвкушении скорого отдыха, обильной жратвы, на одной из повозок запиликала губная гармошка. Славка прижался плечом к Вере и, почти не разжимая губ, скороговоркой попросил:

— Знак надо, Вера... Нашим. Эти стрелнут, не попадут в меня, я верткий... А наши услышат, уйдут. Надо, Вера, не держи!

Она и не успела ни удержать, ни слова сказать, только в глазах у нее все поплыло. Славка упал в ста метрах от дороги, и жизни у него больше ни на одно движение, ни даже на вскрик не хватило.

Рассказывает про это Николай Прохорович, ходит, вдруг останавливается лицом к стене, как будто видит что-то сквозь нее, долго молчит; станет у порога и опять долго смотрит в раскрытую в пепельные сумерки дверь.

Когда мимо по дороге проходили гитлеровцы, чуть не уперев автоматы в спину пареньку и девушке, Дмитрию в последний раз подумалось: «Хорошо, что нет рядом Николая Прохоровича, мог бы не выдержать, мог сорваться...» А он, оказывается, был, только рядом с Василием Агапкиным, в палисаднике у крайней избы, — был и в считанных шагах видел дочь, парнишку, гитлеровцев. По словам танкиста, и пальцем не шевельнул до поры, но страшно глянул на старшего сержанта, когда тот решительно прижался щекой к автомату. Он сумел по-солдатски выждать срок, пока не взвилась ракета, пока не грянула сигнальная очередь у поскотины.

* * *

В ночь можно было уходить, оставив обезлюдевшую деревню, — так предлагает Грачев, это же подсказывает и так называемый здравый смысл. А там оставшиеся в живых обязательно сумеют пробиться к своим, успеют еще навоеваться... Все это теперь проще простого, но только на первый взгляд.

Вера Грачева, как передал тот же Николай Прохорович, уверяет: завтра или днем позже в Зеленые Дворики обязательно придет какая-то воинская часть, — какая, зачем, — девушка не поняла из отрывочных разговоров в зондеркоманде, которой ее с парнишкой передала фельджандармерия. Может, просто позарились на этот уединенный уголок земли из-за его удаленности, изолированности и решили разместить здесь какие-нибудь заштитные тылы, базы? Или собрались поставить заслон от всяких неожиданностей, которыми могут быть чреват грозно нависающие с севера дремучие русские леса? Решили и беспрепятственно расположиться в чистых остывших избах, в яблоневых садах. А старшина Чугунов со своим воинством, со всеми «средствами усиления» к тому времени будет благополучно «вкусать блаженный отдых в самой глубине тех самых дремучих лесов. И, главное, никто их не осудит, а сами они перед собственной совестью могут резонно сослаться на извечную премудрость: «Сила соломѹ ломит». Соломѹ — да. Но когда же бить врага, если уже сейчас такой случай подвертывается? Когда?

Конечно, не одним Чугуновым все решится, потому ему нужно знать твердо-справедливо, что подумает, что почувствует каждый про себя: Лукин, Спичев, Дубинин, Кучмин и Оноприенко, Василий Агапкин, что все они почувствуют, когда услышат примерно такое: «Для нас теперь война — везде война: и в тылу врага, и на фронте. Отсюда пока не уйдем — вот и вот почему. Приготовиться к бою, может быть, на износ!»

* * *

Дмитрий не услышал, как из боковушки появилась Вера. Думал, все еще не пришла в себя, все, думал, мается от пережитого, а она, смотри-ка, и причесана, в темные косы вплетены голубенькие ленточки, старенькое пальтецо внакидку. Поколебалась посреди горницы, кивнула Дмитрию, а отцу подала тот листок плотной казенной бумаги. Тут, в бумаге, за несколькими параграфами она разгадала некоторые слова, которые и без перевода понятны: команда, комендатура, деревня Зеленые Дворики — Грюн Дорф...

— А точнее, точнее! — оживился Грачев.

В чем-то она разобралась, что-то поняла, а вот общий смысл ускользает. Вера приблизилась к столу, оперлась о край узкими загорелыми ладонями, наклонила голову. Дмитрий увидел очень близко ее смуглое лицо — маленький подбородок, плотно сомкнутые губы и в тенях глазниц удивительно синие глаза, они были, как у матери, Софьи Даниловны, по-взрослому мудрыми, провидящими.

— Читаю... понятно вроде, — сказала она, — все вроде понятно, а я как в темном лесу. Слова то сокращенные, то какие-то неживые. Вот... — взяла бумагу у отца. — Вот: передовой группе предписывается незамедлительная мобилизация всего трудоспособного населения... Мобилизация. Интенсивное развертывание строительных работ... зоне... в зоне КЦ. Что такое КЦ? Контингент военнопленных, интернированных определить... определяется... Интернированных — это что? А дальше

она поняла через пятое на десятое. Батальону охраны прибыть пункт дислокации... восемнадцать... сентябрь. Восемнадцатого сентября! А сегодня?

— Семнадцатое. — Это старший сержант Агапкин. Привалился грудью на подоконник открытого окна, а сам в палисаднике, у него за плечом — Спичев. И Вера у всех у них спрашивает:

— Батальон — это много, больше, чем сегодня?

— Много, — Грачев опускает руку на голову дочери. — Ты пока отдохни, скоро в дорогу, — не ближний свет... Мать там все глаза проглядела.

Вера заглянула в темное лицо отца, обернулась к Чугунову, к сержантам в окне, чуть качнула отрицательно головой.

— А кормить бойцов кто будет? С Таей Трусовой останемся, договорились. Не сердчай, папа, я ведь знаю, что вы тут можете надумать...

Сказала такую коротенькую речь и ушла, прошумели ее негромкие шаги за палисадником, проплыла неясная тень. Мужчины переглянулись: на самом деле, что они тут могли надумать, если принять во внимание переведенный через пень-колоду вражеский документ. Предполагается строительство концентрационного лагеря для военнопленных — КЦ, — значит, возникла у врага такая необходимость, есть у него пленные — бойцы и офицеры Красной Армии — как же так? Предполагается прибытие в Зеленые Дворики, — Грюн Дорф — охранного батальона и не позднее, чем завтра, восемнадцатого сентября. Какой численностью батальон — гадай на гуще, с каким вооружением — черт его знает! Охранный, конечно, не линейный, не полевой, штаты его — статья особая, так же, как и обязанности.

— Так что, отцы-командиры, думать будете? — Грачев устало опустил на свое председательское, сильно, как с мороза, растер лицо узловатыми пальцами. — Или наперед со своим народом посоветуетесь? — Он помедлил, щелкнул крышкой карманных часов. — Я к тому, что мой табор уже тронулся в свои берендеевы леса — в самый раз бы и нам, как солдаты дух переведут...

Пока солдаты оклемаются... Отдых на войне иной раз тяжелее, нестерпимее всякой работы, все твое нутро вывернет наизнанку.

— Чего молчите? — обернулся Дмитрий к раскрытому окну, к сержантам: — Что там у нас?

— Обыкновенно... — Спичев с каким-то значением подмигнул, потеснил Агапкина, развалисто оперся локтями о подоконник.

— Справедливые слова припомнились: «Гвозди бы делать из этих людей...»

Холера его знает, этого младшего командира, то он взрослее взрослого, то будто из коротких штанишек не вылутился.

— Докладывать разучился?

Спичев за окном выпрямился, честь честью, по-уставному.

— Смена дозоров произведена, товарищ старшина. За старшего в подразделении рядовой Кучмин. Остальной личный состав отдыхает... по силе возможности.

И он опять метнул взгляд, с каким-то значением, в сторону Васи-

лия Агапкина. Тот хмуро наклонил голову, стянул с нее шлем и нехотя кивнул: им, с младшим сержантом, надо бы старшину всего на одно слово.

Вся эта несурзная и не к месту секретность мгновенным перестуком отдалась в пораненной голове, — от недоуменной злости, что ли. Что еще там за слово? Они что — на посиделках? Встал, потребовал:

— Говори слово. Ну!

Агапкин тут же переменился, расправил плечи, стал выше — рядом со Спичевым, — но лицо его в густых сумерках палисадника ступевалось, глаза, такие ясные при дневном свете, померкли под склоненным лбом.

— Говори!

— Ушел... этот... лохматый.

— Кто... ушел? — переспросил Дмитрий, но как-то механически, потому что сразу понял и принял в себя всю беду, — принял и темно, дремуче вознегодовал на такую несправедливость, как на удар в спину. К председателю не обернулся, но знал, как у того напряженно поднялись широкие брови, как побелели суставы пальцев на закраине столешницы.

— Ушел у тебя из-под пистолета?

— Н-нет...

— Отпустил?

— Нет.

— Ты... слюняй жалостливый, должен был его... Ты... сам вызвался и... предал! Кого? Чудинова, Преснякова, Седых, мальчонку, загубленного у всех на глазах... Ты!..

— Не мог! — танкист, как от ослепительной вспышки, заслонил тылом ладони глаза и чуть не выкрикнул сдавленно, загнанно. — Не мог! Так вот... будто... походя. Не мог, не фашист я! Поймите!

Последнее слово он обратил уже ко всем — к председателю, к Спичеву, старшине, и в первую очередь, может быть, к самому себе. И повторил окончательно потерянными тоном:

— Не мог, старшина, рука не поднялась... Что хочешь делай!

А что он, старшина, может теперь сделать, морду набить? За неисполнение приказа в боевой обстановке? Тут элементарным мордобоем не обойдешься. Злость — острая, до судороги в скулах, гнев, от которого на секунду потемнело в глазах, вдруг как-то сами собой схлынули, их сразу и начисто заслонила уже солдатская деятельная забота, за нею забылся даже болький перестук в висках, в затылке. Думать, думать надо и что-то делать — круто, не мешкая. А что?

— Не торчите там! — крикнул он в палисадник. — Ради Христа нынче под окошками не подают... — И обернулся теперь к председателю: — О тайных тропах через болото, Николай Прохорович, что-то упоминал — где они? Ведь ни в леса, прямо в руки к односельчанам, ни через гать Досаев уйти не мог, и, если вернется, да не один... Когда он ушел?

Василий Агапкин как шагнул в избу, так и остался у порога — стро-

гий, подтянутый, ворот застегнут, шлем снова на голове, небольшие тяжелые руки словно прикипели к автомату.

Он не может точно сказать — когда. Во время боя, может... Запер его за садами в одной крепенькой баньке, дверцы припер бревнышками — намертво, окошко там с ладошку... А он, пархатый, потолочины разобрал. Расписку, пархатый, оставил. Вот.

На пожелтевшем газетном лоскутке острым угольком старательно выведено: «Гавнюки покойники ни мне себе напесали преговор. Атведу душу каждому вкалачу 9 грм Ждита».

— Тропки, тропки эти где, Николай Прохорович?

У Грачева на столе уже развернут тот самый «Генеральный план колхозного землепользования». Вот они: эта вот прямо от оврага, что за ветряком, — на юг, ею можно воспользоваться, если хочешь миновать гать, и по ней, видно, днем Досаев и налаживался улизнуть, когда его прихватили в овраге; другая километрах в четырех позади Зеленых Двориков — через западные болота, — ее можно не принимать в расчет: длинная, в хитрых кривулинах и сплошь провальная. Зато там же, только через восточные хляби — третья, самая в нынешней обстановке зловредная, она пролегает через два лесистых островка; если ее одолеть, то на той стороне, полевыми дорогами, до районного городка хоть на боку катись.

Вошла Вера с зажженным фонарем «летучая мышь», поставила на край стола, закрыла окна, занавесила их темной пестрядиной. Двигалась споро, неслышно. Спичев присел слева от Дмитрия, высверливал из него взглядом душу. Молчит у порога танкист, может самый сейчас несчастный на земле человек. Рассудительно, с остановками, говорит один председатель.

Восточную зловредную тропу надо немедленно перекрыть и, не мешкая ни часа, — уходить. Всем уходить. Солдаты сполна сделали все, что с них могло бы спросить само высшее командование, и даже сверх того.

— Сверх чего? — резко переспросил Дмитрий.

— Сверх всего, старшина. Или, скажешь, не моего ума дело?

— Нет, зачем, Николай Прохорович, все эти слова про долг и... про все... Ты же военный человек, Николай Прохорович, ты понимаешь, мы здесь не по найму, не на сдельщине, дело ведь только в том, как завтра с умом провоевать!

— Снова у Зеленых Двориков?

— Но ведь случай такой и, поверь, уходить неумоготу, уходить и уходить, когда не знаешь, где у тебя глаза — во лбу или на затылке. А тут враг самосильно прет на тебя, да еще документом об этом извещает...

— Истинная правда! — подхватывал Спичев.

— Но ведь батальон! — Грачев сжал кулаки. — Батальон!

— Но ведь вражеский!

— А на что надеешься? Снова на внезапность, на засаду?

— Только на бой, Николай Прохорович.

— А тропа в тылу, а Досаев?

— Досаев? — эхом откликнулась Вера. Она была у входа в свою заветную боковушку, а на это время, как от толчка обернулась. — Папа, ты о Тимофее?

— О ком еще... — махнул рукой Грачев.

— Он здесь?

— Был, из рук налимом ускользнул.

— Как же упустили?

— Сами ломаем голову... — председатель запнулся на слове и удивленно глянул на девушку. — У тебя-то что за интерес?

— Интерес? — Вера потерянно оглядела всех в этой вечерней приглохшей избе. — Какой интерес? Папа, ведь что случилось вчера... Он же вчера был в городе, Тимоха!

На это никто не откликнулся. Только танкист вдруг громыхнул по некрашенному полу жесткими немецкими сапогами и стал рядом с девушкой. Так сделал бы, наверное, каждый из них, если бы накатила минута заслонить человека от неминуемой беды.

О ней, об этой беде заговорила Вера — сбивчиво, торопливо, и все поднимала то одну руку, то другую к горлу. Сама не заметив, один разок присела рядом со Спичевым, потом вернулась на середину избы к танкисту, отошла к отцу и, став позади него, опустила ладони на его сникшие плечи. Говорила, торопилась, боясь упустить что-то, без чего рассказ ее мог потерять свой главный смысл.

Городок вчера было не узнать. На улицах, на единственной маленькой площади необычайнолюдно, но ни одного знакомого лица, ни одного своего русского человека — свои как повымерли. Только чужие солдаты, только машины с пестрыми размалеванными бортами и снова солдаты — с оружием, с разноцветными телефонными катушками. И почти из каждого двора наносило жирной благополучной едой.

Глухими окраинными улочками, переулками, такими с детства привычными, Вера с мальчонками направилась в сторону железнодорожной станции. Совсем недалеко оставалось до оградки, за которой в кустах акации ютился домик кондукторского резерва, и тут все втроем увидели Леонтия Кузьмича Шаповалова. К нему первому они должны были явиться, ему Вера должна была передать записку Николая Прохоровича и ответ получить, скорее на словах. В первый раз они тогда по-настоящему испугались. По бокам молодого машиниста вразвалочку следовали два немецких солдата, за спиной — третий. Леонтий Кузьмич узнал Веру и мальчишек, но даже глазом не повел в их сторону. Первым делом догадались уничтожить записку. Ее выхватил из рук Веры Славка, запихнул всей ладонью в рот и, вытаращив глазенки, старательно работая челюстями, изжевал, проглотил и даже не сплюнул. В кои-то веки парнишка почувствовал себя всамделишным конспиратором, подпольщиком.

Надо было попытать судьбу по второму, запасному адресу — на дому у Галины Егоровны Мягковой. Облегченно вздохнули, приметив старенькую библиотекаршу неподалеку от ее палисадника. Коротка оказалась и эта их радость. Насторожил непривычный даже со стороны вид всегда оживленной не по возрасту, немного суетливой Галины Ег-

ровны. Пошла она навстречу медленно, степенно постукивая тростниковой палочкой, с отчужденно приподнятой непокрытой головкой, в мелких седых кудряшках... Славка, как всегда нетерпеливый, рванулся было вперед, но Вера прищкнула на него. А Галина Егоровна, ну совсем как и Леонтий Кузьмич, не смотрела на них, хотя каждого знала чуть ли не с первого класса,— не смотрела, но всего за несколько шагов отчетливо произнесла:

— Не здоровайтесь. Ко мне нельзя! — А как поравнялись, то последними словами будто холодом обдала: — Немедленно уходите из города. Немедленно!

И только успели они разминуться со старенькой библиотекаршей, как Вера заметила на площади Тимофея Досаева. Да, Тимоху. Он был в обществе двух штатских, одетых щеголевато, как на первомайский праздник — при галстучках, в кепочках набекрень. Если бы не эти двое, Вера наверняка кинулась бы к Тимохе за советом, как-никак, а свой человек, даже седьмая вода на киселе — родня, как, впрочем все на деревне. Не кинулась, сдержалась, но поманив за собой мальчишек, успела заметить, что и Досаев ее увидел и сразу, остановив себя на каком-то жесте, поспешно показал на нее пальцем тем двоим. Подумалось тогда со злой досадой: «Чертов недотепа!»

Теперь же еще погадать надо, кто из них оказался недотепой, — Тимоха или сама Вера? И есть ли какая-то связь между встречей с односельчанином у городской площади и тем, что при выходе из городка Веру с мальчонками догнал зеленый военный мотоцикл с коляской, с него соскочили двое в мундирах, касках и весело скомандовали: «Цюрюк! Форверст! Шнель!»

Есть тут какая-то связь?

— Есть, провалиться бы этой связи! — Николай Прохорович приподнял руки дочери со своих плеч, подержал их в ладонях, будто захотел еще раз убедиться, что она рядом, живая. — Что ж ты мне ни полслова?

— Какие полслова? — Вера отчужденно глянула поверх отца.

Была уже позади целая ночь в комендатуре полевой жандармерии, там хотелось просто помереть, а спросил всего какой-то полурусский седенький сморчок в зеленой суконной шляпе: «Ты — Вера Грачева? Комсомолка и дочь коммуниста? Ты — Станислав Кожевников, сын командира батальона Красной Армии? Ты — Толя Озеров, воспитанник детского дома? Это прекрасно, — познакомиться таким образом, сознаться, — это очень и гораздо прекраснее, быть сознательными жителями Зеленых Двориков, а не болтаться, — полурусский старичок сделал цирковой жест вокруг своей гусиной шеи, — именно, не болтаться с шеей на дереве!»

А потом ночь в какой-то затхлой кладовушке, гудение голосов за жиденькой дощатой дверью, сквозь полудрему почти узнанный голос: «Она, она, ваше благородие, кому же еще!» И целых полдня в дороге, безвинная гибель Славки — Станислава Кожевникова, сломавшая на немые слезы, громовая стрельба у околицы, похороны, мать у твоих ног в беспамятстве, — когда же было что-то вспоминать!

Это, пожалуй, правильно, и без того вон сколько слов сказано. Но время, время, дорогие, милые товарищи, послушайте, как оно отбивает железные военные секунды в посеребренной коробочке лейтенанта Коли Трофимова — в его часах.

Движением бровей подозвал танкиста, толкнул локтем Костю Спичева и, себе на удивление, распорядился всем временем, которого у них, оказывается, хоть завались, века целые!

От кого-то он слышал про ящик тола на трофейной подводе. Взрывчатку разыскать Спичеву — немедленно. А по пути пусть прихватит этих самостоятельных разведчиков — Дубинина и Оноприенко. Парни из шахтеров, а шахтеры — народ сообразительный. Бикфордов и детонирующий шнуры? Прихвати, на всякий непредвиденный, но вообще-то потребуются взрыватели мгновенного действия, а где взять? Мины — вот где! Старшему сержанту обеспечить доставку двух или трех мин из своих запасов, а там, как говорится, с божьей помощью, мы их быстренько раскурочим, и получайте готовенькие взрыватели. Ничего, обойдется.

И еще. Пока суд да дело, — а время проволочить опасно, надо выслать на северные подступы к деревне дозор из самых подходящих, лучших Отконова, Овчинникова и Костромина, мужики глазастые, степенные, держатся тем более артельно, своим алтайским колхозным землячеством. А теперь — сто двадцать шагов в минуту!

— Погодите! — тут же остановил он сержантов и мельком глянул на Грачева. — Соображение какое, товарищи... Давайте посоветуемся со всеми, кто свободен. Сейчас же. Когда вместе — это всегда легче. Правильно? Тогда кликните всех, за одним и дело сделаете.

Ушли. В нечаянной тишине услышалось собственное дыхание, протяжное деловитое цоканье секунд в карманных часах.

— Николай Прохорович...

Грачев отозвался скупой:

— Трудновато, старшина? Чую. Ты говори...

— Николай Прохорович, подойдут сейчас ребята... Все объясню, — о Досаеве попутно, а главное, как в случае чего провоевать завтра и зачем все это нам. Поймут. Но перед этим... если перед этим я скажу им: «С этого часа комиссаром в отряде считайте коммуниста, старшего лейтенанта Грачева». А? Только ты меня правильно пойми, Николай Прохорович, не для того, чтобы свалить на тебя половину ответственности... Как помню себя, всегда рядом со мной был кто-нибудь из коммунистов. В доме — отец, в школе, в техникуме — учитель, на шахте — парторг участка, в газете — то же самое. А потом твой офицерский опыт... Яснее не могу, Николай Прохорович...

Приметил, как Вера выпрямилась, подняла голову, сомкнула на коленях пальцы в замок и теперь неотрывно, словно на незнакомого, смотрит на отца.

В уголках глаз председателя резче обозначились бледные лучики морщин, похоже было: затаенно усмехается. Спросил с легкой отцовской подковыркой:

— По уставу это — вольнонаемный да еще одноногий комиссар?

Дмитрий не принял, не захотел принять шутки, незаметно для себя сжал кулаки на коленях.

— А мы перед Гитлером по уставу пятимся?

На крыльце заскрипели ступени, загромыхали шаги, и Грачев успел сказать всего лишь три слова:

— Спасибо, Дима. Действуй.

Глава 5

Метрах в трехстах от северной поскотины их окликнули:

— Стой! Кто?

— Свой!

— Товарищ старшина?

Застава. Кто-то из барнаульцев. Присмотрелся: Анатолий Овчинников. Самый крепенький из земляков, немного косолапый, с широким, по-степному обветренным лицом. Не доложил, а пожаловался:

— Нежданно-негаданно происшествие, товарищ старшина... Телка приبلудного задержали!

Рядом хмыкнул Дубинин.

— Сопротивления не оказал? Без потерь обошлись?

— Тебя не пригодилось! — огрызнулся Овчинников.

— Остальные где?

— Лешка Костромин слева, шагов с полсотни, Кольша Отконов — справа, чуть впереди и подале...

Дмитрий подосадовал:

— Вам сказано было: связь иметь зрительную!

— Знамо дело, зрительная, — рассудительно согласился Овчинников. — Не по телефону же... На то и глаза крестьянские.

Наказал ожидать их возвращения часа через два, не раньше, шепнул на ухо пароль-отзыв. Понятно?

— Понятно, — повторил тот вслух. — Мушка — нагель, чего тут непонятного... Счастливо, товарищ старшина!

Честное слово, прямо как после товарищеской вечеринки.

Хотел прицокнуть, выругаться, но только резко махнул рукой спутникам: шагом марш!

Под ногами, почти наощупь, все та же полевая дорога, с глубокими колесными колеями. Рядом неслышно двигается Вера в коротком мальчуковом пиджаке, в платочке, туго повязанном у подбородка. В руке матерчатый узелок, сказала — с продуктами.

Так не хотелось заручаться ее подмогой на эту ночную вылазку, но ведь никакого выхода, без проводника как разыщешь проклятую восточную тропу — никак.

Сразу как-то выяснилась вся жесткая потребность перекрыть тропу на случай диверсии с тыла, у Дмитрия и мысли не возникло взяться за это, на первый взгляд, нехитрое дело самому — мало ли предстояло всего переделать и в самой деревне. Но вот собрались в правлении все шестнадцать, устроились не торопясь, деловито, кто где — у порога, у

стен, ноги калачиком, на двух крашенных лавках; спросил себя, как быть при нынешних обстоятельствах, если враг сам невольно известил документом: прибудет не позднее завтрашнего дня и такими-то силами?

— Война и есть война, что ее разглядывать то сбоку, то сзади... — отозвался самый тихонький среди них, стрелок Устин Поломошнов.

И тут, за разговором, Дмитрий заново присмотрелся к товарищам и поистине заново увидел их. Опалило под сердцем, горячо глазам сделалось, руки отяжелели. Да, теперь он знал всех: в лицо, по походке, даже, кажется, по мимолетным мыслям. Такие все разные, измотанные дорогами, сегодняшним боем и почему-то на каждого хотелось походить, каждому из всех сил подсобить. И потому не имел он сейчас права перепоручать ответственное дело даже самому опытному, самому надежному. Был уверен, сделают все, что потребуется, но ему-то необходимо кроме того знать, как будет сделано, а знать про это перед завтрашним он обязан дотошно, досконально.

— А, Николай Прохорович?

Грачев подумал, умял окурок в железную пепельницу, кивнул. И тут же Дмитрий перехватил несколько взглядов, обращенных к новоявленному комиссару. В них, в этих взглядах, не было и тени недоуменного сомнения. Значит, тут все правильно.

Обговорили незамедлительно дооборудовать оборону на юго-западной окраине и запасные позиции, благо подвалов, погребов на такой случай целый батальон. Работы будут производиться под руководством Грачева.

Но вернулись опять к тыловому болоту, к восточной тропе: как ее разыщешь, на ночь глядя? Тогда Вера и подала голос:

— Я пойду, — сказала и, выдержав прямой, взыскующий взгляд отца, подняла голову, оглянулась вокруг. — А кому еще?

Еще было некому.

Мины решили не разряжать, а приспособить на месте, как они есть, в кооперации со связками тола. Чтобы насторожить такой заряд — на это соображения должно хватить.

* * *

— Тут... — тихо обронила Вера и, покинув полевую дорогу, первой сошла на совсем неприметную межевую тропку. Миновали пологий скат, в космах редкого неживого кустарника, одолели пологую возвышенность, спустились еще по одному скату. Пахло дурной стоялой сыростью.

Проводница остановилась, обернула неясное лицо к Дмитрию. Рядом тяжело передохнули Дубинин и Оноприенко. Ничего не скажешь, около пяти километров они одолели самым форсированным ходом — было от чего перевести дух.

— Дальше... кладка... — снова негромко оповестила Вера, и услышалось в ее тоне сомнение. — Хлипкая, метров сто, может, больше... Потом — снова тропа, в осоке, в кочках — зыбко там.. Еще дальше остров.

Дальше, еще дальше... Если бы видеть чуть дальше своего носа, а так поди, разберись, где кладка, где тропа, где хлябь.

— За мной вам надо, шаг в шаг, тут оступить никак нельзя...

Прыткая какая: сказала и тронулась. Дмитрий придержал ее за плечо. Никто за ней шаг в шаг не пойдет, она с Оноприенко останется вот тут, на месте, где стоит, но так, будто их здесь нет. Они должны делать неукоснительно: смотреть, слушать.

— Не пройдете!.. Дима, не пройдете! — И таким теперь привычным движением кулачки прижала к горлу.

А что оставалось делать старшине — успокоить, разумеется: не на прогулке, пройдут. Но Вера все же проводила их до начала кладки, взяла Дмитрия за руку и провела несколько шагов. Пальцы ее, как и при перевязке давеча, были сухими, горячими.

— Вот, Дима... — нагнулась и подала волглую шершавую палку. — Держи, так сподручнее...

Метров сто пятьдесят или больше — кто их тут мерил — кладка под острым углом удалялась от полевого берега, а потом круто взяла влево, куда-то прямо в беспредельный болотный простор. Еще через два-три десятка метров эта зыбкая кладочка оборвалась, как обрубленная. Тут, видимо, и начиналась самая натуральная тропа.

Ступил с хвороста, и ноги сразу увязли в жиже по щиколотку. Подумалось тут же: неужели у того нестриженного Досаева достанет духу одолеть ночью эту провальную дорогу? Но если даже и не хватит вонючего духу, тогда на что хозяйские автоматы, которыми запросто ткнут в костлявую спину Тимохи. От такой понужалочки не то что через болото, на седьмое небо полезешь.

— Пройдем? — шепчет Ерофей Дубинин.

— Погодишь здесь, — решает Дмитрий. — Закрепляйся на любой кочке, жди. Куда тебе пока с грузом... Пройду один, прикину.

— Обоим сподручнее...

— После, жди...

— А если встречу кто?

— Не слепой. Говорят, жди.

Оставил Дубинина закрепляться на любой кочке, сам тронулся. Истинно, не тропа, а сплошные пьяненькие кривулины — между кочек, вокруг кочек, через одну мочажину, через другую. Ткнешь палкой перед собой — жидковато, чуть в сторону — ступай, а болото все зыбится, зыбится перед тобой, дышит. Забыл уже думать обо всем, что осталось позади — только шаг, еще шаг, и вся сила уходит в эти медленные вязкие шаги. Обходит темную, без отблеска, воду, потом минует еще два разводя, каждое из которых, как дыра в преисподнюю, шелестят, шелкают, ломаясь, сухие осенние камыши. Давно уже в испарину кинуло. В одном, да в другом месте не уберется, черт косолапый, ухнул все же в колдобины по самые колени. Пока выбирался, мало сапоги в трясине не оставил. Не хватало остаток времени босиком провоевать.

Неожиданно — как гора с плеч, снова нащупал ногой слабую кладку. Получается, верняком двигался, получается, азимут 270 по личному компасу лейтенанта Коли Трофимова не подвел. А если до первого островка, как сказывал комиссар Грачев, всего метров 600—700, то он успел уже одолеть никак не меньше половины.

Сам островок не нужен, весь его все равно не заминируешь. Вполне достаточно первый заряд насторожить у начала этой вот кладки, на которой теперь стоит, второй — меж двух разводий, которые в преисподнюю, третий... И третьему место найдется. Тропа, даже такая хитрая — на трех замках? Вполне подходяще...

Пока раздумывал, пристроившись на шаткой колючей кочке, пока дыхание обретал, земля слышнее стала: далекой волной катился привычный поднебесный гул — с запада на восток, с запада на восток, становился то громче, то невянтнее, неразличимее... Совсем истаивал.

А это?.. Ближе. И все явственнее. Что-то скребется, будто о каменное точило железом, и потрескивает. Почти как давеча было с Оноприенко. Камыши? Молчат камыши. А это прямо как железом по камню, с пришептыванием...

Звук не от берега, а из терпкой болотной глубинки, от невидимого островка, если про это азимут не врет, если вообще существуют островки посреди ночных душных хлябей.

Слушал, слушал, неловко повернувшись всем телом на звук, в затылке заныло от напряженно запрокинутой головы. Как есть точильщик: ш-ш-у... ш-ш-ш-у... Старательно крутит кто-то невидимую ручку, вертится невидимый камень и старательно ширкают по нему железом: ш-ш-ш-у-у... ш-у-ш-у... И, стоп, — совершенно явственно: хлюп-хлюп...

Шаги. Шаги по неверной кладке.

А ведь надеялся именно на такой случай, на такой исход, — так надеялся, чуть ли не тайне от себя. И скрытая торопливость, с которой оставил Веру с Оноприенко на болотном берегу, а потом Дубинина на какой-то кочке — это от надежды, что удастся самому перехватить этого ночного ходока с восточного берега. А ходок должен быть, в этом Дмитрий почти не сомневался.

Шаги по хлюпающей кладке и ничего не видно, хоть глаз коли. Весь, кажется, обратился в слух, весь навстречу неверным, то возникающим, то сторожко затихающим звукам, весь навстречу плохо понятному железнному скрежету. Что позади — про то думать позабыл. Мельком глянул — позади, пригнувшись, стоял Дубинин. Угораздило все же, черта непослушного, появиться «как тать в ночи». Вздрючить бы как следует, но как раз было не до прений.

Потянул солдата за пояс, заставил сесть, потом, настойчивее, заставил лечь прямо в грязь, на неустойчивую кладку, жестом же приказал снять вещмешок, с грузом мин и шашками тола, притянул к себе за воротник и, погрозив, дыхнул:

— Тихо!

Непослушный, но понятливый: и рта не попытался раскрыть. Дыхание тоже на удивление ровное, словно не по болоту с пудовым грузом выбредал.

Только с полутора-двух десятков метров обозначился чайанный ночной путешественник. И точило, которое скребло и скребло, стало сразу понятно. Тащил человек за спиной катушку телефонного провода, разматывал эту катушку на ходу — вот тебе и «точило».

И не человек, это уже был Досаев.

Если бывший шахтер Дубинин такой догадливый, такой оборотистый, он и на этот раз поймет что к чему. Понудил его чуть податься вперед и легонько ударил ребром ладони под коленки. Солдат и на самом деле понял, только оглянулся и приметно кивнул.

Затаились в травяной колючей сырости. Дмитрий почти упирался носом в грязные подошвы солдатских ботинок. Повязка на голове Дмитрия белая, чуть прикрытая пилоткой — заметит ее ходок с той стороны.

Остановился, слышно, как задушливо отпыхался, поправил за плечом телефонную катушку и, досадливо сплюнув, снова тронулся. Шаг, еще шаг...

Дмитрий ткнул скользкой ладошкой в каблук Дубинина.

Вскинулись они почти одновременно. Дубинину было ближе: хотя и не очень сподручно, Досаев на него почти наступил, но солдат все же изловчился, схватил волосатого за ноги, успел рвануть его к себе, а уж потом, поверх них упал Дмитрий и здорово зашиб обо что-то коленку. Зажал до хруста в пальцах тощую волосатую шею Досаева и оборвал этим птичий вскрик.

Противное, конечно, дело, но куда денешься. К Дмитрию скоренько перебрался Дубинин, скоренько обыскал пленного, — тут было не до совещаний, как и что. Дмитрий сунул ствол пистолета под ребро Досаева.

— Кто за тобой? — и отпустил волосатое горло.

— Старшина... Так и знал. Полицаи будут... рассветает...

— Сколько?

— До взвода, может...

— Телефон для чего?

— Провод на тропе... чтобы и, — связь, когда с перевала те грянут... Не надо меня кончать, старшина... Шибко... шибко полезный буду.

Полезный. Выстрел прозвучал глухо, будто в подушку.

— Зря... — немного погодя сказал Дубинин. — Пуля все же воинское дело, а для этого...

Еще не меньше часа проваландались, пока труп предателя оттащили к двум провальным озеркам, пока со всем тщанием заложили заряды, один ближе к острову, другой — между теми озерками.

А при катушке оказался телефон, старинной системы «Эриксон». В кожаном футляре — честь честью.

Размотали катушку до сухого берега, чуть отдышались, и Дубинин, поплевавшись, пробормотав какие-то проклятия в адрес всех на свете болот, затопал в темноту, к Зеленым Дворикам. А Дмитрий не сдержался, опрокинулся на спину и, чувствуя, как на нем остывает сырая, липкая одежда — почти мгновенно задремал — качнулся и поплыл... Может, минуту, а то и все десять-пятнадцать продолжался этот полусон, полунебытие. Очнулся от тепла под щекой. Это Вера успела как-то неслышно положить его голову себе на колени. И накрыт он был ее мальчуковым пиджаком. Сама сидела, близко склонившись над ним и, кажется, не дышала. Заметила, что очнулся, спросила вполголоса:

— Кто-то стрелял?
— Я стрелял, — признался Дмитрий. — С испугу.
— А это?
— Телефон это. Для прямой связи с Гитлером.
— Смеешься...
— Плакать не умею — поэтому. А на хаханьки времени тоже — ой! Разлеся, видишь, не в свой час... Спасибо, Вера, согрелся немного.
С Оноприенко, из его запасов, поставили еще два фугаса и, только успели закончить эту кропотливую возню, вернулись от деревни Дубинин с тремя барнаульцами.

— Заявились, не притомились, — доложился скороговоркой Овчинников. — А на вас глянешь — вконец ухайдакались.

Дмитрий как раз наладил телефон: закрепил конец провода на входной клемме, воткнул штырь заземления, осторожно продул трубку — индукция! На том конце провода аппарат тоже включен. Захотелось тут же нажать кнопку вызова, но сдержал себя: ни к чему сейчас дразнить гусей. Сказал, похлопав по кожаному футляру:

— Останетесь... вдвоем, для наблюдения за тропой через болота и для принятия мер... Услышишь зуммер — откликнись. Поначалу можешь соврать, грех приму на себя: Досаев Тимоха, запомни Досаев, дескать, отлучился для разведки на деревню, а ты сам, дескать, из приبلудных добровольцев, дежуришь у аппарата и дальнейшая программа действия тебе неведома. Ясно?

Яснее ясного. Соврешь — согрешишь, покаешься — спасешься.

Дмитрий досадливо отмахнулся, дообъяснил: если не поверят в сказку про Досаева, можно говорить, что на ум придет, всякие разные слова про Гитлера, про загробную жизнь и предателей, в душу их...

— Теперь окончательно ясно, старшина, — оживился Овчинников. — По телефону у меня никогда не заржавеет, по телефону я могу с любым чином, хотя бы с господом богом!

— Ближе к свету замаскируйтесь. Если кто наладится с той стороны невредимый...

— Повредим.

Этого барнаульца не переговоришь. Воевал бы так же бойко.

Сырая одежда вязла на ходу по рукам и ногам, и, кажется, тело покинули последние крупницы живого тепла. Шел, как сквозь вязкий туман. А Вера все рядом, все помалкивает и словно подслушала его состояние, притронулась к руке. Вечером на деревне было договорено истопить баню, теперь там все успели перемыться, перепариться.

Вот в такое даже и поверить не захотелось.

Глава 6

Но баня была — жаркая, горьковато-пахучая, был короткий полу-сонный ужин, не заметил даже из чего, а когда заглянувший в избу на минуту Грачев наказал: — Спи, командир, обо всем и про все утречком... — был сон почти трехчасовой, почти мертвый.

Вскинулся с какой-то лежанки от близкого гулко-го выстрела. Бросился в чем был к выходу, а навстречу маленькая узкоплечая девушка. Отвела в сторону глаза в припухших веках, под платочком, повязанном по самые тоненькие бровки. Голос низкий, надорванный.

— Наказывали, чтобы не беспокоились, если проснетесь... Это дядя Грач с ребятами оружие испытывают.

Оглядел нечаянно себя, сердце захолонуло: почти нагишом!

— А где все это... мое?..

— Поспела одежда. Простирали, просушили, гладить нечем — вальком прокатали... Счас!

Догадался, что за девушку принял ту самую Таю Трусову, плач которой слышал вчера — мать погибшего под бомбежкой семилетнего мальчонки.

Еще выстрел. Хорошенькое дело: выпались, выстирались, прокатались, а люди там в поте лица заряды жгут!

— Вера в деревне?

— Здесь я, — откликнулась Вера из кухонного придела. — Все поели, тебе оставили. Завтракай.

— Какие завтраки! — удивился Дмитрий. — Завтраки... Выпил полковша вкусной воды, в карман сунул лопот еще теплого хлеба. Вышел, дохнул поглубже на рассветном крыльце, удивился тишине, миру на земле и, раздумывая, вернулся на кухню. Вера в кути быстро обернулась. Она была сегодня чем-то не похожа на себя вчерашнюю, выше что ли стала, взрослее. Ясно светилось ее чистое смуглое лицо, с мягким очерком губ, плавнее были движения и, кажется, еще глубже, по-женски проникновеннее взгляд ее синих медленных глаз под совершенно черными бровями.

— Хотел попросить, по-товарищески... — сказал он. — Если бы имел право, обязательно приказал бы...

А ведь сразу догадалась, о чем хотел попросить, о чем разговор затеял. Вскинула простоволосую темную головку, ответила как о твердо решенном:

— Нет, Дима. Уйдем только со всеми или с последним из вас. Или совсем... не уйдем. Не обижайся, не обижай.

Подумал, кивнул.

— Прости на слове.

Вышел и не дальше как у палисадника рассердился. Дипломатия. «Не обижайся, не обижай». «Прости на слове». Надо комиссару категорически сказать — и точка.

Голова сегодня почти не беспокоила, а ночью, на болоте, просто не до того было. Быстро миновал деревню с ее молчаливыми, выставшими избами. Совсем рассвело, но солнце еще не народилось. Первым делом поднялся на ветряк. Здесь было сумеречно, прохладно. У проема в крыше, с биноклем у глаз лежал уралец Осип Кучмин, бронебойщик.

— Спокойно, Осип?

— Как по заказу, старшина. Аж кошки на душе скребут.

Дмитрий настраивает бинокль, медленно оглядывает знакомый пейзаж, покатые поля в клиньях осенней пожни. Правильно: все спокой-

но, безлюдно, и правильно у солдата скребут кошки его невещественную душу.

— Из миномета ударили, наблюдал?

— Комиссар специально наказывал.

— Как ударили?

— Первая куда-то в поля ушла, не углядел, вторая — в самое место у дороги легла, во-он у тех лысых полосок. Удовлетворительно легла. И рисковый же, видать, старший-то лейтенант, на все руки. Ему бы вторую ногу — ку-уда с добром командир.

Дмитрий почти по пояс высунулся через проем в крыше. Вот где, оказывается, начало разведанного вчера оврага, всего в каких-то двухстах метрах от ветряка. Кончается старый сад, дальше заросли крапивы, коноплянника, и тут начало глинистой промоины.

— Тебя кто меняет, Осип Кузьмич?

— Сказывали, Захаров Витька...

— Захарова же на трофейный пулемет определили, осваивать должен.

— Каждому свое, старшина, у меня вон тоже пугач со вчерашнего дня не чищен.

— Другого кого подошлю, может, Отконова. Выгляни, слева вниз — овраг.

Кучмин с трудом просунулся в отверстие, долго крутил головой, два раза визгливо, совсем по-бабьи чихнул, а упятившись на свое место и вытерев заслезившиеся глаза, согласился:

— Натуральный овраг.

— Устье — золотое место для бронебойки и пулемета.

— Верно! — удивился Кучмин. — Оттудова подступы к гати, саму гать, как под метелочку, можно вымести.

— Сменишься, Осип Кузьмич, в ту же минуту ко мне, прихватим Захарова и на месте прикинем что к чему.

Снизу послышался говор, голос Прачева:

— Старшина, ты здесь? Приземляйся, заждались!

Вон они какие, все три командира — чистенькие, спокойные, подтянутые. Один комиссар чего стоит, на нем слежавшаяся от давнего хранения гимнастерка, в петлицах три кубика, эмблема-значок танковых войск, фуражка с темным околышем, ремень с портупеей, пистолет в кобуре — любо-дорого поглядеть. Спичев не преминул подмигнуть. Василий Агапкин не смотрит в глаза.

— Пойдем, Дмитрий Егорович, по всему фронту на ходу будем докладывать, что сделано, как прикидываем.

Сделано все правильно, что говорить, задумано того лучше, оставалось договориться с неведомым противником, чтобы он, с дурной башки, не перевернул вверх ногами всей этой распрекрасной диспозиции.

За ночь основные и запасные гнезда для пулеметов, стрелковые ячейки успели перенести на фланги, подальше от дороги, но так, чтобы подступы к гати, сама гать были как на ладони. Теперь каждый знает свое место, а задачи, исполнение — по обстановке.

С минометом устроились — лучше не надо. Разобрали в крайних избах кирпичные печки, раскатали одну амбарушку и возвели истинное укрепление со скрытым подходом, с надежными укрытиями и, как показала давешняя пристрелка, четырнадцать оставшихся зарядов можно с толком истратить. Грачев заранее определил свое место на миномете, помощники, как показала та же пристрелка, боевитые, сообразительные.

— Дружки?

— Они, Дубинин с Оноприенко.

— Что получается... — подумал вслух Дмитрий. — Ты, Николай Прохорович, на миномете, я себя назначил с бронебойкой и трофейным — в овраг...

— Командовать дядя будет! — подхватил Спичев.

Невесело посмеялись и в овраг определили младшего сержанта, для этого ему отправиться на место сейчас же, прихватив Захарова и Кучмина.

— Как с мосточками через гать? Заминировали? И здесь успели? Кто ставил заряды? Старший сержант. Все равно надо посмотреть.

— Не надо смотреть, — холодно возразил Агапкин. — Там ничего не увидишь... Пехтура пройдет, а какой транспорт тяжелый — сгорит.

— Надо посмотреть, — не обратил внимания на Агапкина Дмитрий. — Не для какой ревизии, просто пощупаю своими руками, да гляну еще разок оттуда на деревню. Костя, бери ребят, как сказано, — и в овраг, там слева от ветряка, Кучмин знает. А ты, Николай Прохорович?

— В штаб, старшина, подожду, как вернешься...

Колхозное правление под красным праздничным флагом — штаб. Все правильно.

Дорогой, по пути к гати, любопытство что ли пересилило, спросил Агапкина:

— Так с вечера и молчишь?

— Характер отрабатываю.

— Дельно. Этого добра у нас на двоих много, если горстка.

— Заимею когда — напополам разделим.

— Вот спасибо. Отрабатывай на здоровье, неровен час срочно потребуется.

— Потому и маюсь...

— Со временем да за работой позабудется.

— Стой! Куда ты? Глаза есть? — остановил Василий и ткнул почти под самые ноги Дмитрия.

В самом деле, проволочку, сантиметров в десяти над первым от деревни мостиком, не приметил.

— Натяжного?

— Пришлось, где же взрыватель лишний найдешь. Винтовку израсходовали: ствол отпилили, а обрез приткнули к самому капсюлю. Сработает.

— А те мостки?

— Там нажимные, тоже по-всякому исхитрились.

Дмитрий представил самого себя со стороны, как сам пурхался

ночью на болоте с фугасками и тоже по-разному исхитрялся. А что делать, если у тебя такая должность, такая нужда — на каждом шагу исхитряться.

Отослал Василия наверх, к деревне, а то все разошлись и за старшего никого не оставили. Сам повернул к оврагу. В овраге хлопотал Костя с Кучминым и Захаровым. Хлопотали тоже правильно. Для бронебойки, для пулемета позиции раздельные по противоположным бортам и в самом устье оврага — не позиции, истинный курорт. До поры, до времени. Посоветовал только в небольшой излучине, метрах в тридцати от устья, выдолбить попросторнее углубление — камеру, на шахтерском языке. Такое укрытие никогда не помешает, несмотря что место как у Христа за пазухой.

На позиции станкового, которую за ночь переместили значительно правее дороги, застал одного Саньку Лукина, тот, в одной исподней рубашке штопал выстиранную, наверное, в бане гимнастерку. Сказал между прочим, что смотря какая война нынче накатит, а то воевать придется всего ничего, даже при железном режиме экономии: выстрочат пять остатных лент и — баста, берись, благословясь, за личное оружие — винтовочку образца одна тысяча восемьсот...

Миномет поместили за огородом крайней избы, справа. Подошел с тыла. Остановился неподалеку и позавидовал хозяйственной старательности ребят, их смекалке. Тут дело не обошлось без Грачева, капитально устроились. Сруб амбарушки подняли по бортам капонира на целых четыре венца, да еще снаружи обложили кирпичом — на такой позиции впору батарею размещать.

Без пилотки, распояской у прицела хлопочет Ерофей Дубинин, издалека еще заметно, довольнехонек. То присядет и припадет к визиру, то вскочит и рубанет перед собой рукой, командует, значит: «Огонь!»

А Григорий Оноприенко норками кверху, разметал руки в ровике, прямо на зарядных ящиках, спит шахтер, произведенный войной в минометчики.

— Комиссар оставил за старшего, — сообщил нейтральным тоном Дубинин. — Как старший, приказал Гришке дрыхнуть, а то он под утро окончательно упластался, вон какую прорву земли переворочал, не считая работы на болоте.

— Сам-то как же?

— Сам сразу после баньки спал, меня Гришка к лопате и на дух не пустил. «Твое, говорит, дело, чтоб глаз-ватерпас, если к прицелу поставят, а мне, говорит, что — хватил ее, иностранную, кинул хвостом в трубу, раскрыл рот, чтоб уши не заложило и — по новой». Он речистый, когда на него стих найдет, — напряженно вытянул жилистую, загоревшую до бурого цвета шею, прислушался. — Будто идет какой-то, а, старшина?

И следом, от пулеметного гнезда, послышался возглас:

— Во-оздух...

— Буди, — кивнул Дмитрий на Григория. — Где у вас что-нибудь, прикрой трубу... В нишу! Оба!

Мельком подосадовал: бинокля под руками не оказалось. Но би-

нокля, кажется, не потребуется. На северо-западе, над увалами, над пашенными землями обозначилась темная быстрая черточка. Самолет шел напрямик на Зеленые Дворики. Случайный, как вчера? Но еще в одну случайность не поверилось, так на войне не бывает. И Зеленые Дворики не иголка в копешке сена, а исчезновение вражеской команды в двадцать пять солдат давно уже никакой не секрет, зря, что ли, побывал за болотом Тимоха.

Это был «мессер». С торжествующим ревом пронесся он над тихой деревней, опуская попеременно то левую, то правую плоскости. Ничего не скажешь, лиха скорость и, может, это как раз на руку затаившимся на земле: много ли на такой скорости заметишь. Развернулся он где-то невидимо, за увалом, и звук стал снова стремительно нарастать. Дмитрий не выдержал, сам крикнул, чуть не сорвав голос:

— Укры-ытие! Воздух!..

Теперь была уже настоящая атака. «Мессер» рос на глазах, шел с победным громом на бреющем, еще за болотом, по ту сторону гати его плоскости изрыгнули ломаные пулеметные молнии. Огненный шквал ударил по хлебам. Дмитрий уголком глаза успел приметить, как над ветряком всполошенной птичьей стаей вспорхнула разнокалиберная щепа. Вот бы Отконов догадался укрыться за какими-нибудь каменными жерновами.

А «мессер», развернувшись на север, снова идет в атаку, и снова деревню опоясывают струи нещадного огня. Вот уже третий заход, четвертый, кулаки от неистового напряжения заныли, уши заложило от воя, грохота бортовой пушки, взвизгивания пулеметных очередей.

— Сдельно что ли взялся, гад! — кричит Дубинин.

— Поминки по вчерашним справляет... — это хрипловатый спросонья голос Оноприенко и его же удивленный возглас: — Мельница, братцы! И на деревне! Вот холера беспризорная, запалил, добаловался!

Сухой ветряк разгорелся почти бездымно, но над самой деревней, в нескольких местах поднимались к безответному небу тяжелые, медленные клубы, на глазах наливаясь душной чернотой. А этот громила вернется еще или утихомирился, отвел фашистскую душу? Не слышно как будто...

— Быть на месте, — торопливо кинул Дмитрий, выскакивая из капомира. — Никаких действий без Грачева. Сейчас будет.

Об Отконова чуть не споткнулся неподалеку от свечой занявшегося ветряка. Парень лежал в мятой ржи, схватившись обеими руками за живот, подтянув коленки к самому подбородку. Окликнул его:

— Коля, ты живой?

Поднял простоволосую русую голову, обиделся:

— А какой еще?

— Чего ж ты?

— С умной головы чуть не с верхотуры сиганул, кишки, видно, перепутались...

— Встанешь?

— Знамо, стану.

— Место свое знаешь?

— А то нет... Рядом с Ананьевым, у «дегтярева»... Там место — зимовать можно, только за брюхо боюсь...

— Поднимайся, с брюхом потом разберемся, кати к Ананьеву! Где бинокль?

— На ветряке... Зацепил о какую-то язву...

— ...Егорович!

У крайней избы Грачев и с ним Овчинников. А ну-ка, ну-ка, что там могло стрястись.

Николай Прохорович тылом ладони утирает потный лоб. Нет, девчата отсиделись в погребке, сейчас взялись доваривать обед. Пожар само собой, загорелось — сгорит, так было предназначено. Что ж что жалко, одной жалостью не проживешь. Главное, углядел или нет поджигатель что-нибудь существенное, кроме пустой деревни? А все равно теперь во все глаза смотри за дорогой, тем более у товарища Овчинникова вон какое захватывающее сообщение...

Захватывающее? Погодите минутку. Из-за палисадника Дмитрий осмотрел широкую, уже привычную деревенскую улицу и еще раз горько погоревал: все тонуло в пепельно-сизой мятущейся мгле — избы, тополя, вязы, яблоневые сады — и где-то в самой глубине этой дымной пучины взметывались острые клинья оранжевого пламени, раскаленными воздушными токами в высокое небо уносились черные горелые листья дерев. Слышался обвальный, в треске и разбойном посвисте гул. Четко очерченным багровым кругом повисло и, кажется, остановилось солнце в горных высях. Погибали Зеленые Дворики.

За короткую паузу рядом, как по команде, оказались Спичев и Кучмин. Наскоро что-то дожевывали. Лицо у Спичева злющее, слово выговорить не может. И не надо никаких слов. Спичеву всеми средствами усилить наблюдение, Кучмину — в овраг, к Захарову. Готовность номер один.

Передохнул, обернулся к Овчинникову.

— Давай захватывающее.

— Ноги поотсохли, — пожаловался тот, опускаясь прямо на землю, спиной к штaketнику. — Впору в руках эти ноги таскай, холера бы их... Как понимаешь, рассвело, туман над хлябями подняло, тут в ящике, понимаешь, запищало, да... Костромин, путем не разобравшись, штоись за оружие схватился. Я цоп за трубку, а по проводу кто-то говорит натуральным мужицким голосом: «Алё, эй!» Я натурально говорю: «Алё!» Он сызнова: «Эй! Алё!»

Дмитрий, не отводя глаз от далекого юго-западного перевала, нетерпеливо отмахивается:

— Долго вы там алекали? Говори дело!

— А я чё говорю? Я и говорю: «Ково алёкаешь, ково надо?» Он обратно говорит: «Ты кто?» А я, грехи наши, позабыл про твою инструкцию, про этого Досаева, да как, значит, врежу ему, холере: «Пшел ты, говорю, в таки-то места! Ей-бо! Ну тожно допек его етим до самого пупка, да и возопил же он, штоись в трубке затрещало! «Кто ты, што ты, так и так! Я счас лично заявляюся, я те лично покажу, докажу, што

такое военное время до победного конца. Немедля передай трубку Тимофею Досаеву, как он лично мой подчиненный!» Тут я припомнил твой наказ, старшина. «Никак, говорю, невозможно, чтобы трубку названному Досаеву, потому проводу в загробное существование не хватит, а названный Досаев именно там обретается на сегодняшний день, и, слышно, пованивает». Тут он, понимаешь, пушше прежнего взвился, с голосу охрип, слюной, видно, изошел: «Явлюся! Повешу!» И смех, и грех с этим телефоном, никогда, слышь, не доводилось так занятно беседовать по проводам...

— И все?

— Ну, как все... Как уж совсем ладом рассвело и лесок немудрящий на болоте обрисовался, с него полезли самосильно штук, может, с двадцать. Поперли цепочкой, с шестами, с оружием, одежда гражданска. Оторопь взяла: завзятые ведь предатели и неуж допрут невинно к нашему берегу, дело-то, выходит, нешуточное. А в каком-то месте кэ-эк долбанет! Ди-ивно, слышь, метнуло на воздух какие-то ошметки, всяку грязь болотну. А как улеглось, успокоилось, так на том месте, не поверишь, как в первый день творения, штоись, голым-голо. Успели с Лехой заприметить, как последний из выползков на всех парах сматывался в лесок, аж пятками себе под зад поддавал. Ничего хитрого и обмараться, когда само болото на тебя опрокидывается.

Дослушал барнаульца вполуха, не оборачиваясь, чувствуя, как рядом нетерпеливо переступает на костыле Грачев. Наказал:

— Временно, дорогой, забудь про отсохшие ноги, представь временно, что они у тебя вполне исправны... Бегом на болото, прихватывай Костромина, бегом обратно...

— А если те выползки...

— Пускай выползают, духу хватит, болото еще не один раз на них опрокинется. Рысью, товарищ Овчинников, сейчас здесь наступит «последний noneшний денечек!»

Даже не услышал, как солдат спохватился с земли, как исчез где-то в сизом дыму пожарища. По молчаливой просьбе Грачев догадливо положил в руку Дмитрия свой бинокль.

Забежал со двора, вскарабкался на низенькую пыльную подизбицу, плечом высадил ветхую рамку слухового окошка. В такую минуту как не пожалеешь о безвременно догоравшем ветряке — наблюдательный был куда с добром. Но с подизбицы тоже не в пример лучше, чем с земли просматривалось все деревенское предполье.

Сколько же их и с чем они? Да нет, пока это никакой не батальон, человек, может, сто или чуть больше. Пешие. Но из-за перевала показываются до пяти машин — с грузом, что ли, — за машинами — мотоциклисты, а следом, точно как трофейный Агапкина, бронетранспортер! Механизированные, по графику, вышли позднее из пункта «А», теперь догнали пешеходов и, по графику, первыми будут в пункте «Б». Все аккуратно, грамотно. И, если подытожить? Ожидали — веселились, подсчитали — прослезилась. Высунулся в окошко, попросил:

— Николай Прохорович, подай голос Спичеву, Агапкину.

Бинокль у Грачева окончательно старенький, или его раздергала

любопытная остроглазая ребятня из добровольцев-дозорных, левый окуляр никак не настраивался, приходится довольствоваться одним правым. Та-ак, пешие продолжают методическое движение в походной колонне, машины почему-то остановились, но особой суеты вокруг них не заметно.

Костя встретил возбужденной скороговоркой:

— Пожаловали, заявились? Милости просим, провалиться бы вам! Слушаю, товарищ старшина...

— В овраг, Костя. Мотоциклистов к первому мостику не пускать пулеметом. Бронемашина первой полезет — не препятствовать, но если фугас не сработает...

— Сработает, — упрямо вставляет слово Агапкин.

— Если фугас не сработает, вводи Кучмина и полностью отвечаешь за бронейку — за все полностью. Двигай, Костя.

Дмитрий переглянулся с Грачевым, спросил, как у танкиста к настоящему времени с характером, а то накатил как раз тот час, когда с таким хитрым хозяйством необходимо дотошно разобраться...

— Да-а... — вздохнул Василий. — Какой есть, обойдется.

— Знаю. Твой сигнал прежний — ракета. Выскочишь порезвее за горелый ветряк... что от него осталось... твоё дело — живая цель. Запомни: ракета и ничего другого. Усвой, втолкуй это своему ангельскому характеру.

— Вдруг, старшина... ракеты не будет?

— Вдруг меня не будет? А глаза на что? Ты, Вася, наш козырь. Чумак с тобой? Шагай, Вася, извиняй, если что...

Дмитрий подумал вслух:

— С ума нейдет, Николай Прохорович, девчат надо бы отправить куда подальше: какое им теперь место здесь?

— По-всякому пробовал, а они? И в крик, и в слезы, и ни с места. Еще там подводу вчерашнюю подослали из леса, с двумя деваками, — тех прогнал, подводу оставил.

— Тебя тоже с большого ума впутал...

— Это оставь, не ко времени разговор... С какого конца, думаешь, начнут? Деревня горит и, по всем для них видимостям, пустая... Механику вперед двинут?

— Уже двинули, Николай Прохорович, — не опуская бинокля, подтвердил Дмитрий. — Пехота остановилась... Вот... это, комиссар, скучнее. Минометы... Да, минометы с машин тянут. Это скучнее.

— Тогда людей на запасные!

— Кроме Лукина с помощником, я — к ним. Всех остальных под гребенку на запасные. Вернется Овчинников с Костроминым — перехватишь.

— Сигнал?

— Связным.

— Не густо вас будет у пелемета — четверо? Одной могут накрыть.

— В любом другом месте могут, что ж теперь...

Рванулось время, в ушах от встречного зашумело.

— Не надо бы сейчас бегать, дразнить стервозу... — осуждающе

заметил Лукин, оглянувшись на прыгнувшего в свой окоп старшину. — Только-только успел обойти ребят, как ты наказывал, кто и артачил — все при автоматах, а за винтовки держатся... Но четыре десятка обойм наскреб, немного, да все ж...

Стороной, на запасные ползут Ананьев и Отконов. Барнаульца окликнул:

— Николай, заворачивай сюда. Связным останешься. С брюхом как, разобрался?

— Само очухалось, как дорога зашевелилась.

— На доброе здоровье. Делай, Коля, окопчик... Не высовывайся, лежа, вон у той межи. Копай, Коля!

Отконов споро принимается за извечную солдатскую работу и оттуда, с межи, кричит Лукину:

— Сань, ты не считал, сколько их?

— Опосля, — нехотя отзывается пулеметчик. — Мертвых.

Ничего не скажешь, быстро, сноровисто на той стороне управились с установкой минометов и почти неожиданно, без пристрелки ударили всей батареей. Разрывы легли у черных дымных останков ветряка, из которых упрямо, огромным пальцем торчал в небо обугленный центральный стояк. Второй залп прошелся вразброс по самой западной кромке жита, по пустым теперь окопчикам. Славно сработала грачевская догадка о второй запасной линии.

Через паузу третья стая мин ушла на горевшую деревню, и четвертая, и пятая — туда же. Щедро, черти бы их побрали, швыряются.

А четыре последних из этого захода, будто их гляделками оборудовали, почти накрыли район пулеметного гнезда. Близко, мгновенно прошелестело и мгновенно четырежды лопнуло вокруг: смертно взвизгнули, заунывно пропели осколки над головами и повтыкались в мягкую пашенную землю. Хотя чуть и не считается, но спина похолодела. Тоже чуть. Дмитрий потянулся, поковырял пальцем землю и встряхнул на ладони почти равнобедренный зазубренный треугольник — весу почти никакого, а теплый. За каких-нибудь полметра не нашел он своей цели.

Внимание, начиналось второе действие. Оставив далеко позади рассредоточенную пехоту, вперед резко выскочили шесть мотоциклов — вся видимая наличность — за ними, раскачиваясь по продольной оси, по-воловьи медленно тронулся бронетранспортер.

Вот теперь, Костя, дорогой веселый младший сержант, — теперь твоя с ребятами очередь, за вами ваше красноармейское слово, не моргайте...

Нет... Стоп-стоп, погодите!

Картина за гатью внезапно меняется. Шесть мотоциклов у самого изгиба дороги круто разъезжаются в стороны, а вперед выползает бронетранспортер, за бортами которого плечи, головы в плоских касках. Медленно, словно обнюхивая дорогу, машина взбирается на гать.

Стоп, в овраге стоп, Костя, помолчите секунду, не спугните.

До мостика десять... пять... три метра. Вот. Н-ну...

Ах, Вася Агапкин, тебе это зачтется за все прошлое и за все нынешнее.

Взрыв поднял бронированный тупорылый передок до того высоко, что, показалось, машина непременно опрокинется через корму. Не опрокинулась, но развернуло на все девяносто градусов, и она грузно, с железным всхлипом завалилась левым бортом в разверстую яму. Через борт брызнули автоматчики, кто-то опаматовался, пополз раскорякой на земляную дамбу.

— Старшина?! — зло, вопросительно кричит от пулемета Лукин.

Дмитрий отрицательно мотает головой. Не твоя очередь, Саня.

И прямо в ответ на их муки-мученические длинную басовитую строку прострочил невидимый овраг. И еще одну такую же настойчивую, а завершил успокоенно короткой, как точка, скороговоркой.

На гати, у машины самое малое шевеление, — только двое-трое пытаются еще укрыться за железным корпусом. Невредимые мотоциклисты, встряхиваясь на неровностях почвы, копошатся к своим, не разбирая дороги. Что ж это Захаров, Спичев мазанули, не пощипали их?

— Командир! — окликает в этот тихий промежуток Отконов. — Ле-ха Костромин от комиссара... Не пора им в дело?

Огрызнулся: без них знают, когда будет пора, пусть носа не высывают.

А сейчас закурить, сейчас всего-навсего одну-две затяжки, пока время терпит. Не завернул, а кое-как ужулькал в клочок бумаги щепоть крупного зеленого самосада, затянулся, и в глазах поплыло от горькой истомы.

Мотоциклисты допылили к пехоте, и в ту же минуту снова заговорили минометы — да в таком бешеном темпе, если не жуть, то зависть хоть кого за живое возьмет. В одноглазый бинокль видно, как отлаженно действует серо-зеленая солдатня на неприкрытой четырехствольной батарее, действует то по бывшему ветряку, то по передней кромке жита, то по крайним, пока уцелевшим подворьям. Не похоже, чтобы успели засечь позицию в овраге.

Пехота с кажущейся необязательностью разворачивается в длинную ломаную цепь по обеим сторонам дороги и начинает неспешное методическое движение вниз по скату. До нее пока ничем не достанешь, но у гати цепь должна будет поневоле свернуться, так что эта фронтальная демонстрация, прямо сказать, ни к чему.

Чуть не проморгал в наступавшей цепи пулеметы. Три, четыре. Больше. Против этих горлохватов хлебнешь горя, головы не дадут поднять.

Пехота заторопилась, зарысила трусцой, у лысой желтой кромки болота солдаты валяются кто где, взбрыкивая пятками. И какой огонь дали! Кажется, над всем видимым миром располосовали дымное небо: погустел, отяжелел воздух от железного визга. Под прикрытием этого неистового шквала десятка три солдат вырвались из цепи и сходу устремились на гать, к завалившейся бронированной машине.

Если эту группу встретит косым фланговым только один Захаров, весь автоматнo-пулеметный ливень немедленно падет в устье оврага, на головы трех. Нельзя так.

— Лукин!..

Пулеметчик даже не оглянулся, по тону понял старшину. Раз-раз — коротко-коротко, пристрелочно вдавил гашетки, откинул рыжую круглую голову; глаза-щелки, кисти рук побелели — он повел очередь длиною в бессчетные секунды. Действует ли так же Захаров, за ближним громом не слышно, но должен действовать, вон как прынули с дамбы гитлеровцы. Малая часть успела отпрыгнуть, залечь.

Но пулеметы у болотной кромки, холера бы взяла эти пулеметы!

— Отконов! Отконов?!

Не слышит, что ли, барнаулец.

И Лукин, оборвав речь, беспокойно спрашивает:

— Командир, не видел Поломошнова? Куда, к нечистому, подевался...

Не видел никакого Поломошнова, это обязанность командира расчета: знать, куда провалился помощник.

— Отконов! Ну, публика...

На одних локтях перебрался к скороспелому окопчику связного.

— Ты что, Коля?

Что мог ответить Коля Отконов, — не мог он ничего ответить. Умер спокойно, убитый прямым попаданием в голову, под обрез линиялой пилотки. Скрестил ладони, прижался к ним щекой и умер. Только глаза не успел закрыть. Первый в этом бою. Первый ли?

— Лукин!

— Слышу...

— Держи только гать! Не распространяйся — только гать! Я побыстрому к людям.

— Понял. Поломошнова там...

Лицо, глаза исхлестали хлебные стебли, пока ползком одолевал метров сто почти открытого пространства, дальше на четвереньках и, под конец, бегом, сколько в ногах скорости хватило. До запасных не добежал, всех, кроме Агапкина и Чумака, застал на минометной. Даже Вера здесь оказалась — этого еще не хватало. Жметесь в дальнем уголке капонира, прижав к себе какую-то кошелку. Мимолетно, почти виновато или, может, с облегчением улыбнулась, встретившись с холодным взглядом старшины.

Грачев, колдовавший у минометного прицела, облегченно распрямился.

— Мы тут локти изгрызли, командир. Хотел инициативу проявить, на самой малости сдержался.

Дмитрий принял из его пальцев «бычок», затянулся. Кто-то протянул зачехленную фляжку, — глотал тепловатую воду, с трудом оторвал губы от горлышка.

— Батарею наблюдаешь, Николай Прохорович?

— Злое место.

— Ударить бы, а? — с сомнением начал Дмитрий, но тут его взгляд нечаянно остановился на бледном треугольном лице таинственно запропавшего Поломошнова. У того глаза вильнули туда, сюда. Почти задохнувшись, кинулся за ящики, схватил бойца за брезентовый пояс, рванул к себе и никак не мог выговорить хотя бы одно слово.

— Ленту... Ленту я... — заикается Поломошнов, упирается ладонями в грудь старшины, слабо отпихивается. — Ленту набиваю из обойм... товарищ... Сейчас я. Сейчас...

— По-очему позицию оставил? Ты... — и опять задохнулся, опять слов не хватило, а руку, взнесенную над головой, перехватывает коммиссар. Он же закончил с обеспамятевшим Поломошновым отрывистой командой:

— К пулемету! Бегом!

Ноги не сдержали, присел на зарядный ящик и опять встретился взглядом с Верой.

— Вера, ты-то зачем?

Кивнула на свою кошелку.

— Поесть принесла, Дмитрий Егорович. Я не мешаю. В овраг мне можно, к ребятам, а то как они?..

В овраг? Это не то, с чего он начал разговор с Грачевым? Да.

— Стрельнуть бы, Николай Прохорович... На худой конец пугнуть, если не поразить. Может, замешкаются, посуетятся, а то обнаглели, прямо с открытого лупят. Откуда мина или две придут в такой заварухе не сразу разберутся. Как?

По-молодому прыгнув на месте, Грачев не ответил, а чуть не пропел неуставную команду:

— Ерофей! Григорий! При-иготовиться!.. — сам, неловко ширяя перед собой костью, полез через деревянные венцы на кирпичный бруствер. Дмитрий стал рядом с ним. Здесь даже пулеметный из-за борта почти не опасен.

Дубинин сдергивает надульный чехол. Оноприенко с треском откидывает крышку ящика, вынимает хвостатую мину с рыжим колпачком и так, в вытянутых руках, как кастрюлю с кипящей жидкостью, несет к ствольному зеву.

Опять Грачев не по-уставному командует:

— Опускай!

Оноприенко заносит стабилизатор за обрез ствола, раздергивает руки, отшатывается. Пошла! Но, показалось, что-то долго барахталась в верхней точке траектории и, наконец, дымно шлепнулась — зубы от напряжения заныли — далеко за вражеской батареей, случайно, правда, вблизи какой-то группки в пять-шесть человек. Уж не командиры ли?..

Грачев что-то бормочет, сплевывает, скатывается к миномету, крутит винты и снова на бруствер.

— Опускай! Вторую! Третью!..

Теперь на вражеской батарее действительно засуетились, значит, лишним сейчас у миномета делать нечего.

Дмитрий прыгает в капонир, оглядывается: Веры нет — это хорошо. Ананьеву с Тарасовым забрать все диски и — в овраг, на помощь Захарову, Кучмину. Тарасову вернуться с сообщением младшего сержанта. Подумал, и к Овчинникову с Костроминым:

— Я добегу к старшему сержанту, а вы... улучите время, примите из окопа Колю Отконова.

Оба, как от близкого взрыва, подскочили и в один голос:

— Задело?

— Перевязали?

— Не перевязали... Убило Колю.

— Кольшу?!

— Потом займете ячейки поближе к дороге. Не высовывайтесь, ваше время настанет. Пойдет мимо старший сержант, прыгайте к нему на машину.

Перемолвились несколькими замечаниями с Грачевым, решили с минометом пока погодить, поберечь заряды на самый безвыходный случай — зарядов всего ничего. Вот если пехота снова кинется на гать, тогда, конечно, придется расходоваться.

— Ты опять, старшина, на станковый? Береги ты голову!

— Сказал, добегу к старшему сержанту, а там...

Глава 7

Пока перебегал к сараю, за которым укрылась машина Агапкина, снова мельком подумал о Вере: неужели ума набралась и все же ушла к Спичеву? С нее станется.

А Вера — вот она, стоит за углом, прижавшись грудью к щелястой дощатой стенке, лицо как от вспышки заслонила ладонями, плечи вздрагивают от близких взрывов. Тронул за локоть.

Сердито обернулась. Нет, не плачет, глаза сухие, в них бегучий лихорадочный свет. — сколько раз за сутки видел ее — она все какая-то неожиданная.

— Вера, я же утром просил...

Кивнула, и голос ровный, почти без всякого выражения. Тая Трусова ушла с теми, кто подводу привел из леса, а сама она куда пойдет?

— Куда я без вас?

— Отец мается, Софья Даниловна все глаза проглядела, у меня с ума нейдешь...

— Куда я без вас?

Так и запомнил ее сухие строгие глаза и в них, в синей глубине бегучий свет — отблеск пожарища да одиноко угасавшего на западе солнца.

Неужели и день кончается?

— Долго нам куковать по зауглам? — чуть не криком встретил Василий Агапкин, издерганный нетерпением, бездельем.

Дмитрий прислонился к шершавой стенке машины и, закрыв глаза, с минуту отдыхал. Отдыхал и слушал.

У Спичева в работу включился Ананьев со своим безотказным «дегтяревым», ему короткой очередью отозвался Лукин на станковом. Зря Лукин тратит дефицитные патроны.

Агапкин места себе не находит, Владимир Чумак согнулся за бортом в три погибели и медленно, как заведенный, раскачивает головой.

— Ты что, Володя?

— Страшновато, командир, от безделья.

От безделья в бою всегда страшно, от этого никуда не денешься. Вспрянул от короткого, такого необязательного сейчас роздыха:

— Я на свое место, ребята, к Лукину. Следите за мной: ракетой скоманую. Прихватите у поскотины барнаульцев и по-злomu, по-бешеному — к дамбе. Огонь по живой силе изо всего наличного! Огонь! И отскочите назад, не подставляйте себя под прицельный. Вася, ты понял?

— А потом?

— Потом... соображайте...

Нехорошо было у Лукина, так нехорошо, что последние десятки метров бежал не таясь, в открытую.

Станковый вышвырнуло со стола, опрокинуло — до того близко пришелся взрыв. Поломошнов бессильно запрокинулся через край окопа, лицо бесцветное, тусклое, помер, видно, сразу, без мук. Сам Лукин на дне гнезда, спиной к сыпучей стенке, дышит медленно, через болькие всхлипы. Не открывая тяжелых набухших век, почувствовал рядом старшину, беспокойно перекинул крупную голову от плеча к плечу, разжал губы:

— Тошно, Дима... отвоевал.

Попробовал приподнять его, переложить удобнее.

— Куда тебя, Сань? Погоди, перевяжу...

— А... Не мешай, Дима. Я... сейчас.

И с последним словом перестал дышать.

Если бы он мог, все равно потом не припомнил бы, в какое время его самого ударило в ноги, в спину — пытался ли он в ту минуту поставить пулемет на земляной стол, тянулся ли к железной коробке за последней лентой.

Боль обожгла, обрушилась на него секундой после, но он еще успел за сизой дымкой увидеть взорванную вражескую машину, заметил, что серые солдаты снова толпой бегут на земляную дамбу, он изо всех сил подтягивался к близкой куцей ракетнице, но успел ли выстрелить, просигналить старшему сержанту — этого уже не осознал.

Боль вселенская, все высверливающая, полыхнула по всему телу, заболела, заныла сама земля под ним, даже шершавая рукоятка ракетницы калеными иглами ожгла ладонь.

— Убило меня... — подумалось отстраненно.

* * *

...И без ракеты, без всякого другого знака Василий Агапкин уразумел, что пришло его время, звоном зазвенела в каждом мускуле его минута. Гитлеровцы все нахальнее накапливались за своим поврежденным бронетранспортером, а Лукин на станковом замолчал; ребята Спичева в овраге огрызались короткими сбивчивыми очередями, и неизвестно, по какой причине над позицией миномета вдруг взбугрилось рыжее рваное пламя и с той стороны по-шалальному качнуло дымный стоялый воздух.

Двигатель прокашлялся, взревел. Василий обернулся к Чумаку:
— Готов?!

Повалив переднюю стенку сарая, страхнув с бортов соломенную маскировку, машина выскочила через полынную пустошь к хлебам, на дорогу. Тут, у околицы, к ней метнулись Овчинников, Костромин, что-то закричали, замахали оружием, кое-как попадали на гудящее железное днище.

— Кочегарь, сержант, в свет, в копеечку!..

Оттого ли, что появление низвергавшейся по скату машины случилось так внезапно да была она по всем статьям чистой копией, двойником той, которая горбилась поперек гати, или что двигалась на такой отчаянной скорости и без единого выстрела, — что-то из всего этого попало за болотом гитлеровцев, огонь с их стороны как обрезало, а несколько десятков солдат даже вскочили на ноги и оголтело, приветственно вздели над головами оружие.

Чуть не ткнувшись передком в заминированный мосток, машина, словно вздернутая на удилах, намертво вросла в землю и, пыхнув горелым газом, полоснула из четырех стволов по пулеметным точкам, потом, длинно, захлебываясь огнем, по шарahnувшейся в поле пехоте.

* * *

Смеркалось. Молчаливо догорали Зеленые Дворики, все ниже опускалось и оплывало багровыми космами небо над ними.

От западных, не тронутых огнем подворий, из опаленных яблоневых садов в приглушенном шуме шагов, в частом дыхании отделились одна и другая солдатские цепи. Первая залегла, растворилась в полуразрушенных окопчиках, на бровке ржаного поля, вторая — по чьему-то знаку разделилась на двое, чтобы сосредоточиться на дальних флангах.

Когда все до последнего шороха замерло, из-за палисадника крайней избы так же бесшумно появились трое. Первым остановился высокий военный в мятой фуражке, в командирских ремнях. Лицо командира длинное, с тонкогубым жестким ртом, под крутыми шишковатыми надбровьями маленькие острые глаза. И голос у него оказался неуютным, скрипучим, когда он обратился к одному из спутников:

— Докладывайте.

На шаг молодцевато выдвинулся среднего роста лейтенант, с лицом характерного монгольского очерка. Браво кинул ладонь к виску.

— Сведения подтверждаются, товарищ майор.

— Яснее, лейтенант, какие сведения, как подтверждаются?

— Здесь бой приняли до двадцати красноармейцев. У взорванного миномета обнаружено трое, из них один старший лейтенант, без ноги.

— При взрыве пострадал?

— Нет, это давнее, при нем обломок костыля...

— Что-о? Вы понимаете, о чем говорите?

— Так точно, товарищ майор. Это должно быть и есть председа-

тель местного хозяйства, о котором сообщали колхозники в лесном лагере...

— Дальше.

— Никого из живых, товарищ майор, пока не обнаружено.

Майор молча, нескладно глянул через плечо на лейтенанта.

— Кричат оттуда, товарищ майор... Голос женский, товарищ майор. Кричит: «Не подходи! Стреляю!» И больше никакого слова. «Не подходи! Стреляю!»

Маленький человек в солдатском возник из дымной вечерней мглы совсем рядом. Простоволосая голова строго приподнята, ремень через шею и на нем, как на повязке, правая рука. Под локтем левой — винтовка, а кисть руки глубоко в брючном кармане. Увидел вблизи троих, отшатнулся, но не попятился, а только широко расставил слабо подрагивающие ноги. Спросил коротко, глухо:

— Кто?

— Свои, подходи, — живо отозвался лейтенант. — Свои...

— Стоять! — оборвал его такой же глухой окрик. — В кармане у меня граната, чеку я выдернул. Я младший сержант Красной Армии. Назовитесь!

Майор жестом остановил досадливое восклицание лейтенанта и скрипуче отозвался:

— Здесь командир части майор Глухов. Подходите, младший сержант. Вы ранены?

В сумерках по ту сторону болота, с чуть слышным хлопком вспыхнула голубоватая ракета, и, роняя огненные капли, недвижно повисла над притихшей землей.

Младший сержант с видимой неохотой сделал несколько шагов, остановился, словно одернув себя, а потом решился еще на один шаг, на другой. Запрокинув голову, всмотрелся в длинное лицо майора, вздохнул как спросонья и потащил руку из кармана.

Лейтенант подался к нему.

— Осторожнее!..

— Да нет... — покривился младший сержант. — Это я так... чека на месте. Правую мне тоже задело, пальцы обмерли.

Второй из спутников майора осторожно принял у него из-под руки винтовку и оглянулся на командира.

Тот нетерпеливо дернул плечом.

— Действуйте, военфельдшер! — и к раненому: — Сейчас сделают все, все сделают, потерпи, младший сержант...

— Спичев, товарищ майор.

— Потерпи, товарищ Спичев. Говорить не трудно?

— Теперь я говорить только и могу...

Внезапно неостановимая дрожь потрясла маленькое тело Кости Спичева, он неумело, невидяще ткнулся лицом в грудь майора Глухова, заговорил, глотая звуки:

— Ре-е-бят... Сгибли ка-кие ребята... Ре-е-бят!..

Майор опустил ладонь на его неприкрытую горячую голову, согласно обронил:

— Поплачь, солдат. Это ничего... поплачь.

А когда Спичев чуть унял дрожь в плечах, осторожно спросил:

— А что за женщина сейчас у пулемета, сержант?

— Женщина? — недоверчиво переспросил Спичев. — Какая женщина, товарищ майор?

— Не подпускает, стрелять грозитяся...

— Женщина... Товарищ майор! — если бы мог, Костя, наверное, ударил бы сейчас себя ладонью по лбу, а так только дернул головой. — Товарищ майор, если кричит, что выстрелит — это Вера! Она может, Вера это Грачева, дочка нашего комиссара!

— Окликните.

— Вера!.. Ты здесь?

Что-то с шумом обвалилось в глубине деревенского пожарища, бесчисленными змейками взмыли жаркие костры, поднялись к небу и там остыли, погасли. Под ногами шуршали, пощелкивали, ломаясь, хлебные стебли. Молчала Вера.

— Вера, это я, Костя Спичев! Вера, ты здесь?

Только теперь голос Веры отозвался недоверчивым вскриком:

— Костя?!

— Я, я это, Вера!

— Костя, тише... Тут чужие ходят!

— Свои, Вера, свои! Красная Армия, Вера!

— Армия... — неуверенно повторила девушка и спохватилась: — Костя, я ничего не могу поделать... Тут Дима!

Спичеву помогли опуститься в окоп, за ним прыгнул военфельдшер. Вера заговорила там, заторопилась, всхлипывая, замолкая.

— Осторожнее вы, тише вы!.. В ноги его, в спину, больше не знаю... Перевязала. Слушаю, слушаю и не слышу — дышит ли?

Голос Спичева:

— Вера, на миномете была?

— Папку... Всех там, Костя, — папку, Гришу, Ерофея... Я прибрала их.

Майор сказал лейтенанту:

— Всех поднять. Всех вынести. Вы меня поняли? Всех!

Он обернулся к окопу.

— Что там?

Показались голова, плечи военфельдшера.

— Перевязан. Кровью не изошел бы... Пульс не прощупывается, товарищ майор. А так... теплый еще...

Голос майора заскрежетал совсем по-железному, оборвал военфельдшера:

— Я спрашиваю: живой?

Ни военфельдшер, ни Костя с Верой не могли видеть в ту минуту нескладное длинное лицо майора, не могли приметить, как он открытым ртом вобрал в себя горьковатый полынный воздух, как сделал трудное глотательное движение и сильно растер ладонью впалую грудь, где и у солдат положенный ему век бьется, а если и невмоготу — болит сердце.

Иван Полунин

Отгарцевал над полем ливень.
В провалах туч — голубизна,
Как дума пахаря о ниве,
Как жизни нашей новизна.
Моя проселочная тропка,
Ты не минуешь большака!
Гляжу мечтательно и робко
В ту даль, неясную пока.
Что ждет меня за этим лесом,
Где распростерлись корпуса?
Но не раздвинется завеса
Передо мной на полчаса.
И не раздвинется, хотя бы
На миг, возникший, как вопрос:
Не окажусь ли в мире слабым
Среди распутицы и гроз?

К тебе, земля, иду с поклоном:
В твоих пластах
И в глубях рек
Осталось двадцать миллионов...
А кто подсчитывал калек?
Калек, что посохам ведомы,
И тех, без имени пока,
Входивших в мир
Из стен роддома
Под нервный шок материка...
Они восприняли острей,
Чем взрослые,
Свирепость стали.
Все с молоком в себя впитали:
И гнев, и ужас матерей.
Моим ровесником замечен
Закон природы — не из книг,
Что хрупким саженцам
Под смерчем
Трудней родителей своих...

В тридцатый раз хлеба созрели.
И благосклонную зарю
Не омрачает свист метели,
Знакомой даже сентябрю.

Дымят костры на огородах:
То жгут ботву в тридцатый раз.
Осенний день ушел на отдых
И проводил на отдых нас.

В округе тихо и просторно...
Пойму ли я на склоне лет:
Откуда прорастают зерна
Людской вражды и черных бед?

Мне слишком дороги вот эти
Приметы русского села,
Где все когда-то на рассвете
Сгорело вмиг... почти дотла.

А нынче? Мирный дым над полем.
И для тревоги нет причин,
Но я былым настолько болен,
Что вряд ли буду излечим...

Небо хлопьями бьется в ставни,
Устлая земную твердь.
Неужели восторг недавний
Не смогу испытать я впредь?
Понимаю, что время — не поезд:
И стоп-кран не сорвать на ходу.
Неужели, душой успокоясь,
В этот мир я опять не приду?
Все мне кажется — выдумка чья-та:
Будто вздох оборву на бегу...
Я ведь только вчера отпечатал
Первый шаг на февральском снегу.

ПРОБЛЕМА?

ДА, ПРОБЛЕМА

А. Сосимович

НЕ ОДНОВА ЖИВЕМ!

«...Не только мы, но и последующие поколения должны иметь возможность пользоваться всеми благами, которые дает прекрасная природа нашей Родины».

(Из Отчетного доклада ЦК КПСС XXIV съезду партии).

Совсем недавно в научный оборот вошло новое слово — биоэкономика. За этим словом нельзя не видеть подтверждения того факта, что природные и экономические процессы в наше время протекают не изолированно. Они тесно взаимодействуют между собою. Состояние окружающей среды все больше и больше определяет темпы роста промышленного и сельскохозяйственного производства и наоборот: взаимозависимость между состоянием окружающей среды и развитием производительных сил в современных условиях заметна повсеместно, а в Кузбассе — особенно.

Кузбасс известен сейчас как край черной и цветной металлургии, угля, химии и высокопроизводительного сельского хозяйства. И в дальнейшем Кемеровской области отводится одна из главнейших ролей в поставках технологического топлива, черных и цветных металлов, рудного и нерудного сырья, химической продукции. Это и понятно: подземные кладовые земли Кузнецкой так богаты, что на долгие годы в состоянии

обеспечить развитие этих отраслей хозяйства.

Большие возможности у колхозов и совхозов области: черноземы Кузнецкой котловины и серые лесные почвы подтаежной зоны могут давать устойчивые и высокие урожаи.

Но в процессе бурного роста промышленного производства вольно или невольно наносится большой вред природе. В последние годы естественные природные ландшафты тайги и лесостепи Кемеровской области неузнаваемо изменились. Черные терриконы шахт, безжизненные серые горы отвалов угольных и песчано-гравийных карьеров, громадные пустыри на месте пихтовых и кедровых лесов стали обычным явлением.

Если в 1969 году под угольные карьеры было передано около 15 тысяч гектаров земли, в том числе 10 тысяч гектаров пашни, то к 1975 году потери природных богатств резко возросли: ежегодно комбинат Кемеровоуголь уничтожает более тысячи гектаров пашни, сенокосов и лесов. К концу нынешнего года, по прогнозам ученых, открытые разработки угля «съедят» 24 тысячи гектаров сельскохозяйственных угодий и леса.

А сколько сотен гектаров плодородных земель выпало из сельскохозяйственного и лесного пользования в результате деятельности предприятий строительной индустрии! В Новокузнецке, к примеру, только Абагуро-Атамановский песчано-гравийный карьер занимает площадь более 300 гектаров. В области таких карьеров несколько десятков. А если к этому добавить 50 тысяч гектаров земли, нарушенной подземными разработками угольных месторождений, то станет ясно, какой ущерб нанесен природе Кузбасса.

Быстро, слишком быстро, сокращаются и площади, занимаемые лесом, особенно в центральной и северной частях области. Ежегодно вырубается 50—60 тысяч гектаров леса. Три четверти древесины заготавливаются методом сплошной и условно-сплошной рубки (по сути дела различие между ними небольшое). Там, где проходят лесозаготовители, образуется пустырь.

Леспромхозы области каждый год допускают перерубы расчетной лесосеки в лесостепи и в равнинной части черневой тайги в полтора-два раза. При этом, как правило, страдают хвойные леса — основные хранители и накопители влаги. Главное богатство наших лесов — пихта — оказалась на грани уничтожения. Мне могут возражать, что нельзя так мрачно смотреть на положение вещей. В Кузбассе сейчас, по

подсчета лесоводов, запасы спелой и порежистой пихты, которую надо рубить, составляют 170 миллионов кубометров. Это на десятки лет работы леспромхозам. Все равно. Только нельзя забывать о другой стороне вопроса — эти запасы находятся в основном в труднодоступных горных районах. Попробуй возьми их! В более удобных местах, вблизи городов и поселков Горной Шории, Марининской и Барзаской тайги, пихтовые массивы в основном вырублены, а на освободившихся местах поднимаются осинники.

Биология пихты до сих пор плохо изучена, лесхозы не научились ее по-настоящему выращивать в питомниках, а в естественных условиях она растет только под покровом леса, значит, появилась реальная опасность полного уничтожения пихты в Кузбассе. А ведь это уникальное дерево. Только оно дает знаменитое пихтовое масло, из которого делают канифоль и многое другое. Без продуктов, получаемых из пихтового масла, нельзя не только скрипку настроить, но и собрать систему управления космическим кораблем.

Бурный рост открытой добычи угля и нерудных материалов, строительство шахт и рудников по добыче железной руды, увеличивающиеся объемы лесозаготовок привели не только к нарушениям естественного ландшафта, но и, как говорят, аукнулись более серьезными последствиями: иссушением почв на больших территориях, водной и ветровой эрозией, обмелением малых рек и главной водной артерии Кузбасса — реки Томи. А это, в свою очередь, сказалось отрицательно на снабжении промышленных предприятий, городов и сельской местности технологической и питьевой водой. Не случайно, несколько лет назад в Новосибирске, на научной конференции, посвященной проблемам развития производительных сил Сибири, в полный голос говорили о том, что в Кузбассе дальнейший рост промышленного производства (особенно строительство новых предприятий) будет зависеть от решения основного вопроса: где взять воду? И конечно же, не случайно, принято решение о строительстве гидроузла на Томи. При этом учитывалась не нужда Кузбасса в электроэнергии, а нехватка чистой питьевой воды, необходимость за счет водохранилища регулировать сток реки, сделать его постоянным.

Интенсификация и рост промышленного производства в Кемеровской области, как и во всей стране, — процесс закономерный, необратимый. Сейчас одной из главных становится проблема уменьшения отрицательного воздействия индустриализации на

природу, рекультивации площадей, нарушенных горными разработками, более строго лесовосстановления.

Решение ее — веление времени, которое нашло свое отражение в «Земельном кодексе РСФСР». В нем четко и ясно определено, что «предприятия, организации, учреждения, разрабатывающие месторождения полезных ископаемых открытым или подземным способом, проводящие геологические, строительные или иные работы на предоставленных им во временное пользование сельскохозяйственных землях или лесных угодьях, обязаны за свой счет приводить эти земельные участки в состояние, пригодное для использования в сельском, лесном или рыбном хозяйстве».

Как же выполняется требование этого закона в Кемеровской области?

Несколько лет назад комбинат Кемеровоуголь впервые приступил к восстановлению земель. На Грамотинском, Моховском и Байдаевском разрезах были созданы участки рекультивации. Они взяли под контроль отвалы на площади 103,5 гектара, затем на 54 гектарах была проведена горнотехническая рекультивация и на 220 гектарах — культурно-технические работы. Руководители комбината создали специальное управление по рекультивации земель. Ежегодно оно должно выполнять довольно солидный объем планировочных работ: снять и заскандировать плодородный слой, необходимый для последующей рекультивации, с 500 гектаров, провести на большой площади культурно-технические и мелиоративные мероприятия. Горняки намерены осушать по 300—400 гектаров заболоченных земель и передавать их колхозам и совхозам в порядке компенсации за земли, изъятые из сельскохозяйственного оборота.

Есть в области опыт использования отработанных поверхностей угольных шахт и карьеров для лесонасаждений. Новокузнецкий лесхоз, например, за последние десять лет на частично спланированных отвалах карьеров и внутри горных отвалов шахт посадил около 2000 гектаров лесных культур. Всего же в области лесопосадки на отвалах занимают более 3000 гектаров.

Заметно усилились лесовосстановительные работы. По данным областного управления лесного хозяйства, в Кузбассе сейчас ликвидирован разрыв между рубкой и лесовосстановлением. С 1964 года по 1973 год площадь лесов увеличилась почти на триста тысяч гектаров, за десять лет лес вырублен на 417 тысячах, а восстановлен на 426 тысячах гектаров. Хорошо? Несомненно. За последние годы вокруг ряда

крупных городов созданы целые лесные дачи: Красулинская—1250 гектаров, Терентьевская—150 гектаров, Сосновый парк в г. Ленинске-Кузнецком занимает площадь 300 гектаров.

Но, как известно, одна ласточка не делает весны. Судите сами, за последние тридцать лет вырублено около двух миллионов гектаров леса (если не больше), а восстановлено менее половины. Не следует забывать, что посаженные даже тридцать лет назад ель или сосна достигнут зрелости как минимум еще через 50—70 лет. А пока тридцатилетние посадки — не лес, а подлесок, за которым ухаживать надо долгие годы.

С сожалением приходится констатировать, что «Земельный кодекс РСФСР», регламентирующий порядок использования и восстановления земель, отведенных для промышленного и гражданского строительства и под лесоразработки, систематически нарушается. Тот же комбинат Кемеровоуголь, который стал пионером рекультивации в области, восстанавливает за год всего 100—200 гектаров угодий, а разрушает в несколько раз больше. Большинство угольных и гравийно-песчаных карьеров рекультивационных работ не ведут, хотя они и включаются им в план. Они предпочитают регулярно платить штрафы, но не заниматься рекультивацией. И происходит это не столько из-за нерадения хозяйственников, сколько из-за того, что эти планы не имеют прочного материального фундамента. Помню, как на Кедровском разрезе на мой вопрос о том, почему не выполняется план по восстановлению земель, начальник смены иронически улыбнулся и ответил:

— Все объясняется просто. Если я сниму экскаваторы, бульдозеры и самосвалы с основных работ и брошу их на рекультивацию — не выполню плана по добыче и вскрыше. За это с меня голову снимут. А если же не приведу в порядок пару гектаров отвалов, то за это в худшем случае отделаюсь выговором.

Так думают и поступают не только на Кедровском разрезе. Даже там, где созданы специальные участки, нет ни нужной техники, ни специалистов по рекультивации. И вот к чему это приводит. В 1971 году в Крапивинском районе комбинат Кемеровоуголь провел культурно-технические работы на 220 гектарах по принципу «как бог на душу положил». В результате спланированные участки отвалов оказались непригодными для дальнейшей рекультивации: на них нельзя ни травы посеять, ни лес посадить.

Следовательно, мало одного желания и денежных средств, чтобы всерьез вести восстановление земель. Необходимо выделить предприятиям специальную технику для этого, нужны специалисты, знающие основы горнотехнической рекультивации. А их нет ни у горняков, ни у строителей.

Оставляют желать лучшего и темпы лесовосстановительных работ, хотя, как уже говорилось, и ликвидирован разрыв между рубками и посадками леса. До сих пор лесозаготовители и палец о палец не ударили, чтобы восполнить ущерб, наносимый лесам Кузбасса. Они переложили эти заботы на плечи работников лесного хозяйства. Например, комбинат Южкузбасслес за многие годы не посадил на вырубках ни одного прутика, а вырубил десятки тысяч гектаров самых ценных пород древесины — кедра и пихты. Если бы леспромыслы неукоснительно выполняли планы по лесопосадкам (они, кстати, самые минимальные), то на многих сотнях и тысячах гектаров старых вырубок уже давно бы шумели молодые леса.

Есть и еще одна сторона проблемы. В отчеты о лесовосстановительных работах, как правило, включается и так называемое действие естественному восстановлению. Что это значит?

Вот что по этому поводу говорит главный лесничий Новокузнецкого лесхоза кандидат наук Л. П. Баранник:

— В графу отчета о выполнении плана по лесовосстановлению у нас включаются все площади, по которым только прошлись тяжелым плугом и рассеяли семена деревьев. А вырастет ли после этого здесь лес — сказать трудно. Почему? Мы давно убедились, что в доброй половине случаев пустоши остаются пустошами, хотя в отчете они числятся залесенными. Дело в том, что юная поросль деревьев очень часто погибает.

— Но ведь по официальной статистике приживаемость лесопосадок составляет 80—90 процентов?

— Правильно. Только нельзя забывать, что приживаемость фиксируется два первых года после посадки, когда за саженцами ведется уход. По итогам двух лет и премии лесникам выплачиваются. А ведь не секрет, что многие лесопосадки, после прекращения ухода за ними, гибнут.

Мне не раз приходилось видеть старые вырубки и гари, которые числились засаженными кедром, сосной или елью, а на деле представляли собою пустоши, заросшие буйным разнотравьем, мелким осинником. И случается такое из-за нехватки рабочих рук. Будь побольше людей, тогда

уход за посадками можно бы вести не два года, а, скажем, 5—7 лет, до тех пор, пока молодая поросль не окрепнет.

Но главное, пожалуй, не только и не столько в нехватке рабочих рук, а в том, что лесхозы, которые призваны сохранять и приумножать лесные богатства (именно в этом состоит их основная задача), все больше и больше превращаются в лесозаготовителей. Их природоохранные функции отступают на второй план. Приведу некоторые факты.

Для начала — немного истории. Лесхозы в нашей области были созданы в 1947 году. И с первых дней существования при них были организованы так называемые утильцехи, которые должны были заниматься утилизацией отходов лесозаготовок. В этих цехах изготавливались метлы, черенки, гнали деготь и смолу, гнули дуги, полозья для саней и т. д. Утильцехи существовали на принципах хозрасчета.

Что и говорить, появление таких производств при лесхозах было делом нужным и своевременным. Во-первых, это способствовало более полному использованию того, что может дать лес. А во-вторых, это повышало возможность закрепления постоянных кадров. Работа в лесхозах носит сезонный характер, а тут можно было занять людей в течение всего года, да и технику можно было использовать более полно.

Со временем утильцехи переросли в цехи ширпотреба, а затем в промышленно-производственные участки, которые сдвинули на второй план основное, лесохозяйственное, направление работы лесхозов.

Новокузнецкий опытно-показательный лесхоз — один из лучших в области. По плану на 1975 год по лесному хозяйству (а сюда входит и посадка леса, и уход за молодым, и выращивание посадочного материала...) нужно освоить 196,8 тысячи рублей, а по промышленно-производственной деятельности (рубка и вывозка леса, изготовление пиломатериалов и тарной доски, производство пихтового масла...) необходимо реализовать продукции на 813 тысяч рублей. Эти цифры красноречиво показывают явный крен в сторону рубки, а не охраны и восстановления леса. При таком соотношении работ руководителям лесхоза некогда по-настоящему думать о природоохранной деятельности, дай бог с планом реализации справиться.

Вся система планирования хозрасчетной (т. е. лесозаготовительной) деятельности, особенно после недавнего перехода лесхозов на работу по новой системе планирования и экономического стимулирования, способствует росту этой диспропорции. Хоз-

расчет стал тем самым джином, который вырвался из бутылки и растет час от часу, не подчиняясь тому, кто открыл эту бутылку. В итоге он растет ежегодно на 7—10 процентов по плану, а фактически — на 10—15 процентов. В то же время лесохозяйственные работы, финансируемые за счет средств бюджета, увеличиваются незначительно. Если в 1971 году на эти цели тому же Новокузнецкому лесхозу отпущено 192 тысячи рублей, то нынче только на 4,8 тысячи больше. А вот реализация продукции от переработки леса выросла с 531 тысячи рублей в 1971 году до 813 тысяч в нынешнем. И еще один пример. В 1964 году лесхозы Кузбасса дали в порядке хозрасчета товарной продукции на 1 миллион 354 тысячи рублей, а в 1973 году — уже на 13 миллионов 634 тысячи рублей. В десять раз больше!

Эти примеры, как мне кажется, очень ярко подтверждают вывод о том, что лесоводы не становятся, а уже фактически стали лесозаготовителями и переработчиками древесины.

Мало того, их за это не только не критикуют, а стараются поощрять всемерно. И морально, и материально — в особенности.

Если за выполнение плана рубки и переработки леса размер премий не ограничен (он зависит только от величины премиальных фондов, а они будут тем больше, чем лучше поработает в этом направлении коллектив лесхоза или лесничества), то за посадки и охрану леса, рубки ухода максимально возможная сумма премии ограничена в 3,2 должностных оклада в год. При этом существует столько разных оговорок и условий, что легче верблюда в игольное ушко пролезть, чем получить такую премию.

Вольно или невольно, люди предпочитают делать то, что лучше оплачивается, что доставляет меньше хлопот. Вот что говорил в начале нынешнего года лесничий Апанасовского лесничества Леонид Михайлович Полосухин журналистам:

— Я только что сдал годового отчет. План выпуска товаров ширпотреба наше лесничество перевыполнило. Будут, наверное, премии. Но у меня этот успех вызывает двойственное чувство. Мы, работники лесной охраны, вынуждены больше заниматься производственной деятельностью, чем своими прямыми обязанностями. На нас «давит» хозрасчет. Не остается сил и времени на охрану леса. Когда лесничим работал мой отец, он твердо знал свое дело: исключительно посадка леса, охрана, сбор семян.

Лесовод, который в течение всего года постоянно и больше всего занимается лесо-

заготовками, с которого каждодневно спрашивают со всей строгостью за валку, вывозку, лесопиление, за изготовление и реализацию продукции, в конце концов становится лесорубом. Если хотите, он, как специалист, стоящий на страже сохранения природных богатств, морально разоружается, у него вырабатывается новый стереотип поведения и мышления — стереотип лесозаготовителя. В силу обстоятельств он теряет моральное право на строгий контроль за соблюдением правил лесопользования и лесозаготовок, которые ведут леспромхозы, колхозы и совхозы. Ведь не секрет, что и в деланках, где заготавливают древесину лесхозы, нарушений не меньше, чем у главных лесозаготовителей: интересы выполнения плана любой ценой толкают их на это. И каждый, кого лесхоз попытается «приструнить» за безобразия, в этом случае вправе спросить его «а сам-то ты каков?..» Не потому ли в последние годы в графах годовых отчетов так мала сумма средств, полученных лесхозами от предприятий, нарушивших правила заготовки и вывозки леса?

Работники лесхозов правильно говорят о том, что ни водная, ни рыбная, ни охотничья инспекции не имеют плана вылова рыбы, отстрела дичи, а лесхозы, т. е. лесная инспекция ежегодно заготавливает сотни тысяч кубометров леса (имеется в виду только Кемеровская область, в целом же по стране лесники заготавливают миллион «кубиков»). Парадокс, не правда ли?

Я вовсе не сторонник полной ликвидации цехов ширпотреба, которые существуют при лесхозах. Они, безусловно, нужны. Благодаря хозрасчетной деятельности лесхозы получили достаточное количество техники, в них создаются постоянные кадры рабочих. Но беда в том, что все это, как показывает практика, используется, главным образом, только на производство товарной продукции, а лесохозяйственные работы здесь второстепенны.

Так хозрасчет, погоня за планом и прибылями превратили лесхозы в мелкие лесопромышленные предприятия типа ранее существовавших промартелей. Изготовление большого количества пиломатериалов, тарной доски, клепки, дегтя, пихтового масла, которыми занимались промартели, почти полностью перешло к ним.

Нельзя сказать, что работников лесного хозяйства, с которыми мне приходилось встречаться, не волнует создавшееся положение. Пожалуй, никто больше их не беспокоит о судьбе лесов Кузбасса, никто не предлагает столько путей для решения проблемы.

Главная задача, по мнению большинства из них, — привести в соответствие с требованиями жизни объем природоохранных и промышленно-производственных работ. Можно при этом пойти по пути выделения хозрасчетных цехов и производств в рамках существующих лесхозов, но это, видимо, не решит вопроса, так как и в этом случае основное внимание будет все равно отдаваться тому участку, который дает больше прибыли.

Более приемлемым кажется иной путь — путь выделения промышленного производства из лесного хозяйства и передача его лесной промышленности. В этом случае лесхозы будут заготавливать древесину только в порядке рубок ухода, строго в пределах расчетной лесосеки и перерабатывать ее, а также и отходы лесозаготовок. А заготовка леса и его переработка должны осуществляться предприятиями лесной промышленности.

Резон в этом предложении есть. Лесхозы из-за того, что не имеют специализации лесной промышленности, ведут заготовки древесины и используют технику безграмотно. И не мудрено. Лесники — только биологи-агрономы, но не инженеры и техники. Техника в лесхозах эксплуатируется на износ, низкий уровень технологии лесозаготовок компенсируется нарушениями правил рубок. И спросить-то с нарушителей некому: они сами себя и контролируют. А стремление к снижению себестоимости лесозаготовок приводит к необходимости рубить, где ближе, рубить только хвойный деловой лес, оставляя в тайге все остальное. Чтобы убедиться в правоте этого вывода, можно побывать в лесосеках Новокузнецкого, Тайгинского и Барзасского лесхозов, где лесники, вопреки закону и правилам, часто рубят лес на водоразделах и в пределах водоохранной зоны.

Выше уже говорилось, что основной ущерб лесам Кузбасса наносят открытые горные разработки по добыче угля и стройматериалов и лесная промышленность, которые хотя и обязаны заниматься рекультивацией земель и восстановлением лесов, но по-настоящему этого не делают по ряду причин объективного и субъективного порядка.

А почему бы эту работу не выполнять лесхозам на хоздоговорной основе? Допустим, угольный разрез или леспромхоз заключает договор с субподрядчиком-лесхозом на залесение горных выработок или вырубленных массивов. Тот выполняет эту работу и получает соответствующую плату. Правда, и сейчас лесхозы это могут делать, но им невыгодно производить лесопосад-

ки, так как все заработанные деньги идут на пополнение местного бюджета, а лесникам — ничего. Будь это иначе, то объем таких работ по некоторым лесхозам оказался бы не меньше (в денежном выражении), чем объем нынешних лесозаготовок.

Кроме того, лесхозы могли бы выступать в роли генподрядчиков у промышленных предприятий, городских и поселковых Советов депутатов трудящихся по созданию санитарно-защитных зон вокруг промышленных предприятий, городов и рабочих поселков.

Следует подумать всерьез о том, чтобы объединить госпромхозы с лесхозами, о совмещении охотничьей, рыбной и водной инспекций в одном органе. При этом госпромхозы и лесхозы, думается, очень хорошо могут дополнить друг друга и рационально станут использовать не только дары тайги, но и более умело организовать

воспроизводство и охрану леса и охотничьей фауны. Что же касается объединения инспекций, то, видимо, следует изучить опыт Эстонской ССР, где уже создано Министерство лесного хозяйства и охраны природы.

Кроме того, настало время повсеместно запретить сплошные рубки, перейти на более прогрессивную технологию заготовок — постепенную и узко-лесосечную рубки с последующим восстановлением леса на вырубаемых площадях. И, само собой разумеется, ликвидировать перерубы по хвойным породам в лесостепной зоне и равнинной части черневой тайги. Это позволит сохранить водоохранные, водорегулирующие, почвозащитные и климатологические свойства лесов Кузбасса, неповторимую красоту его природы. Ведь несмотря на то, что наши природные богатства велики и многообразны, они не неисчерпаемы.

Владимир Копылов

«ЧЕЛОВЕК ПРИХОДИТ К ЧЕЛОВЕКУ»

(О новой книге стихов И. Киселева)

Поэт назвал очередную книгу просто — «Человек приходит к человеку» (Кемеровское книжное издательство, 1975 г. Редактор Т. И. Махалова). Но уже в самом названии видится многообещающая заявка об основной теме сегодняшнего разговора поэта с читательской аудиторией. Посмотрим, с чем пришел И. Киселев к нам на этот раз.

Не забава,
Не прихоть,
Не поза —
Бесконечный с собою раздор:
Я художник.
Но я и береза.
Я береза.
Но я и топор...

Это из первого раздела книги, озаглавленного «Несколько монологов на одну тему». Поэт заставляет нас задуматься о высокой нравственной ответственности человека в современном сложном мире.

Рассмотрим внимательнее монологи, говорясь, что их противоречивость, даже взаимоисключаемость — в хорошем смысле слова — диалектичны. Тут логика размышлений не становится путами для душевных переживаний. Снова природа в центре внимания поэта. Вновь беспокойство за ее судьбу. Однако сейчас И. Киселев обнажает глубокие взаимосвязи между творческой личностью и натурой, ведь его лирический герой — художник. И потому в размышлениях столь много сомнений. Идет трудный процесс поиска художественной истины. Ах, это чувство, когда ускользает образ и ты завидуешь тому, кому он все-таки удался!

Те березы дышали и жили.
Но скажу, ничего не тая:
Те — хорошие, только чужие,
Ну, а эта береза — моя.

Поэт считает: всякое искусство индивидуально. Надо искать свой предмет, свою тему, идти к ней через все трудности, сомнения. «Своя береза» у Киселева — образ обобщенный, в некоторой степени условный даже. Это становится ясно, когда в монолог врывается тревожная нота: «У знакомых полян над рекою я наткнулся на свежий пенек!»

Что береза? Подчас злая воля способна «пустить на дрова» нечто более хрупкое и ценное — душу человеческую. Поэтому автор пробует разобраться в причинах появления зла, ищет добрым чувствам надежную защиту.

Так во втором монологе («Говорит береза») с большим поэтическим смыслом рисуется образ незащищенной (и щедрой на отдачу) души. Может, нет никакого открытия в том, как поэт говорит, что значит береза для русского человека, но все равно свежо и впечатляюще звучат такие, например, строчки: «мои досточки голубели в дни веселья и в дни тоски от березовой колыбели до последней твоей доски». Или еще вот такие: «А когда под любовным хмелем отступили и стыд и страх, — не мою, не мою ли зелень ты увидел в ее глазах!» И, наконец, очень удачная, на мой взгляд, концовка монолога:

Я береза.
Я просто баба.
Пожалей меня,
Пожалей...

Надо обладать большим поэтическим чувством, что несомненно включает в себя и понятие чувства меры, чтобы слова «береза» и «баба», такие насквозь русские слова, поставленные в непривычной близости, — не коробили слуха. Вообще надо сказать, — поэзия И. Киселева имеет ценнейшие приметы подлинного искусства — целомудренность, чистоту взгляда просто кристальную.

Пожалуй, самым сильным надо считать третий монолог: «Говорит топор». Здесь автор дает негативную точку зрения:

Я — топор. Мое дело простое:
Если поднят — я должен упасть.

Зачем понадобилось И. Киселеву вот так, напрямую, излагать чуждые его поэтическому взгляду мысли? Мне видится его задача так. Немало на свете людей, способных отговориться, сослаться на обстоятельства, якобы заставляющие не мешать злу или насилую. Вспомните замечательные слова о равнодушных Бруно Ясенского: «Не бойтесь друзей, в худшем случае они могут предать. Не бойтесь врагов, которые могут вас убить. Бойтесь равнодушных. Они не убивают и не предают. Но с их молчаливого согласия происходят на земле убийства и предательства».

Поэт обнажает «корневую систему» равнодушия, безответственности. Топору, действительно, одинаково — возводить ли светлые Кижы или мрачный острог. Он бесстрастен — это слепое орудие. И вновь проходит в монологе рефреном: «Горевать и терзаться? Пустое! Не меня ненавидеть и клясть. Я — топор. Мое дело простое: Если поднят, я должен упасть». Топор, добавим еще, — это философия «винтиков», для которых повиноваться — естественное состояние, так как думать не надо и ответственности чувствовать им не дано.

Но как бы там ни было, не забудем, что поэт заявил: «Я — береза. Но я и топор...» Так, значит, прежде всего в себе он борется с негативными сторонами, к себе строже всего. Это самая честная основа, если человек требует от других проявления лучших свойств. Могут возразить, мол, сие положение издавна называлось юродством — представлять себя хуже, чем ты есть на деле. В этой связи хотелось бы для аргумента привлечь одно стихотворение из этого же сборника. Оно и называется «Юродивый». Не внешние детали образа «страдальца за людей» симпатичны поэту. Он восхищается силой духа, храбростью в стремлении, умением этого человека «молвить слово, которое превыше всех».

Пусть спорят о правомерности сравнения с юродивым поэта, но сказано об этом у Киселева убежденно и убедительно.

Косою тенью на эстраде
Возник стремительный поэт.
Он был прекрасен в эти миги,
Взлетали руки, как крыла,
Чужая боль — его вериги —
Ему дыханье обожгла.
И среди грохота любого,
Под гомон, выкрики и смех
Он мог такое молвить слово,
Которое превыше всех...

О жертвенности тут не может быть и речи. Не так же ли Пушкин определял назначение поэта? Пушкин, который и вывел в «Борисе Годунове» образ юродивого, один из светлых и правдивых, драматичных в русской литературе.

Однако вернемся к «Монологам». Читая их, будто слышишь бурный спор человека с человеком, человека с самим собой. Что же победит в душе, какое чувство возобладает? Или этот спор бесконечен и бесплоден?

Нет, все убежденнее у поэта будет звучать тема ответственности человека, способности его спасти мир.

Ты хозяин. Ты просто не вправе
Допустить его страшный удар.

«Его» — это об атомной опасности, по сути дела, о судьбе человечества. Так, начав разговор об ответственности, поэт не останавливается на решении локальной проблемы. Он ощущает в себе силы заботиться о всей Земле, о поколениях, на ней живущих и которым жить после нас. Цикл монологов завершается строфами «от автора». Именно в них — ключ к пониманию гражданственности сегодняшней поэзии И. Киселева. Лирический герой монологов как бы рос и мужал на глазах. Он не разучился со временем поэтично воспринимать мир («восходили прозрачно и немо души срубленных мною берез»), он стал задумываться чаще над вопросом — «как же мы восполняем потери, как же мы беремся от них?»

И вот ответ найден. Это ответ действием. Приведу финальные строфы полностью.

...Лет назад, может, семь, может,
восемь
Мы приехали в новый квартал.
Шла по городу ранняя осень.
Ветер пыльные струйки взметал.

И во всем этом новом квартале,
От угла до другого угла,
Никакие листья не шептали,
Никакая трава не росла.

А сегодня (пускай не в деревне,
Пусть я в том же квартале живу)
Выхожу из подъезда
В деревья,
В птичий щебет,
В густую траву.

Рядом клены лепечут знакомо,
Под ногой подорожник пророс,
И грустит у соседнего дома
Молчаливая стайка берез.

С доброй вестью деревья-подростки
К городскому пришли рубежу.
И задумался я о березке
Той, которую сам посажу.

Итак, прочитан новый цикл стихов из новой книги поэта. Он стал в творчестве Игоря Киселева заметным этапом. Я хочу еще раз подчеркнуть активность лирической позиции. Автору всегда были чужды формальные стихотворные построения. Строка его лирики нетороплива, раздумчива. И даже усиление публицистического тона происходит не за счет новомодной рифмы или звонкой метафоры, что так часты в современной поэзии. И. Киселев сознательно и безуспешно ищет простой, ясной формы выражения мыслей и чувств. Оттого и разговор с читателем получается задушевный, доверительный. Во вступлении к книге автор просит: «Подождите, присядьте, друзья! Начинается песня моя!» Именно песня, правильное определение. Она легка и естественна. Как песня птицы, как рост луговой ромашки, как мелодия дождевой струи. Не думаю, что даются поэту эти стихи запросто. Точность выражения, простота и естественность, конечно же, — результат строгого отбора слов, требовательного отношения к своей работе.

Это подтверждается и другими лучшими стихами сборника — «Ночная музыка в лесу», «Юродивый», «Не знаю, к несчастью ли, к счастью...», «Отзвенела пора листопада», «Есть у меня товарищи поэты» и некоторыми другими.

Не случайно в новой книге имеется несколько стихотворений-раздумий о поэзии, поэте, творчестве. Что такое истинный художник? — дознается поэт. Только ли талант и только ли опыт? Вопросы весьма существенные для лирического героя Киселева. Для автора признак настоящего

поэта — вечный ход его за совершенством в избранном роде искусства. Поэзия — «скорая помощь», «неотложная служба души», как утверждается в одном из стихотворений. Может, это сказано слишком лобово. Лучше сделано стихотворение «Юродивый», о котором упоминалось раньше. И этот микроцикл о назначении творчества усиливает, объединяясь с первым разделом сборника, авторскую мысль о моральной ответственности художника (да и любого человека) перед людьми, природой, обществом. Тема не новая у Игоря Киселева, но в этой книге она прозвучала впервые объемно, в полную силу голоса.

Есть в середине книжки стихотворение «Перевалы». Его можно прочесть и как сугубо любовную лирику, и как философскую вещь.

Говорят, перевал — это сорок,
Значит, наш перевал позади.

Лирический герой ни о чем прожитом не жалеет («было всякое — грозы и луны. Пел, смеялся, любил, горевал»), он считает себя и любимую по-своему юными и, выходит, их перевал не пройден, а еще впереди. Интересное стихотворение, мне кажется, оно объясняет как серьезность проблем, решаемых во всем сборнике, так и надежду, веру поэта в человека. Вот, пожалуй, еще один аргумент в пользу новой книги. Она написана зрелым человеком, не утратившим юношеской влюбленности в окружающий мир. Он понимает суть творческой природы («Жил художник среди нас», стихи, посвященные памяти новосибирского художника Константина Черных). Он способен также вникнуть и оценить творчество девочки, которая «коня рисует голубым карандашом» (стихотворение «Голубые кони»). Художник понимает художника, человек понимает человека. Не это ли главное? Не для того ли человек и должен приходить к человеку, чтобы понять друг друга?

Не на суд, не в солнечную Мекку,
Не искать спасенья к алтарю —
Человек приходит к человеку:
— Дай-ка я с тобой поговорю!

Казалось бы, как все просто? Но поэт, расширяя масштабы человеческих взаимоотношений, вынужден горько констатировать:

В прошлом, что ни века —
Пляшет дым и хижины горят.

Человек стреляет в человека
Вот уж столько долгих лет подряд.

Мир так хрупок!
В мире мира нету.
И заставы вдоль границ сильны.
Изо всей истории планеты
Наскребешь лет двадцать без войны.

Прежней лирике И. Киселева было присуще чувство острого беспокойства. Сегодняшняя обогатилась несомненно важной тенденцией — оптимизмом. Не благие пожелания в его основе, а гордое сознание правоты нашего народа, вот уже десятки лет дарящего мир миру.

Мы считаем, — тем мы и сильны, —
Ненормально, если свищут пули
И нормально, если нет войны!

И порукой в том
От века к веку, —
Создавая мирную зарю,
Человек приходит к человеку:
— Дай-ка я с тобой поговорю!..

Собственно, это стихотворение — ключ и флаг новой книжки — с полным правом можно назвать превосходным примером политической лирики. Отрадно, что поэт решает эту необычную для него тему, ничуть не изменяя своей изобразительной манере. Та же задушевность, искренность. Человечность. Такие творческие качества первичны, изначальны. И когда читаешь другие вещи сборника, скажем, «Музыка нашего детства», латвийскую поэму «Яблоко», то глубже понимаешь истоки лирики Игоря Киселева, для которого война была пережитой частью детства.

Музыка нашего детства,
Долгой и страшной войны,
Ты помогаешь взглянуть
В самое сердце страны.

Не без удовольствия встречаешь в книжке Игоря Киселева старых знакомцев — стихи пушкинского цикла и те, что публиковались в периодической печати, например, «Возьми, Записб, меня в ученики». Кроме них в сборник включено еще два

самостоятельных цикла. Один — «Стихи, написанные в алма-атинском зоопарке», другой — «Новогодние письма». Первый любопытен в книге лишь как «географическая вежа». Поэтических же открытий я здесь не нахожу. Ну, в самом деле, сколько раз рассказывалось о зверях и о птицах, запертых человеком в неволе. Идя проторенным путем, автор и строчки-то вдруг начинает слагать какие-то «обязательные» («нет, не все представляют до конца, в полной мере, как орлов оскорбляют (?) в неприкрытой вольере!»). Стихи грешат сентенциозностью («лучше клетка любая, чем бессильные крылья»), даже вычурностью («аз есмь волк! — присягаю тебе») и тому подобное.

Значительно больше нареканий заслуживают «Новогодние письма». Вместо ожидаемой любовно-пейзажной лирики читатель столкнется с чем-то вроде альбомных стихов. Много в них назидательности, этаким рифмованной многоумности, кажущейся многозначительности. А если быть строгим (как того требует поэзия зрелого автора), то как пройдешь мимо таких фраз — «Новый год, что вот-вот переступит порог, будет годом задумок и дерзких свершений», «новый год... пусть он будет удачливым, пусть!» В «письмах» поэту часто приходится повторять себя, к примеру, утверждая, что мир не прост, «в нем затишья и бури, в нем грозы и звезды». Должно быть, жажда тематического и жанрового разнообразия, редактор «пропустил» в сборник эти стихи.

...Ходит мнение, будто в последнее время спрос на поэзию упал. Стихотворные книжки-де залеживаются на полках. Издательства неохотно выпускают поэтические сборники.

Не знаю, как с товарно-экономической точки зрения! Среди поэтических выпусков Кемеровского издательства недавнего времени самое малое — три сборника лично мне представляются заметными явлениями. Имею в виду книжки журналиста Валерия Зубарева «Магнитное поле», геолога Александра Родионова «Начало поля» и профессионального литератора Игоря Киселева «Человек приходит к человеку». В их творчестве жизнь исследуется с разной степенью опытности, образная система поэтов неодинакова, но все они, скажем прямо, талантливы.

Борис Антонов

ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ

Настроенье, как погода!

Погода — лучше не придумаешь!

На небе, как говорится, ни облачка, и во всю его восточную половину — солнце.

Воздух... э-эх... чистый-пречистый! Век бы таким дышал!

Рука привычно потянулась к карману. Сигарет не было.

Вот те раз! Вчера в обед пачку брал, а сегодня... тью-тью... нету.

Звякнув медяками, свернул в магазин и напрямиком в отдел, где чеки не спрашивают.

У прилавка — двое. Обе женщины. Одна в белом чепчике с блестками, другая в шляпке. Стоят они друг против друга и разговаривают. Та, что в шляпке, вроде бы что-то просит у той, что в чепчике с блестками, а та, что в чепчике с блестками, вроде бы что-то не дает той, что в шляпке. Не удовлетворяет, в общем, спроса покупателя.

— Пожалуйста, побыстрее, — просит женщина в шляпке.

— Побыстрее на вокзале дают, — отвечает женщина в чепчике и добавляет: — там поезда, расписание...

— Но я прошу вас...

— Все просят...

— Я хочу...

— Все хотят...

— Почему вы грубите? — пытается уточнить женщина в шляпке.

— Кто грубит? Я грублю? — пытается уточнить женщина в чепчике и обращается к мужской общественности:

— Смотрите, люди добрые, какая наглость! Грушевый сироп ей не по нутру! Дома кипяток незаваренный хлещет, а тут апельсины ей подавай!

— Не апельсины, а сироп апельсиновый, — робко вставляет женщина в шляпке.

— Вот-вот, сама не знает, чего хочет... Носом дергает... Вишь очередь собрала! А люди спешат... (Очередь согласно загудела)... У каж-

дого головка болит... (О-ох!!!). Сочувствовать надо... А тут сиропом не угодишь... Если я с каждой любезничать буду, то...

— Но вы же на рабочем месте, — сумела сказать свое слово женщина в шляпке.

— На рабочем! — энергично кивнула головой женщина в чепчике. — Что, не нравится, как стою?.. Прочно стою!.. Посмотрела бы я, как ты на своем месте стоишь... На, пей!

Женщина в шляпке смахнула слезу в стакан и тихо, но твердо сказала:

— Сама пей! А в магазин этот я в жизнь больше не зайду!

— Сделай милость, не заходи! — бросила ей в спину женщина в чепчике. — И откуда такая выискалась... Уши у нее от грубостей вянут... Ишь цаца!

— Сама ты цаца! — зло ответила женщина в шляпке, толкнув ногою дверь. — Порядочки... Все настроение испортили!

Я бросил на тарелку медяки, схватил сигареты и в дверь. Слов, брошенных мне вслед женщиной в чепчике, я не слышал, так как дверь вовремя захлопнулась перед первым восклицательным знаком. А сам я вскочил в первый попавшийся автобус.

— Эй, в шляпе, куда прешь? — услышал я обращенный ко мне вопрос и, взглянув на кондукторшу, узнал в ней женщину в шляпке. Она протискивалась сквозь плотную массу пассажиров. — Куда лезешь?

— Так ведь тесно, — промямлил я.

— Всем тесно... Однако другие как столбы стоят, а ты словно дуб на ветру качаешься. Поди еще и билет не взял. Э-эх, на несчастный пятачок совесть променял. Шляпу вон как скособрел, а билета нету... Чисто интеллигент!

— Зачем грубите-то?

— Кто грубит? Я грублю? Да за такие слова мало шляпу в окно выбросить. Чего заморгал? Стыдно! Правильно... Давай пятачок!

— На гривенник, только заглохни! Больше ни разу в этот автобус не сяду.

— И правильно сделаешь! Пешочком ходи... А деньги есть, так на такси кататься. Граждане, шляпу подержите, а то потеряет.

Вот народ! С утра такое настроение было и на тебе... испортили. Отвертка все время выпадала из рук, паяльник коптил, а винтики горохом рассыпались по полу. В довершение всего перед самым закрытием в мастерскую заказчица приплыла.

— За телевизором? — еле сдерживая раздражение, спросил я.

— За телевизором, — расплылась в улыбке заказчица.

— А в другое время вы не смогли прийти? — уронив голову набок спросил я. — После смены, например?

— Если вы острите хотите, то ехидничайте после смены, а сейчас еще рабочее время...

— Сам знаю... Только за эти пять минут я не успею выдачу оформить... Не автомат...

— Я прошу вас...

— Все просят...

— Я хочу...

— Все хотят!

Телевизор я не выдал. Времени не было. И настроения.

Я шел домой и мучительно вспоминал лицо заказчицы. Где-то я видел его. И голос слышал.

Рука привычно потянулась к карману. Сигарет не было. Ба, так ведь это...

Настроенье, как погода. А погода — хуже не придумаешь! Испортилась погода!

ТОНКИЕ ЧУВСТВА

Прозвенел, словно сигнал тревоги, звонок, и на пороге показался заросший щетиной дядя в болоньевой куртке. Он переступил с ноги на ногу и, не ожидая вопросов, начал:

— Кажись, сюды зашел? Это Угловая, тринадцать, квартира двадцать? Все верно, сюды! Бригаду вызывали? Вызывали. Кажите объект. Не волнуйтесь, сапоги не в мазуте, а глина легко отмывается. Вы тоже догадались, с утра вызвать! Раз с утра, значит терпенья нет. Не волнуйтесь, такое чуйство нам понятно. Что, уже не утро? Вижу, не утро. Мы тоже хотели пораньше начать, но порядок. Никакого сочюйствия, скажу я вам. Людям на работу, а они не дают... Раньше одиннадцати, говорят, не могём. Порядочки, скажу я вам... Это что же у вас? Пол? Стены? Ага, ясно! И в ванне надо? И в этом самом, куды ходют? Работенки, прямо скажу, днем не отделаешься... Правда, если постараться... Что вы говорите? На что намекаете? Ах, доплата? За скорость... Понятны ваши волнения... Что? Целую бригаду вызывали? Все верно, все правильно. Все, прямо скажу, в норме. Ну, ладно. Время — деньги, а их, как говорят, много надо. За дело! Это кто же там? Гость мужского пола? Зачем краснеть? Сам вижу — не чужой человек. Не со стороны. Муж называется. Эй, хозяин, почему все заботы на жену свалил? Ну-ка, газетку в сторону и вниз. Там ящик со струментом. Тащи сюды! А это кто и откуда? Сын? Из кина? Так вот, сын из кина, сымай свою малахайку и дуй за отцом. Ведро с кистями волоки. А там на машинке кто стрехуляет? Сестра? Чья сестра? Мужнина сестра? Не мужнина, а твоя сестра? Погостить прикатила. Э-хе-хе... Тут ремонт, а она в гости. Давай, гостюшка, топай за щетками. Что? Щеток нет? Тоже мне — хозяйева! А у соседей есть? Есть. Сразу видно, не вам чета. За жилплощадью следят. И соседей позовите. Работа найдется. Что? Какая бригада? Моя бригада? Не волнуйтесь, бригада внизу, за углом. В очереди. В чуйство приходит. Ты топай, топай. За соседями топай. А если ремонта не хошь, не морочь голову. На другой объект перейдем. Заявок много, во, целая куча. Если бы денег столько! Что, не уходить? До-платите?

Ладно, не уйдем. Мы понятливые. Ага, краску принесли. Теперь бери кисть и туды-сюды маши. Технология младенцу понятна. Эй, хозяин, как струмент держишь? Как держишь? Ох, никакого понимания. А еще образованный, поди! Не за тот конец молоток держишь. За головастый хватай. А ты кто? Сосед? Раз сосед — лезь на стол и по потолку, по потолку. Это почему же у тебя руки-то дрожат? После вчерашнего в чюйства не пришел? Ничего, придешь, придешь... Привыкли ручками строчить, да в телефоны названивать. Ремонт — он стерпенья требует. Тонкие чюйства тут ни к чему. Вы тут побыстрее, а я к ребятам сбегая. Проверю, может, очередь подошла. А это что — рыбка? Вяленая? Вот спасибо, вот спасибо. Да мы за эту рыбку в доску разобьемся. Квартирку отремонтируем — у соседей от зависти глаза лопнут! Насчет доплаты, хозяйюшка, не забудь. Вернусь, мы тогда нарядик и закроем. Вы половчее тут, а я побег.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

Исполнилось 50 лет кузбасскому прозаiku Олегу Порфирьевичу Павловскому.

Кажется, так недавно смотрели мы на экранах захватывающий фильм о романтическом разбойнике бессарабских лесов Тодоре Тобултоке «Атаман кодр», сценарий которого был написан О. Павловским в соавторстве с С. Молдаваном. Фильм был удостоен двух премий Всесоюзного кинофестиваля 1959 г. и с успехом прошел по экранам страны и за рубежом. С тех пор прошло 16 лет, и

за эти годы О. П. Павловским сделано немало: написано и издано около десяти книг, и почти все они связаны с Сибирью, Кузбассом. Да и сам их автор, уроженец Архангельска, участник Великой Отечественной войны, бывший строитель Мингечаурского гидроузла и Майкопской ГЭС, навсегда связал себя с Кузбассом и чувствует себя сибиряком.

О славных тружениках Кузбасса написаны лучшие очерковые книги О. Павловского «Миллион влюбленных», «Мы — карболитчики», проблемам сельского хозяйства и жизни послевоенного колхозного села посвящен роман «Иван, сын крестьянский». Повесть О. Павловского о суровой военной юности его поколения «Не оглядывайся, сынок!» была отмечена почетным дипломом Всесоюзного литературного конкурса им. А. Фадеева в 1971 году. Она несколько раз переиздавалась.

Не забывает писатель и детей. Он — автор трех книг для школьников: «Необычайное путешествие Петьки Озорникова», «Второе рождение Петьки Озорникова» и «Чудесный уголек», написанной для малышей. В ближайших планах — книга повестей и рассказов для детей о сибирской природе «Мрас-Су — желтая река».

Ответственный секретарь альманаха «Огни Кузбасса», О. П. Павловский много внимания уделяет воспитанию молодых литераторов области.

Разные стороны жизни интересуют писателя: воспитание молодого рабочего человека, проблемы современного села и его молодежи. В черновиках — роман о молодом заводском парне, задумана документальная повесть о людях и истории села Шуринка Промышленновского района Кемеровской области.

О. Павловский в расцвете творческих сил. Хочется верить, читатели встретятся с новыми, интересными произведениями писателя.

Л. ГЛЕБОВА

31 коп.

КЕМЕРОВО 1975